

Фредерик ПОЛ

ХИЧИ
ПУТЬ ВРАТ
ПАРЕНЬ, КОТОРЫЙ
БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

Фредерик Пол
Путь врат. Парень,
который будет жить вечно
Серия «Мастера фантазии»
Серия «Хичи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70201321

Ф. Пол. Путь врат. Парень, который будет жить вечно: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-159097-0

Аннотация

Эта книга продолжает череду историй о вселенной Врат, приподнимая завесу над теми тайнами, которые до сих пор оставались нераскрытыми.

Первые артефакты хичи, найденные землянами в Солнечной системе, первые открытия и собранные по крупицам знания об их технологиях.

Роман «Парень, который будет жить вечно» завершает цикл о хичи.

Содержание

Путь врат	5
Часть первая. Посещение	6
Часть вторая. Торговцы на Венере	15
Часть третья. Астероид Врата	147
Часть четвертая. Искатели звезд	154
Часть пятая. На родной планете	175
Часть шестая. Другие миры	183
Часть седьмая. Сокровища хичи	206
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Фредерик Пол Путь врат. Парень, который будет жить вечно

Frederik Pohl

The Gateway Trip. The Boy Who Would Live Forever

© Frederik Pohl, 1990, 2004

© Перевод. А. Грузберг, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Путь врат

Рассказы и очерки о хичи

Часть первая. Посещение

Давным-давно, около полумиллиона лет назад, в окрестностях Солнечной системы появились новые обитатели. Они были исполнены дружелюбия, и дело оставалось за тем, чтобы кому-то его продемонстрировать. Однажды они высадились на третьей планете системы, той самой, которая нам известна под названием Земля, чтобы посмотреть, кто дома.

Но время для визита оказалось неподходящим. О, на Земле была жизнь, много жизни. Планета кишела ею. Были пещерные медведи и саблезубые кошки, были животные, подобные слонам, и животные, подобные оленям. Были змеи и рыбы, птицы и крокодилы; были болезнетворные микроорганизмы и стервятники; были леса, саванны и самая разнообразная растительность. Но в каталоге живых земных существ отсутствовало одно. Именно то, которое и искали пришельцы.

Гости из космоса не могли найти на планете *разума*. Он здесь еще не появился.

Посетители искали его очень тщательно. Ближе всего к искомому оказалось маленькое мохнатое существо, не знающее языка и огня, не ведающее социальных институтов, но у него, по крайней мере, были многообещающие умения (например, оно умело делать грубые орудия из осколков кремня). Когда появился современный человек и принялся

отыскивать свои эволюционные корни, он назвал это первобытное гуманоидное существо австралопитеком. Посетители никак его не называли... они испытали еще одно разочарование в поиске собратьев по разуму в космосе.

Маленькие животные были не очень высоки – ростом с современного шестилетнего ребенка. Но посетители их в этом не винили. У них не было возможности для сравнения с малышами современных людей, да и сами они были не такие уж рослые.

А время было опасное – плейстоцен, когда наступал и отступал ледник в Европе и Северной Америке, когда африканские тропические леса то увеличивались, то уменьшались и для любого вида, который хотел выжить, ключевым свойством становилась приспособляемость. Посетители застали племя своих маленьких зверьков в холмистой сухой саванне, поросшей травой и дикими цветами. Австралопитеки поселились на лугу, на берегах мелкого медленного ручья, впадавшего в огромное соленое озеро в нескольких километрах. На западе уходили вдаль горы. Их предгорья начинались поблизости. Горы были вулканами, хотя, конечно, австралопитеки понятия не имели, что такое вулкан. Конечно, у них был огонь: настолько далеко они продвинулись в своем технологическом развитии. Вернее, огонь был у них большую часть времени, когда молния поджигала сухую траву или когда горячая лава извержений стекала к подножию вулкана, хотя это, к счастью для малышей, случалось редко.

Они нечасто пользовались огнем. Например, возможность готовить на нем еду еще не пришла им в голову. Но они обнаружили, что огонь прогоняет крупных ночных хищников, и иногда это их спасало.

Днем они могли хорошо позаботиться о себе. Носили с собой «каменные топоры» – не очень сложное орудие, просто куски камня, обколотые и принявшие форму толстой раковины с острыми краями, – и дубины, которые выглядели еще менее внушительно: обычные необработанные берцовые кости похожих на оленей копытных животных, на которых охотились австралопитеки. Такое орудие не способно остановить саблезубого тигра. Но если таких орудий много и ими размахивают вопящие обезьянолюди, этого достаточно, чтобы отпугнуть гиен. Убивать гиен случалось нечасто, но обычно удавалось убедить этих животных, что лучше потратить время на поиски более беззащитной добычи.

Время от времени, конечно, хищники похищали ребенка или старика, жизнь которого из-за изношенных зубов все равно становилась ненадежной. Это австралопитеки могли выдержать. Более важных для благополучия племени особей они теряли редко – и только на охоте. Но у них не было выбора, охотиться все равно приходилось. Охотиться, чтобы есть.

Несмотря на малый рост, австралопитеки были очень сильны. Животы у них были большие, но ягодичные мышцы – маленькие, даже у самок, по существу, не было бедер. Лица их не очень напоминали человеческие: никакого достойного

упоминания подбородка, широкий нос, крошечные уши, почти скрывающиеся в густой шерсти на голове – волосами ее еще нельзя было назвать. У среднего австралопитека в черепе было мало места для мозга. Если мозг из этого низкого черепа переложить в пивную кружку объемом с пинту, он, возможно, перелился бы через край, но совсем немного.

Конечно, ни один современный любитель пива так не поступит, но мохнатые малыши так сделали бы – с радостью. В их диете мозги были деликатесом. Даже мозги других австралопитеков.

Пришельцам не очень нравились диетические привычки мохнатых малышей. Тем не менее одна анатомическая характеристика этих существ заинтересовала гостей – своими сексуальными последствиями. Подобно пришельцам, австралопитеки были двуногими. В отличие от пришельцев ноги у них располагались так близко друг к другу, что буквально терлись при ходьбе. И пришельцам казалось, что это представляет собой серьезную проблему, по крайней мере для самцов, так как мужские половые органы подвешены между ногами.

(Несколько сотен тысяч лет спустя повелители земной жизни – люди – будут задаваться аналогичными вопросами о давно исчезнувших пришельцах... и тоже не сумеют понять, не мешала ли им эта особенность.)

Итак, гости из космоса некоторое время наблюдали за

мохнатыми малышами, разочарованно почирикали друг с другом, вернулись на свои космические корабли и мрачно удалились.

Тем не менее посещение не было абсолютным провалом. Планета, обладающая жизнью, – редкая драгоценность в Галактике. Конечно, они надеялись на более развитую жизнь, надеялись найти друзей, обменяться с ними мнениями, обсудить проблемы. Маленькие мохнатые животные, разумеется, для этого не годились. Но пришельцы не покинули их, ничего не предприняв. По собственному богатому опыту они знали, что перспективный вид может легко вымереть, может где-нибудь на дороге эволюции сделать неверный поворот и тем самым никогда не осуществить свой потенциал. Поэтому гости выработали политику создания... назовем это «заповедниками для сохранения дичи». И поэтому, улетаая, прихватили с собой в своих космических кораблях нескольких австралопитеков. Они поместили маленьких животных в безопасное место в надежде, что на что-нибудь они пригодятся. После чего удалились.

Прошло время... очень много времени.

Австралопитеки на Земле ничего не добились. Но тут появились их близкие родственники – вид Номо, более известный как вы, и я, и все наши друзья. У существ вида Номо получилось гораздо лучше. В сущности, через пятьсот тысяч лет они добились всего, что посетители надеялись увидеть у австралопитеков.

Эти «люди», как они себя называли, оказались очень изобретательны. И за прошедшие века наизобретали много: колесо, сельское хозяйство, города, рычаг и парусные корабли, двигатели внутреннего сгорания, кредитная карточка, радар и космические корабли. Конечно, они изобрели это все не сразу. И не все их изобретения оказались благом, потому что параллельно они изобретали дубины и мечи, луки и катапульты, пушки и атомные бомбы. Люди очень талантливо умеют все запутывать.

Например, очень многие их изобретения такого типа: они предназначены делать одно, а делают нечто совершенно другое. Таковы их «миротворческие» изобретения, которые совсем не способствуют сохранению мира. Или «медицина». Они изобрели то, что называли «медициной», очень рано, то есть начали делать всевозможные странные процедуры с людьми, которым не повезло и они заболели. Полагали, что эти процедуры должны были вылечить больного, но часто происходило наоборот. В лучшем случае они просто не помогали. Человек, умирающий от малярии, был благодарен местному знахарю, который надевал дьявольскую маску и плясал у его постели, тем не менее этот человек все равно умирал. К тому времени, как шансы больного на выздоровление с врачом превысили эти же шансы без врача – на это потребовалось 499 900 лет из 500 000, – люди изобрели более эффективный способ все ставить вверх дном. Они изобрели деньги. Человеческая медицина научилась успешно ле-

чить многие болезни, но людям становилось все труднее и труднее найти деньги, чтобы заплатить за лечение.

Примерно к этому же времени люди, живущие на маленькой зеленой планете под названием Земля, достигли такого уровня развития, что впервые смогли оторваться от нее. Начался космический век человечества.

В некотором смысле это было счастливое совпадение. Когда люди научились запускать космические корабли, пора было уже думать о том, чтобы бежать с Земли. Земля была очень хороша для богатых. Но для бедняков она стала невыносимой.

К этому времени существа, навещавшие австралопитеков, конечно, давно исчезли.

В стремлении найти другую разумную расу, с которой можно было бы пообщаться, они обшарили пол-Галактики. Было несколько успехов, вернее почти успехов. Нашли несколько многообещающих видов – ну, по крайней мере, не менее перспективных, чем бедные глупые австралопитеки.

Вероятно, ближе всех подошли к тому, что они искали, существа, названные ими медленными пловцами. Эти разумные существа (конечно, они не были людьми, но разумными были) жили на тяжелой планете в густой атмосфере из жидкого газа. Медленные пловцы, по крайней мере, владели речью. На самом деле они пели на своем языке бесконечные прекрасные песни, которые посетители сумели в конце

концов расшифровать. У медленных пловцов были даже города, то есть жилые дома и общественные здания, которые плавали в густой грязи, в которой жили эти существа. Разговаривать с медленными пловцами было не очень интересно, главным образом потому – вам лучше в это сразу поверить, – что они ужасно медлительны. Если вы хотите поговорить с ними, вам нужно ждать неделю, пока собеседник произнесет слово, и год, чтобы он закончил несколько строк из песни. А чтобы поговорить по-настоящему, нужно несколько продолжительностей обычной жизни. Это не вина медленных пловцов. Они живут при таких низких температурах, что все, что они делают, совершается на много порядков медленнее, чем в мире теплокровных, дышащих кислородом существ, как люди – или как сами пришельцы.

Потом пришельцы отыскиали кое-кого еще... и то, что они нашли, их страшно перепугало.

И они совсем перестали искать.

Когда люди наконец вышли в космос, у них была своя повестка дня, не такая, как у их древних гостей. Они не искали другие разумные существа, во всяком случае искали не так. Телескопы и автоматические ракеты давно сообщили людям, что нет никаких других разумных существ, по крайней мере в их Солнечной системе. А улететь за ее пределы они почти не надеялись.

Люди могли бы поискать давних посетителей своей пла-

неты, если бы догадывались об их существовании. Но, конечно, они не догадывались.

Вероятно, чтобы отыскать другую разумную расу, лучше быть везучим, чем целеустремленным. Когда люди высадились на Венере, планета не показалась им многообещающей. Первые люди, увидевшие ее, на самом деле не «видели» – в этой чрезвычайно плотной и тусклой атмосфере много не увидишь, – они просто покружили по орбите, прощупывая радаром поверхность. И то, что обнаружили, их не порадовало. Когда наконец первые ракеты сели в долине Ущелье вблизи Афродиты Терры и исследовательские группы начали знакомиться с негостеприимной поверхностью Венеры, у ученых не было никакой надежды обнаружить жизнь.

Конечно, жизнь они не нашли. Но потом в районе Венеры, называемом Айно Планиция, геолог сделал открытие. Он обнаружил расселину – ее можно назвать туннелем, хотя первооткрыватели сочли ее лавовой трубой, – под поверхностью планеты. Туннель оказался длинным, правильным... и никак не мог тут находиться.

Так первые исследователи Венеры совершенно неожиданно обнаружили следы полумиллионнолетней давности посещения.

Часть вторая. Торговцы на Венере

1

Меня зовут Оди Уолтерс, я пилотирую воздушные аппараты, их можно назвать самолетами, живу на Венере – в Веретене или в туннелях хичи; там я, по крайней мере, сплю.

До двадцати пяти лет я жил на Земле, главным образом в Амарилло. Мой отец был заместителем губернатора Техаса. Он умер, когда я еще учился в колледже, но оставил мне достаточно средств, чтобы я окончил колледж, получил диплом бакалавра в области деловой администрации и выдержал экзамен на клерка-тайписта в журналистской Службе. Так что я был готов к жизни. Так решило бы большинство.

Через несколько лет после этого я сделал открытие. Я обнаружил, что мне не нравится жизнь, к которой я готов. И вовсе не по тем причинам, каких вы ожидаете. Амарилло не так уж плох. Я не возражал против делового костюма, умел ладить с соседями, даже если их приходится по восемь тысяч на квадратную милю, терпеливо относился к шуму, мог защититься от банд подростков – нет, меня не устраивал совсем не Техас. Дело в том, что я делал со своей жизнью в Техасе. И вообще на Земле.

Поэтому я убрался с Земли.

Я продал свое журналистское удостоверение женщине, которой пришлось заложить квартиру родителей, чтобы купить его; я заложил и собственную долю унаследованного дохода, забрал свои небольшие сбережения из банка... и купил билет в один конец на Венеру.

В этом нет ничего необычного. Каждый ребенок говорит, что он это сделает, когда вырастет. Разница в том, что я это сделал.

Вероятно, все обстояло бы по-другому, если бы у меня был шанс получить Настоящие Деньги. Если бы мой отец был губернатором, а не заместителем, и располагал многочисленными выплатами, вознаграждениями и фондами, а не был бы рядовым неудачником на гражданской службе... Если бы наследство, которое он мне оставил, включало выплату за Полную Медицину... Если бы я находился на вершине, а не застрял в середине, и со всех сторон на меня давили...

Но так не получилось. И поэтому я пошел новой дорогой и попробовал зарабатывать на жизнь, обслуживая туристов с Земли в главном поселении Венеры – в Веретене.

Все видели фотографии Веретена – как и Колизея, и尼亚гары. Разница, конечно, в том, что Веретено можно увидеть только изнутри. Оно находится под поверхностью Венеры, в месте, которое называется Альфа Реджио.

Как и все, на что стоит посмотреть на Венере, Веретено оставили хичи. Никто так и не установил, зачем хичи понадобилось подземное помещение в триста метров длиной и

веретенообразной формы, но таким оно было. И мы им пользовались. Для Венеры оно служило своего рода Таймс-сквер или Елисейскими Полями. Все туристы-земляне прежде всего отправлялись в Веретено, и поэтому именно здесь мы начинали стричь их.

Мое собственное дело – я имею в виду полеты с туристами на самолете – относительно законное; конечно, если не учитывать того обстоятельства, что на Венере нечего смотреть; только то, что оставили хичи. Другие ловушки для туристов в Веретене гораздо менее законны. Но туристам на это наплевать. Хотя, конечно, они догадываются, что их дурачат. Все они нагружаются молитвенными веерами хичи, головами кукол, легкими прозрачными пластиковыми контейнерами, в которых плавает шар Венеры в оранжево-коричневом снегопаде фальшивых кровавых бриллиантов, огненных жемчужин и летучего пепла. Ни один из этих сувениров не стоит той платы, которую придется отдать за доставку его массы на Землю, но для туристов, которые вообще могут заплатить за межпланетный перелет, это, я полагаю, не имеет значения.

Однако для таких людей, как я, которые не могут себе много позволить, туристские приманки значат очень много. Мы на них живем.

Я не хочу сказать, что мы на них загибаем деньги. Нет, только чтобы заплатить за еду и место для сна. Если мы этого не заработаем, мы умираем.

На Венере не очень много законных способов заработать. Во-первых, армия, если это можно назвать законным заработком, а в остальном – туризм и просто удача. Удача – это, например, выигрыш в лотерею, или ценная находка в туннелях хичи, или хорошо оплачиваемая работа в научной экспедиции, но все это очень маловероятно. А в хлебе с маслом почти все жители Венеры зависят от земных туристов, и если мы не выдоим туриста досуха, когда предоставляется возможность, значит, не заслужили и хлеба с маслом.

Конечно, есть туристы – и туристы. Они существуют в трех разновидностях. Разница между ними в небесной механике.

Класс третий – туристы торопливые и неразборчивые. На Земле они называются зажиточными людьми. Третий класс прибывает на Венеру каждые двадцать шесть месяцев по орбите Хоманна, которая требует минимальной энергии для полета с Земли. Поскольку орбита Хоманна предоставляет лишь небольшие промежутки для использования, такие туристы никогда не остаются на Венере больше чем на три недели. И поэтому они прилетают с намерением получить все, что возможно, за свои четверть миллиона долларов – столько стоит самая дешевая каюта, а деньги эти им подарили дедушка и бабушка на окончание колледжа, или они сами сберегли на второй медовый месяц, или что-то в этом роде. Плохо то, что у них не бывает лишних денег, они все их израсходовали на оплату дороги. А хорошо то, что их много. Когда

прилетает туристический корабль, все комнаты, сдающиеся в аренду, бывают заняты. Иногда шесть пар занимают одно помещение с перегородкой, по две пары спят в три смены. А такие, как я, переселяются в туннели хичи, а собственные комнаты сдают и тем самым зарабатывают деньги на жизнь еще на несколько месяцев.

Но на туристах третьего класса не заработаешь столько, чтобы дожить до следующего промежутка в орбите Хоманна, так что, когда появляются туристы второго класса, мы из-за них готовы перегрызть друг другу глотки.

Второй класс – относительно богатые. Их можно назвать бедными миллионерами; их годовой доход исчисляется семизначным числом. Они могут позволить себе прилететь по орбите с ускорением, затратив на это дней сто, вместо того чтобы долго и медленно лететь по орбите Хоманна. Такой перелет обходится в миллион долларов и выше, так что туристов класса два не очень много. Тем не менее ежемесячно в относительно благоприятные расположения планет они понемногу появляются. К тому же на Венере у них есть возможность потратить побольше. Многие относительно богатые туристы класса два ждут такой возможности, когда положение планет позволяет им посетить по низкоэнергетической орбите сразу три планеты, и стоит это примерно столько же, сколько прямой перелет Земля – Венера. Если нам повезет, вначале они посещают нас, потом отправляются на Марс (как будто на Марсе есть что-нибудь стоящее!). Если они по-

сещают нас на обратном пути, приходится довольствоваться тем, что оставили марсианские колонисты. Это плохо, потому что обычно они оставляют очень мало.

А вот очень богатые – о, эти очень богатые! Чудо первого класса! Они появляются в любое время, независимо от орбиты, и они могут тратить!

Когда мой информант на посадочной площадке сообщил о прилете «Юрия Гагарина» частным charterным рейсом, мой денежный нос зачесался.

Прилетевший на этом корабле должен быть очень перспективен. Сейчас могут прилететь только очень богатые. И единственный вопрос: сколько конкурентов постараются перерезать мне глотку, чтобы первыми добраться до пассажиров «Юрия Гагарина»... а я, конечно, постараюсь перерезать им.

Для меня это очень важно. Как раз тогда у меня возникла острая потребность в деньгах.

Туристический бизнес, связанный с полетами, требует гораздо больше капитала, чем, например, открытие киоска с сувенирами. Мне повезло: я купил свой самолет дешево, когда умер тип, на которого я работал. Соперников у меня почти не было: несколько самолетов как раз в ремонте, другие улетели на раскопки хичи.

Так что, решил я, пассажиры «Гагарина», кем бы они ни были, могут достаться мне... конечно, если им захочется выйти за пределы Веретена.

Приходилось надеяться, что им захочется, потому что мне очень нужны были деньги. Видите ли, у меня выходила из строя печень. Положение близилось к полному отказу. Врачи объяснили, что у меня есть три выбора: вернуться на Землю и какое-то время жить на искусственной печени. Найти денег и получить трансплантат. Или умереть.

2

Парня, нанявшего «Юрий Гагарин», звали Бойс Коченор. Возраст по внешней оценке – примерно сорок лет. Рост – около двух метров. Происхождение – ирландско-американско-французское.

Я сразу узнал этот тип: человек, привыкший везде быть хозяином. Он вошел в Веретено с таким видом, словно оно принадлежит ему и он подумывает о том, чтобы ликвидировать это свое владение. Сел в имитации кафе на парижском бульваре, принадлежащем Сабу Вастре.

– Скотч, – сказал он, даже не глядя, слушает ли его официант. Конечно, его слушали. Вастра торопливо полил лед виски и протянул ему холодящий губы напиток. – Курево, – сказал Коченор – и тут же девушка зажгла сигарету и протянула ему. – Ужасная дыра! – заметил он, оглядываясь, и Вастра скромно и торопливо поддакнул.

Я сидел поблизости – ну, конечно, не за тем же столиком. Я даже не смотрел в их сторону. Но слышал все, что они го-

ворили. Вастра тоже не смотрел на меня, но, конечно, видел, как я вошел, и знал, что я наметил себе эту многообещающую цель. Заказ у меня приняла третья жена Вастры, потому что сам Вастра, конечно, не собирался заниматься простой туннельной крысой, когда у него за столиком землянин с чартерного рейса.

– Как обычно, – сказал я третьей жене, имея в виду, что эль слабый. – И копия ваших сведений, – добавил я негромко. Она понимающе подмигнула мне из-под своей вуали для флирта. Хитрая лисичка. Я по-дружески похлопал ее по руке и вложил свернутую банкноту. Потом она ушла.

Землянин осматривал окружение, которое включало и меня. Я посмотрел на него, вежливо, но равнодушно, он слегка кивнул мне и снова повернулся к Сабхашу Вастре.

– Поскольку я уж здесь, – сказал Коченор пресыщенным тоном богатого туриста, – можно попробовать, что вы тут предлагаете. Что у вас есть?

Саб Вастра широко улыбнулся, как рослая костлявая лягушка.

– О, все что угодно, сэр! Развлечения? У нас есть частные помещения, там вас развлекут лучшие артисты трех планет, танцовщицы, музыка, комики...

– Этого добра у нас достаточно в Цинциннати. Я на Венеру прилетел не для того, чтобы попасть в ночной клуб. – Коченор, конечно, не мог знать этого, но принял правильное решение: частные помещения Саба в самом низу списка ноч-

ных развлечений Венеры, а даже верх этого списка немногого стоит.

– Конечно, сэр! Тогда, может, вас интересует тур?

– Ага. – Коченор покачал головой. – Какой смысл бегать вокруг? Разве на этой планете что-то выглядит по-другому, чем посадочная площадка, с которой мы пришли? Сразу над нашими головами?

Вастра колебался. Я видел, что он быстро подсчитывает в уме, решает, стоит ли отдавать туриста мне за коммисионные. На меня он не смотрел. Честность победила – честность, подкрепленная быстрой оценкой степени доверчивости Коченора.

– Не очень много отличий, сэр, – признал Вастра. – На поверхности повсюду жарко и сухо. Но я говорил не о поверхности.

– О чем же тогда?

– О, о туннелях хичи, сэр! Под этим самым поселком их много миль. Можно найти надежного проводника...

– Не интересуюсь, – проворчал Коченор. – Зачем мне так близко?

– Сэр?

– Если проводник может провести по ним, – объяснил Коченор, – значит, они исследованы, а это значит, что все хорошее в них уже разграблено. Какой в этом интерес?

– Конечно! – сразу воскликнул Вастра. – Я вас вполне понимаю, сэр. – Выглядел он довольным, и я чувствовал, как

задевает меня его радар, хотя в мою сторону он по-прежнему не смотрел. – Конечно, – продолжал он важно, как специалист, разговаривающий с солидным клиентом. – Всегда есть шанс напасть на новые раскопки, сэр, конечно, если знаешь, где искать. Прав ли я, предполагая, что именно это вас интересует?

Третья жена Вастры принесла мне мою выпивку и тонкий листочек.

– Тридцать процентов, – прошептал я ей. – Скажи Сабу. Только никакой торговли и никаких других участников. – Она кивнула и подмигнула; конечно, она тоже прислушивалась и была уверена, что землянин на крючке.

Я собирался тянуть свою выпивку как можно дольше, пока цель зреет под искусным управлением Вастры. Похоже, впереди меня ждет процветание. И я готов был отпраздновать. Сделал со вкусом большой глоток.

К несчастью, на крючке не оказалось наживки. Землянин почему-то пожал плечами.

– Напрасная трата времени, – проворчал он. – Я хочу сказать: если кто-то знает, где поискать, почему бы ему самому не поискать, верно?

– Ах, мистер! – воскликнул Вастра; он был близок к панике. – Но уверяю вас, есть еще сотни неисследованных туннелей! Тысячи, сэр! А в них, кто знает... Бесценные сокровища очень вероятны!

Коченор покачал головой.

– Оставим это, – сказал он. – Принесите нам еще выпить. И проследите, чтобы лед на этот раз был холодный.

Это меня потрясло. Неужели мой денежный нос ошибся?

Я поставил стакан и полуотвернулся, чтобы скрыть от землян то, что делаю. Собрался просмотреть копию факса Сабба, которая могла бы объяснить, почему этот Коченор так неожиданно утратил интерес.

Но сведения не ответили на этот вопрос. Хотя многое сообщили мне. Женщину с Коченором зовут Доротой Кифер. Она уже несколько лет путешествует с ним, согласно их паспортам, хотя впервые улетела с Земли. Никакого указания на то, что они в браке – или что собираются вступить в брак, – во всяком случае, со стороны Коченора. Кифер чуть больше двадцати – настоящий возраст, без всяких стимуляторов и трансплантатов. А вот Коченору перевалило за девяносто.

Конечно, на девяносто он не выглядел. Я видел, как он идет к столику: походка у него легкая и упругая для такого рослого человека. Состояние у него в земле и нефтепище. Согласно сведениям, он один из первых нефтяных миллионеров, которые перестали продавать нефть как топливо для машин, а стали производить из нее пищу, выращивать на нефти водоросли и в обработанной форме продавать эти водоросли как человеческую еду. Тогда он перестал быть миллионером и превратился в гораздо более богатого человека.

Это объясняло его внешний вид. Он жил на Полной Ме-

дицине со всеми добавками. В сообщении говорилось, что сердце у него титаново-пластиковое. Легкие пересажены от двадцатилетнего парня, погибшего в автокатастрофе. Кожа, мышцы, жир – не говоря уже о многочисленных железах – получали подкрепление гормонами и создателями клеток ценой в несколько тысяч долларов ежедневно.

Судя по тому, как он поглаживал бедро сидевшей рядом с ним девушки, он хорошо пользовался своими деньгами. Выглядел он и двигался как сорокалетний, не старше, если не считать его светло-голубых, блестящих, усталых и лишенных всяких иллюзий глаз.

Короче говоря, цель была превосходная.

Я не мог позволить ему уйти. Допив свою порцию эля, я кивком велел Третьей принести новую. Должен быть какой-то способ заставить его снять мой самолет.

И я должен найти этот способ.

Конечно, по другую сторону легкого ограждения, обособлявшего кафе Вастры от остального Веретена, половина туннельных крыс Венеры думала о том же самом. Сезон сейчас самый плохой. Толпы с орбиты Хоманна появятся еще через три месяца, и у нас у всех кончались деньги. У меня лишь несколько более срочная потребность – в замене печени; из сотни туннельных обитателей, которых я видел краем глаза, девяносто девять тоже должны были выдоить этого туриста, просто чтобы остаться в живых.

Все этого сделать не могут. Он, конечно, выглядит доста-

точно упитанным, но никто не может накормить нас всех. Двоих, может троих. Возможно, даже с полдесятка кое-что заработают. Но не больше.

Я должен быть одним из этих немногих.

Я глотнул из второй порции, щедро – и намеренно заметно – дал чаевых Третьей и небрежно повернулся – так, чтобы оказаться лицом к землянам.

Девушка торговалась с несколькими продавцами сувениров, наклонившимися через ограждение.

– Бойс? – спросила она через плечо. – Для чего эта штука?

Он перегнулся через перила и всмотрелся.

– Похоже на веер, – ответил он ей.

– Верно, молитвенный веер хичи! – воскликнул торговец. Я его знал, Букер Аллеман, один из старожилов Веретена. – Сам отыскал, мисс! Он исполняет желания, мы ежедневно получаем письма с невероятными результатами...

– Глупая приманка, – проворчал Коченор. – Покупай, если понравилось.

– Но что он делает? – спросила девушка.

Коченор неприятно рассмеялся и продемонстрировал.

– То же, что другие веера. Охлаждает. Но ты в этом не нуждаешься, – добавил он многозначительно и с улыбкой взглянул на меня.

Мой шанс.

Я прикончил выпивку, кивнул ему, встал и подошел к их столику.

– Добро пожаловать на Венеру, – сказал я. – Не могу ли я быть вам полезен?

Девушка вопросительно взглянула на Коченора, потом сказала:

– Мне нравится этот веер.

– Да, он красив, – согласился я. – Вам известна история хичи?

Я вопросительно взглянул на незанятый стул и, так как Коченор не попросил меня убраться, сел на него.

– Хичи построили эти туннели очень давно, может быть четверть миллиона лет назад. А может, и больше. Они как будто жили в них какое-то время, столетие или два. Потом снова ушли. Оставили много мусора и кое-что ценное. Среди прочего тысячи таких вееров. Кто-то из местных мошенников назвал их молитвенными веерами. Их стали продавать туристам, говоря, что они исполняют желания.

Аллеман слушал каждое мое слово, пытаясь догадаться, к чему я клоню.

– Отчасти это верно, – согласился он.

– Все верно. Но вы слишком умны для таких вещей. И все-таки, – добавил я, – взгляните на эти веера. Они очень красивы. Их приятно иметь, даже если они и не исполняют желания.

– Конечно! – воскликнул Аллеман. – Смотрите, как он сверкает, мисс! А этот черно-серый кристалл так подходит к вашим светлым волосам!

Девушка развернула черно-серый веер. Он раскрылся, как свиток, конусообразный с одной стороны. Нужно было лишь слегка придерживать большим пальцем, чтобы он оставался открытым. Веер очень красиво блестел, когда девушка им обмахивалась. Как и все веера хичи, он весит около десяти граммов, не считая ручки из искусственной древесины, которую такие, как БиДжи, к ним приделывают. Кристаллическая решетка материала веера улавливает свет, который испускают металлические стены туннелей хичи, и выпускает его назад сверкающими разноцветными искрами.

– Этого парня зовут Букер Гэри Аллеман, – сказал я землянам. – Он продаст вам то же, что другие, но не станет обманывать, как большинство, особенно когда я при этом присутствую.

Коченор кисло посмотрел на меня, потом подозвал Саба Вастру и заказал еще выпивки.

– Хорошо, – сказал он. – Если мы станем покупать, то купим у вас, Букер Гэри Аллеман. Но не сейчас. – Он повернулся ко мне. – А что я должен купить у вас?

Я сразу ответил:

– Мой самолет и меня самого. Если хотите взглянуть на новые туннели, мы к вашим услугам.

Он не стал колебаться.

– Сколько?

– Миллион долларов, – сразу ответил я. – Контракт на три недели, вы оплачиваете все расходы.

На этот раз он ответил не сразу, хотя мне приятно было отметить, что цена его не отпугнула. Выглядел он таким же внимательным и чуть скучающим, как всегда.

– Выпьем, – сказал он, и Вафра и его Третья обслужили нас. А он стаканом указал на Веретено. – Знаете, для чего это? – спросил он.

– Для чего его построили хичи? Хичи были не выше нас, так что оно велико не потому, что им нужно пространство над головой. И когда его нашли, оно было совершенно пустое.

Он без особого интереса осмотрел оживленную сцену. Веретено всегда полно народу. В наклонных стенах пещеры вырублены балконы, на них заведения для еды и питья, как кафе Вафры, и ряды сувенирных киосков. Большинство в такое время, конечно, пусты. Но все же вблизи Веретена живет несколько сотен туннельных крыс, и с тех пор как появились Коченор и девушка, количество зрителей все увеличивалось.

Коченор сказал:

– Тут особенно не на что посмотреть, верно? – Я не стал спорить. – Просто дыра в земле со множеством людей, старающихся отобрать у меня мелочь. – Я пожал плечами. Он улыбнулся мне: как будто не так ехидно, как раньше. – Так почему же я прилетел на Венеру, если так считаю? Хороший вопрос. Но так как вы не спрашиваете, я не стану отвечать.

Он взглянул на меня, словно ожидал, что я стану спрашивать. Я молчал.

– В таком случае перейдем к делу, – продолжал он. – Вам нужен миллион долларов. Посмотрим, на что пойдут эти деньги. Аренда самолета обходится примерно в сто тысяч. Сто восемьдесят тысяч – аренда оборудования на неделю, нам нужно на три недели. Еда, припасы, разрешение – еще пятьдесят тысяч. Таким образом, получается около семисот тысяч, не считая вашего вознаграждения и комиссионных хозяину кафе. Правильно я подсчитал, Уолтерс?

Я не ожидал, что встречу с бухгалтером. С некоторым трудом проглотив выпивку, я вынужден был ответить:

– Достаточно правильно, мистер Коченор. – Я не считал нужным сообщать ему, что самолет принадлежит мне, так же как и большая часть необходимого оборудования: это единственный способ что-то заработать после оплаты всех других расходов. Но я не удивился бы, обнаружив, что он и это знает.

И тут он меня удивил.

– Похоже на справедливую цену, – небрежно сказал он. – Договорились. Я хочу вылететь как можно скорее, то есть примерно в это же время завтра.

– Хорошо, – ответил я, вставая. – До встречи.

Выходя, я обошел Вастру. Тот стоял как пораженный громом. Мне нужно было кое-что сделать и кое о чем подумать. Коченор застал меня врасплох, а это плохо, когда не можешь позволить себе совершить ошибку. Я знал, что он не упустил того обстоятельства, что я назвал его по фамилии. Тут все в

порядке. Он легко догадается, что я сразу навел справки, и его фамилия не единственное, что мне о нем известно.

Но меня удивило, что он знает, как зовут меня.

3

У меня было три главных дела. Первое – проверить оборудование и убедиться, что оно выдержит все те отвратительные штуки, которые выкидывает Венера относительно машины – или человека. Второе – отправиться в местную контору союза и зарегистрировать контракт с Бойсом Коченором, включив в него статью о комиссионных для Вастры.

А третье – повидаться с моим врачом. Печень какое-то время меня не беспокоила, но ведь я давно ничего непил.

Оборудование оказалось в порядке. Мне понадобилось около часа, чтобы проверить его, но в конце этого времени я был относительно уверен, что у меня есть все необходимое, включая запчасти. Знахарская по пути в контору союза, поэтому я вначале заглянул к доктору Моррису. Много времени это не заняло. Новости оказались не хуже, чем то, к чему я готовился. Доктор направил на меня все свои инструменты и тщательно изучил результаты – тщательно примерно на сто пятьдесят долларов, – и потом выразил осторожную надежду, что три недели вдали от его кабинета я проживу, если буду принимать все, что он мне даст, и не слишком отклоняться от предписанной мне диеты.

– А когда я вернусь? – спросил я.

– Я уже вам говорил, Оди, – жизнерадостно ответил он. – Можно ожидать полного отказа печени примерно... ну, скажем, через девяносто дней. – Он постучал пальцами, оптимистично глядя на меня. – Я слышал, вы сможете оплатить операцию. Хотите, я забронирую для вас трансплантат?

– И во сколько это мне обойдется? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Как обычно, – добродушно объяснил он мне. – Двести тысяч за новую печень плюс оплата пребывания в госпитале, плата анестезиологу, предоперационному психиатру, фармацевтам, моя собственная плата – вы ведь это уже знаете.

Я знал. И уже подсчитал, что того, что заработаю у Коченора, плюс мои сбережения, плюс заклад самолета, еле-еле хватит. Конечно, я буду разорен. Но жив.

– Кстати, у меня как раз есть печень вашего размера, – полушутливо сказал доктор Моррис.

Я в этом не сомневался. В знахарской всегда хватает запчастей. Потому что люди так или иначе все время гибнут, а наследники стараются увеличить наследство, продавая покойников на запчасти. Я встречался время от времени с одной знахаркой. Однажды после выпивки она отвела меня на холодный склад и показала множество замороженных сердец, легких, кишок и мочевых пузырей, все уже накачаны антиаллергенами, чтобы предотвратить отторжение, все с ярлычками и в упаковке, готовые к передаче платежеспособ-

ному клиенту. Жаль, что я не относился к этому классу, потому что доктор Моррис мог бы тут же вытащить одну печенку, разогреть ее в микроволновой печи и приклепнуть мне. Когда я пошутил – я сказал ей, что шучу, – как бы стянуть одну хорошенькую печенку для меня, девушка скисла, а вскоре после этого упаковалась и улетела на Землю.

Я принял решение.

– Оставьте ее для меня, – сказал я. – Операция через три недели. – И оставил его довольным, похожим на бирманского крестьянина, ожидающего хороший урожай риса. Дорогой папочка. Почему он не послал меня в медицинскую школу, вместо того чтобы давать общее образование?

Было бы отлично, если бы хичи были такого же роста, как люди. Но они были чуть пониже. Это сказывалось на их туннелях. Особенно на маленьких, таких, как тот, в котором расположено местное 88-е отделение союза. Идти приходилось пригнувшись.

Помощник организатора ждал меня. У него один из немногих на Венере видов работы, которая не зависит от туристов – во всяком случае, не прямо. Он сказал:

– Мне позвонил Сабхаш Вастра. Говорит, вы сговорились на тридцати процентах. Кроме того, вы ушли, не заплатив Третьей по счету.

– Признаю то и другое.

Он что-то записал.

– И кое-что вы должны мне, Оди. Триста долларов за копию факса относительно вашего голубя. Еще сотню за подтверждение вашего контракта с Вастрой. Вам к тому же потребуется новая лицензия проводника; за это семьсот долларов.

Я дал ему свою кредитную карточку, и он снял сумму с моего счета. Потом я подписал контракт, который он подготовил, и приложил к нему карточку. Тридцать процентов Вастры – не со всего миллиона, а только с моего гонорара. Тем не менее он заработает почти столько же, сколько и я, по крайней мере в наличных, потому что мне еще придется доплачивать за оборудование. Банки согласны поддержать человека, но хотят, чтобы с ними расплачивались, когда есть деньги... Никто ведь не знает, когда удастся заработать в следующий раз.

Помощник зарегистрировал подписанный контракт.

– Тогда все. Я могу еще что-нибудь для вас сделать?

– Не за вашу цену, – ответил я.

Он пристально, с оттенком зависти посмотрел на меня.

– Не прикидывайтесь, Оди. «Бойс Коченор и Дорота Кифер, прибывшие на «Юрии Гагарине», одесский регистр, других пассажиров нет», – процитировал он строчку из сообщения, перехваченного им для нас. – Других пассажиров нет. Да ведь вы станете богаты, Оди, если правильно обойдетесь с этим клиентом.

– Богатый – для меня это слишком. Я хочу только быть

живым, — ответил я.

Конечно, это не совсем так. Кое-какие надежды у меня были — не очень большие, и говорить не о чем, да я ни с кем о них и не говорил. Тем не менее я надеялся после этого дела остаться не только живым, но и богатым.

Однако возникала проблема.

Если мы и найдем что-нибудь, большую часть получит Бойс Коченор. Если турист класса Коченора в сопровождении проводника отправляется на поиски в туннели хичи и находит что-нибудь ценное — так бывало, знаете ли; нечасто, но достаточно, чтобы поддерживать в них надежды, — львиную долю получает тот, кто оплатил тур. Проводник может откусить кусочек, но и только. Мы просто работаем на тех, кто оплачивает счета.

Конечно, я в любое время могу отправиться один и искать самостоятельно. И тогда все найденное будет принадлежать мне. Но в моем случае это была не такая уж хорошая мысль. Если я попытаюсь сделать это сам и потерплю неудачу, значит, я потратил время и припасы на сто пятьдесят тысяч, понапрасну подверг износу оборудование и самолет. И если потерплю неудачу, то очень скоро умру, когда моя печенька окончательно откажет.

Чтобы остаться живым, мне нужно каждое пенни из того, что заплатит Коченор. Найдем мы что-либо или не найдем, моя оплата останется той же.

К несчастью для собственного спокойствия, я считал, что

знаю, где можно найти кое-что интересное. И проблема в том, что, пока у нас с Коченором стандартный контракт, я не могу позволить себе что-то находить.

Последнюю остановку я сделал в своей комнате. Под кроватью в сейфе у меня находились кое-какие документы, которые отныне должны лежать у меня в кармане.

Видите ли, когда я отправился на Венеру, меня не интересовали ее виды. Я хотел разбогатеть.

Ни тогда, ни в течение последующих двух лет я поверхности Венеры почти не видел. Из космического корабля при посадке на Венеру много не увидишь. Чтобы выдержать поверхностное давление в девяносто тысяч миллибар, нужен прочный корпус, не такой, как у пузырей, летающих на Луну, на Марс и дальше. Поэтому в кораблях, летящих на Венеру, нет окон. Впрочем, это не важно, потому что мало что можно увидеть на поверхности Венеры. Все, что может сфотографировать турист, находится под поверхностью, и почти все это оставлено хичи.

Мы мало что знаем о хичи. Мы даже не знаем, каково их настоящее имя. «Хичи» – это не имя. Просто так кто-то передал звуки, которые производит огненная жемчужина, когда ее погладишь. И так как это единственный звук, который можно связать с хичи, он и стал их именем.

Гесперологи¹ понятия не имеют, откуда пришли эти хи-

¹ От Hesperus, «вечерняя звезда», одно из названий Венеры. – *Примеч. пер.*

чи, хотя иногда встречаются чертежи, похожие на звездные карты; впрочем, на них все равно ничего не понятно. Если бы мы знали точное положение каждой звезды в Галактике несколько сотен тысяч лет назад, возможно, мы смогли бы что-то понять. Может быть. Конечно, предполагая, что хичи пришли из нашей Галактики.

Иногда я думаю, что им было нужно. Они спасались с умирающей планеты? Политические беженцы? Туристы, прогулочный корабль которых потерпел катастрофу, и они задержались на ремонт, а потом улетели дальше? Не знаю. И никто не знает.

И хоть хичи прибрали все за собой, уходя, оставили только пустые туннели и помещения, иногда тут и там находят забытые или брошенные предметы: все эти «молитвенные вера», огромное количество пустых контейнеров – похоже на площадку для пикников в конце летнего сезона, разные другие мелочи и пустяки. Мне кажется, лучшим из этих «пустяков» стала анизокинетическая сумка, углеродный кристалл, который изменяет направление удара на девяносто градусов. Тот, кому повезло ее найти, стал богаче на несколько миллиардов: он был достаточно умен, чтобы подвергнуть ее анализу и сдублировать. Но это лучший результат. А то, что мы находим обычно, просто мусор. А когда-то здесь были приборы в миллионы раз ценнее этого мусора.

Неужели хичи все забрали с собой?

Это еще одна вещь, которой никто не знает. Я тоже не

знаю, но, мне кажется, знаю кое-что, имеющее к этому отношение.

Мне казалось, что я знаю место, где в туннеле хичи кое-что есть. В этом туннеле давно никто не бывал; да и расположен он далеко от всех поселений.

Я не обманывал себя. Я знал, что никакой гарантии у меня нет.

Но было кое-что для начала. Может, когда улетали последние корабли, хичи теряли терпение и, может быть, не очень тщательно убирали за собой.

И вокруг этого все крутится на Венере.

Какая еще может быть причина, чтобы оставаться здесь? Жизнь туннельной крысы в лучшем случае висит на волоске. Нужно не менее пятидесяти тысяч в год, чтобы оставаться живым: налог на воздух, подушный налог, плата за воду, плата за пропитание. Если хочешь есть мясо чаще раза в месяц, если тебе нужна отдельная комната для сна, это стоит гораздо дороже.

Лицензия проводника стоит недельного содержания. Покупая лицензию, мы рискуем этой неделей. Либо найдем что-то, либо заработаем на туристах достаточно, чтобы вернуться на Землю. Там, по крайней мере, не задохнешься, как здесь, когда тебя выбрасывают на поверхность, в крематорий венерианской атмосферы. И не просто вернуться на Землю – вернуться так, как мечтает всякая туннельная крыса, улетая в первый раз в сторону Солнца, – с достаточными средства-

ми, чтобы купить себе Полную Медицину.

Вот что мне нужно – большая удача.

4

Последнее, что я сделал в тот вечер, – посетил Зал Открытий. Дело не просто в капризе. Я договорился о встрече с третьей женой Вастры.

Третья подмигнула мне из-под своей вуали для флирта и повернулась к своей спутнице, которая оглянулась и узнала меня.

– Здравствуйте, мистер Уолтерс, – сказала она.

– Я так и думал, что застану вас здесь, – сказал я, и сказал правду. Но как назвать женщину, не знал. Моя собственная мать была достаточно старомодна, чтобы взять фамилию отца, когда они поженились, но тут, конечно, это неприменимо. «Мисс Кифер» достаточно точно, «миссис Коченор» – дипломатично. Я решил проблему, сказав: – Поскольку нам придется много времени провести вместе, не перейти ли на имена?

– Значит, Оди?

Я одарил ее улыбкой в двенадцать зубов.

– Мать у меня шведка, отец – прирожденный техасец. Это имя часто встречается в нашей семье... Дорота.

Третья Вастры слилась с фоном, а я принялся показывать Дороте Кифер чудеса Зала Открытий.

Зал должен подогреть интерес земных туристов, чтобы они побольше денег потратили на раскопках хичи. В нем всего понемногу, от карт раскопок и большой меркаторовой карты Венеры до образцов всех находок. Я показал ей копию анизокинетической сумки и оригинал пьезофона, который сделал его открывателя почти таким же богатым, как и обладателя сумки. Тут было с полдюжины настоящих огненных жемчужин размером в четверть дюйма; они лежали на подушечках под бронированным стеклом и сверкали холодным молочным светом.

– Они делают возможными эти пьезофоны, – сказал я Дороте. – Сам прибор – человеческое изобретение: но действует он благодаря огненным жемчужинам, они преобразуют механическую энергию в электрическую и наоборот.

– Они красивые, – сказала она. – Но зачем их так охранять? Я видела более крупные на прилавках в Веретене, и никто за ними не смотрит.

– Тут небольшая разница, Дорота, – объяснил я. – Эти настоящие.

Она вслух рассмеялась. Мне понравился ее смех. Ни одна женщина не выглядит красивой, когда смеется, и девушки, которые заботятся о том, как они выглядят, стараются не смеяться. Дорота Кифер выглядела как здоровая хорошенькая женщина, которая неплохо проводит время. Если подумать, то это лучшая женская внешность.

Впрочем, она выглядела не настолько хорошо, чтобы за-

ставить меня забыть о новой печени, поэтому я перешел к делу.

– Маленькие красные шарики вон там – кровавые бриллианты, – сказал я. – Они радиоактивны. Недостаточно, чтобы причинить вред, но они остаются теплыми. Это один способ отличить настоящие от поддельных. Другой: все крупнее трех сантиметров – подделка. Большие камни излучают слишком много тепла. Закон кубов, знаете ли. И потому они расплавляются.

– Значит, тот, что хотел мне продать ваш друг...

– Подделка. Верно.

Она кивнула, продолжая улыбаться.

– А вы что пытаетесь нам продать, Оди? Что-то настоящее или подделку?

К этому времени Третья дома Вастры незаметно исчезла, так что я перевел дыхание и сказал Дороте правду. Не всю правду, может быть, но ничего, кроме правды.

– Все то, что здесь, – сказал я, – результат поисков тысяч людей во множестве раскопок. Не очень много. Сумка, пьезофон, два-три других устройства, которые мы можем заставить работать; несколько предметов, которые еще изучаются; и много пустяков. Вот и все.

– Так я и слышала, – ответила она. – И еще одно. Все стоящие открытия сделаны не менее двадцати лет назад. – Она оказалась умнее и лучше информированной, чем я ожидал.

– Следовательно, можно сделать вывод, – согласился я, – так как нового ничего не находят, что планета выдоена досуха. Вы правы. Так может действительно показаться. Первые старатели нашли все, что можно отыскать полезного... пока.

– А вы считаете, что есть еще.

– Надеюсь, что есть еще. Послушайте. Пункт первый. Стены туннелей. Они все одинаковы – синие стены, абсолютно ровные, свет исходит из их глубины и никогда не меняется, они очень твердые. Как их сделали хичи?

– Откуда мне знать?

– Я тоже не знаю. И никто не знает. Но все туннели хичи одинаковы. Если докапываться до них снаружи, везде одно и то же: вначале обычная скала, потом пограничный слой из полукамня и полуметалла, потом сама стена. Вывод: хичи не прорывали туннели и потом обкладывали стены металлом, у них что-то ползло под поверхностью, как земляной червь, оставляя за собой туннели. И еще одно: масса лишних раскопок. То есть такого множества туннелей им не нужно, многие из них никуда не ведут, они никогда ни для чего не использовались. Это вам ничего не говорит?

– Их производство должно быть дешевым и легким? – предположила она.

Я кивнул.

– Следовательно, это была автоматически действующая машина, и где-то на планете должна остаться хоть одна такая. Пункт второй. Воздух. Они, как и мы, дышали кислоро-

дом и должны были получать его откуда-то. Откуда?

– Из атмосферы. Он ведь там есть?

– Почти нет. Меньше половины процента. И большая часть не в свободном, а в связанном виде, в двуокиси углерода и прочей дряни. Да и водяных паров в атмосфере тоже нет. Есть немного, но не столько, как, скажем, двуокиси серы. Когда вода пробивается сквозь скалы, не получается свежего чистого ключа. Вода тут же испаряется. И поднимается вверх – молекулы воды легче молекул двуокиси серы. Когда поднимается достаточно высоко, за молекулы принимается солнце и раскаливает их. Выделяется кислород и водород. Кислород и половина водорода идет на превращение двуокиси серы в серную кислоту. А другая половина водорода рассеивается в космосе.

Она вопросительно посмотрела на меня.

– Оди, – мягко сказала она, – я уже поверила, что вы специалист по Венере.

Я улыбнулся.

– Вы уловили общую картину?

– Мне кажется, да. Картина не очень приятная.

– Она очень неприятная, и тем не менее хичи умудрились получать достаточно кислорода из этой мешанины, дешево и легко – вспомните лишние туннели, которые они заполнили, – наряду с инертными газами типа азота. И сделали из всего пригодную для дыхания смесь. Как? Не знаю, но если это делала машина, я бы хотел ее отыскать. Следую-

щий пункт: воздушное сообщение. Хичи много летали над поверхностью Венеры.

– Вы тоже, Оди! Разве вы не пилот?

– Пилот воздушного аппарата, да. Но подумайте, чего стоит поднять самолет. На поверхности температура семьсот тридцать пять градусов Кельвина² и недостаточно кислорода, чтобы зажечь сигарету. Поэтому моему самолету нужны два бака: один для горючего, другой для атмосферы, в которой горит это горючее. Тут не просто бензин и воздух, знаете ли.

– Правда?

– Не на Венере, Дорота. Не при той температуре и давлении, что у нас. Нужно специальное горючее для таких условий. Слыхали когда-нибудь о парне по имени Карно?

– Древний ученый? Автор цикла Карно?

– Опять верно. – Я осторожно отметил, что она в третий раз удивила меня. – Согласно Карно, эффективность двигателя выражается его максимальной температурой – температурой сжигания, допустим, – деленной на температуру выхлопа. Но температура выхлопа не может быть ниже температуры окружающей среды, в которой происходит выхлоп. Иначе получится не двигатель, а холодильник. А вас окружает атмосфера с температурой в семьсот тридцать пять градусов, так что даже со специальным горючим двигатель у вас малоэффективный. Любой тепловой двигатель на Венере ра-

² + 462 градуса по Цельсию. – *Примеч. пер.*

ботает плохо. Вы не задавали себе вопрос, почему здесь так мало самолетов? Мне-то как раз это выгодно: позволяет держать нечто вроде монополии. Но причина в том, что их использование очень дорого обходится.

– А у хичи это получалось лучше?

– Я думаю, да.

Она снова рассмеялась, неожиданно и опять очень привлекательно.

– Бедняга, – с улыбкой сказала она, – вы увлечены тем, что продаете. Считаете, что когда-нибудь найдете главный туннель и заработаете несколько миллиардов долларов, продавая добро хичи!

Мне не понравилось то, как она это выразила. Мне вообще не понравилась эта встреча, организованная с помощью третьей жены Вастры. Я рассчитывал, что без своего приятеля Дорота Кифер мне все о нем выложит. Не получилось. Она дала мне понять, что сама является личностью. Ну что ж, само по себе это ценно и интересно.

Более того, она заставила меня оглянуться на себя самого. Поэтому я сказал:

– Вероятно, вы правы. Но я тем не менее хочу попытаться.

– Вы рассердились?

– Нет, – солгал я. – Просто, может, немного устал. Нам завтра предстоит трудный день, так что лучше я отведу вас назад в Веретено, мисс Кифер.

Мой самолет стоял на краю космодрома, и добираться до него нужно так же, как до космодрома: лифтом до поверхностного шлюза, потом в герметически закрытом траулере, который движется по сухой скалистой измученной поверхности Венеры, наклоняясь под порывами плотного ветра. Конечно, мой самолет под пенным куполом. Ничего нельзя оставлять на поверхности Венеры без защиты, если хотите увидеть свою вещь невредимой, когда вернетесь. Даже если она сделана из хромовой стали. Прежде всего пришлось утром смыть пену, потом проверить самолет и заправиться. Теперь я был готов. В иллюминаторы траулера сквозь ревущие желто-зеленые сумерки снаружи я его видел.

Коченор и его девушка тоже могли бы его увидеть, если бы знали, куда смотреть, но вряд ли признали бы в нем машину, способную летать.

– Вы с Дорри поцапались?! – крикнул мне в ухо Коченор.

– Нет! – крикнул я в ответ.

– Мне все равно. Просто хотел узнать. Вам не нужно нравиться друг другу, просто делайте что я говорю. – Он немного помолчал, давая отдохнуть голосовым связкам. – Боже, что за ветер!

– Это зефир, – ответил я. Больше ничего не стал говорить: увидит сам. Вокруг космодрома природная тихая местность

по венерианским стандартам. Орографический подъем перебрасывает самые сильные потоки через нас, и мы получаем только небольшой остаточный вихрь. Поэтому здесь относительно легко садиться и взлетать. Плохо же то, что некоторые тяжелые металлические составляющие атмосферы оседают на поле. Воздух на Венере состоит из огромного количества ртутной серы и хлорида ртути в нижних слоях, а когда поднимаешься выше, к перистым облакам, которые видят туристы на пути вниз, обнаруживаешь, что это капли серной, гидрохлористой и гидрофтористой кислоты.

Но против этого есть свои хитрости. Навигация на Венере требует трехмерного мастерства. Достаточно легко добраться из пункта А в пункт В по поверхности. Транспондеры включатся в радиосеть и будут постоянно отмечать ваше положение на карте. Трудно найти нужную высоту. Для этого нужен опыт и, возможно, интуиция. И именно поэтому мой самолет и я сам обходимся в миллион долларов таким, как Бойс Коченор.

К этому времени мы были уже у самолета, и телескопический выход траулера соединился со шлюзом. Коченор смотрел в иллюминатор.

– У него нет крыльев! – закричал он, словно я его обманул.
– А также парусов и гусениц! – крикнул я в ответ. – Забирайтесь на борт, если хотите поговорить! Там легче.

Мы пробрались через узкий выход, я открыл шлюз, и мы без особых трудов перебрались в самолет.

У нас даже не было неприятностей, которые я мог бы сам создать себе. Видите ли, у меня большой аппарат. Мне чертовски повезло, когда я смог его купить. И не будем ходить вокруг да около: можно сказать, что я его любил. В нем без оборудования могло поместиться десять человек. Но с тем, что нам продал Саб Вафра и что отделение 88 посчитало обязательным, внутри стало тесно и для троих.

Я подготовился по крайней мере к сарказму. Но Коченор только осмотрелся, отыскал самую удобную койку, подошел к ней и заявил, что она его. Девушка спокойно восприняла неудобства. А я сидел, напряженно ожидая критики, но ее не последовало.

Внутри машины было гораздо тише. Конечно, шум ветра слышен, но он только раздражает. Я раздал всем ушные закладки с фильтром, и шум вообще перестал докучать.

– Садитесь и привяжитесь, – приказал я и, когда они послушались, поднял машину.

При девяноста тысячах миллибар крылья не просто бесполезны, они опасны. У моего самолета достаточно подъемной силы в раковинообразном корпусе. Я послал в термодвигатели двойной запас топлива, мы подпрыгнули на относительно ровной поверхности поля (каждую неделю ее выравнивают бульдозерами, поэтому она и остается относительно ровной) и погрузились вначале в дикую желто-зеленую мешанину, потом в дикую коричнево-серую мешанину после пробега не более пятидесяти метров.

Коченор для удобства застегнул ремни не очень тесно. Я с удовольствием слушал, как он кричит, когда мы проходили через короткий период яростных бросков. На высоте в тысячу метров я нашел постоянное течение, толчки стали слабее, и я смог отстегнуть пояс и встать.

Достав из ушей затычки, я знаком велел Коченору и девушке сделать то же самое.

Он потирал голову, которой ударился о стойку с картами, но при этом слегка улыбался.

– Весьма возбуждает, – признался он, роясь в кармане. – Не возражаете, если я закурю?

– Легкие ваши.

Он улыбнулся шире.

– Теперь да, – согласился он. – Слушайте, а почему вы не дали нам эти затычки еще в траулере?

У проводника есть две возможности. Либо позволить туристам закидать тебя вопросами, а потом все время потратить на то, чтобы объяснить, что значит, когда эта забавная маленькая шкала краснеет... или держать рот на замке, делать свое дело и зарабатывать деньги. И передо мной выбор. Все зависит от того, нравятся мне Коченор и его девушка или нет.

Нужно постараться быть с ними вежливыми. Больше чем вежливыми. Жить втроем в течение трех недель на пространстве площадью с кухню обычной квартиры – для этого

нужно очень стараться не ссориться, если мы не хотим кончить взаимной ненавистью. И так как мне платят, чтобы я был хорошим, мне следует показывать пример.

С другой стороны, иногда бывает очень трудно выносить коченоров мира. И если этот случай таков, чем меньше разговоров, тем лучше, а на такие вопросы лучше отвечать просто «забыл».

Но он совсем не старался быть невыносимым. А девушка была даже явно дружелюбно настроена. Поэтому я выбрал вежливость.

– Это интересно. Видите ли, вы слышите из-за разницы в давлении. Когда самолет поднимался, затычки отсекали часть звука – то есть волны давления, но когда я крикнул, чтобы вы пристегнулись, затычки передали давление, созданное моим голосом, и вы слышали. Но у них есть предел. Свыше ста двадцати децибел – это единица громкости звука...

– Я знаю, что такое децибел, – проворчал Коченор.

– Конечно. Свыше ста двадцати децибел – и барабанная перепонка перестает реагировать. В траулере просто слишком громко. Звук проходит не только через корпус, но и от поверхности через гусеницы. Если бы вы заткнули уши, вы бы вообще ничего не слышали, – закончил я.

Дорота слушала, восстанавливая косметику на глазах.

– А что бы мы не слышали? – спросила она.

Я решил разговаривать по-дружески, по крайней мере

первое время.

– Ну, например, приказ надеть скафандры. При несчастном случае, я хочу сказать. Порыв может просто перевернуть траулер, иногда какой-нибудь предмет прилетит с холмов и ударится в корпус.

Она трясла головой и смеялась.

– Прекрасное место ты для нас выбрал, Бойс, – заметила она.

Он не обращал на нее внимания. Его интересовало нечто другое.

– Почему вы не управляете этой штукой? – спросил он.

Я встал и активировал виртуальный шар.

– Правильно. Пора поговорить об этом. Сейчас мой самолет на автопилоте, он движется в общем направлении этого квадранта вниз. Точное место назначения нам еще предстоит выбрать.

Дорри Кифер осмотрела шар. Он не реален, конечно; просто висящее в воздухе трехмерное изображение, его можно проткнуть пальцем.

– Не очень красиво выглядит Венера, – заметила она.

– Линии, которые вы видите, – объяснил я, – просто радиометки расстояния. Внизу на поверхности вы их не увидите. У Венеры нет океанов и континентов, поэтому карта здесь – совсем не то же, что на Земле. Видите эту яркую точку? Это мы. Теперь смотрите.

Я наложил на радиорешетку и контурные цвета геологи-

ческие данные.

– Вот эти кровавые круги – обозначения масконов. Знаете, что такое маскон?

– Концентрация массы. Какое-то тяжелое вещество, – предположила Дорота.

– Правильно. Теперь я накладываю расположение известных раскопок хичи.

Я коснулся приборов, и на шаре возник золотой рисунок раскопок, словно всю планету прорыли черви. Дорота сразу сказала:

– Они все в масконах.

Коченор одобрительно взглянул на нее, я тоже.

– Не все, – поправил я. – Но почти все. Почему? Не знаю. Никто не знает. Масконы – это обычно древние плотные породы, базальт и тому подобное. Может, хичи чувствовали себя в безопасности, когда под ногами прочная скала. – В своей переписке с профессором Хеграметом с Земли в те дни, когда у меня не отказывала печень и я мог интересоваться абстрактными знаниями, мы обсуждали возможность того, что машины хичи могли работать только в плотных породах или в породах определенного химического состава. Но сейчас я не был готов обсуждать идеи профессора Хеграмета.

Я чуть повернул виртуальный шар с помощью шкалы.

– Смотрите сюда. Мы сейчас вот здесь. Эта формация называется Альфа Реджио. Тут самые большие раскопки. Мы вылетели из них. Видны очертания Веретена. Маскон, в ко-

тором расположено Веретено, называется Серендип. Его открыла гесперологическая...

– Гесперологическая?

– Геологическая экспедиция, изучающая Венеру. Поэтому гесперологическая. Они засекли концентрацию массы с орбиты, высадились и принялись бурить, чтобы взять образцы. И наткнулись на первые раскопки хичи. Видите, все раскопки в северном полушарии расположены в этой группе связанных масконов? Между ними есть вкрапления менее плотных пород, и через них проходят соединительные туннели, но раскопки все в масконах.

– Они все на севере, – резко сказал Коченор. – А мы летим на юг. Почему?

Интересно, что он читает виртуальный шар. Но я ничего не сказал об этом. Сказал только:

– Те, что уже обозначены, бесполезны. Их уже обыскали.

– Некоторые кажутся еще больше Веретена.

– Намного больше, правильно. Но в них ничего нет. И даже если есть, то вряд ли в хорошем состоянии. Сто тысяч лет назад, может больше, их заполнили подповерхностные жидкости. Многие пытались их откачать и раскапывать, но ничего не нашли. Можете меня спросить. Я был одним из них.

– Я не знал, что на Венере есть жидкая вода, – возразил Коченор.

– Я ведь не сказал «вода». Но кстати, иногда и вода, что-то вроде жидкой грязи. Очевидно, вода выходит из породы,

и проходит какое-то время, прежде чем она достигнет поверхности, несколько тысяч лет, потом она выступает наружу, вскипает, разделяется на кислород и водород и утрачивается. Не знаю, известно ли вам, но некоторое количество воды есть и под Веретенком. Именно ее вы пьете и ею дышите, когда живете там.

– Мы не дышим водой, – поправил он.

– Конечно, нет. Мы дышим воздухом, который из нее получен. Но иногда в туннелях сохраняется свой воздух – я имею в виду первоначальный воздух, тот, который оставили хичи. Конечно, после нескольких сотен тысяч лет туннели превращаются в печь. Все органическое там может испечься. Возможно, поэтому мы находим так мало, скажем, органических останков – они кремированы. Так вот... иногда в туннеле можно найти воздух, но никогда не слышал, чтобы находили пригодную для питья воду.

Дорота сказала:

– Бойс, все это очень интересно, но мне жарко, я грязная, и весь этот разговор о воде действует мне на нервы. Нельзя ли сменить тему?

Коченор залаял: смехом это не назовешь.

– Подсознательное побуждение. Согласны, Уолтерс? И немного старомодной притворной стыдливости. Я думаю, на самом деле Дорри хочет в туалет.

Я слегка смутился. Но девушка, очевидно, привыкла к таким выходкам. Она только сказала:

– Если мы собираемся прожить здесь три недели, я хочу посмотреть, что это такое.

– Конечно, мисс Кифер, – сказал я.

– Дорота. Дорри, если вам так больше нравится.

– Хорошо, Дорри. Ну, видите, что у нас есть. Пять коек. Можно опустить перегородку и спать вдсятером, если захотим, но мы не хотим. Два стоячих душа. Кажется, тесновато и не намылишься, но если постараться, можно обойтись. В этих отделениях два химических туалета. Вон там кухня – печь и кладовка. Выбирайте какую хотите койку, Дорри. Вот этот экран опускается, если хотите переодеться и тому подобное. Или если мы просто вам надоедим.

Коченор сказал:

– Давай, Дорри, делай что хочешь. А я хочу, чтобы Уолтерс показал мне, как управлять этой штукой.

Начало неплохое. У меня бывало и похуже. Иногда бывало просто ужасно, когда группы садились пьяными и напивались все больше, иногда бывали пары, ссорившиеся все время, когда не спали: объединялись они лишь иногда, чтобы вместе наброситься на меня. А этот полет выглядел совсем неплохо, не говоря уже о том, что я надеялся: он спасет мне жизнь.

Чтобы управлять самолетом, большого мастерства не требуется – во всяком случае, если просто хочешь двигаться в нужном направлении. Венерианская атмосфера обладает до-

статочной подъемной силой; можно не беспокоиться, что заглохнет двигатель; да и вообще приборы берут на себя большую часть работы.

Коченор учился быстро. Оказалось, он водил самолеты на Земле, а кроме того, управлял глубоководными одноместными подводными лодками на морских нефтяных месторождениях своей юности. Когда я ему сказал, что самая трудная часть пилотажа на Венере – это выбор нужной высоты и правильная ее смена, когда необходимо, он сразу понял. Но понял также, что этому за день не научишься. И даже за три недели.

– Какого дьявола, Уолтерс, – довольно добродушно сказал он. – Я ведь могу направить его куда хочу – если вы вдруг застрянете в туннеле. Или вас подстрелит ревнивый муж.

Я улыбнулся ему как мог приятно, то есть не очень.

– И еще я могу готовить, – продолжал он. – Вы годитесь для этого дела? Я думаю, нет. Ну, я слишком дорого заплатил за этот желудок, чтобы забивать его всякой дрянью, поэтому готовить буду я. Дорри так и не смогла этому научиться. Как и ее бабушка. Самая красивая женщина в мире, но ей казалось, что этого достаточно, чтобы этим миром владеть.

Я принял это за какую-то шутку. Этот юный девятилетний атлет полон самых неожиданных штук. Он сказал:

– Ладно. Теперь, пока Дорри использует всю воду в душе...

– Не беспокойтесь, она рециклируется.

– Все равно. Пока она моется, заканчивайте свою лекцию. Куда же мы направляемся?

– Хорошо. – Я слегка повернул шар. Пока мы говорили, яркая точка, обозначающая наше положение, продолжала медленно двигаться на юг. – Видите, вот здесь наш маршрут пересекается с сеткой, вблизи Лизе Мейтнер³.

– А кто такая Лизе Мейтнер? – спросил он.

– Кто-то, в честь кого назвали формацию, это все, что мне известно. Видите, на что я показываю?

– Да. Тут рядом пять больших масконов. И не указаны никакие раскопки. Мы туда направляемся?

– В общем, да.

– Почему только в общем?

– Ну, я кое-чего вам не рассказал. Думаю, вы не станете сердиться из-за этого, иначе мне тоже придется рассердиться и сказать вам, что надо сначала лучше узнать Венеру, а потом уже исследовать ее.

Он внимательно разглядывал меня некоторое время. Из душа неслышно вышла Дорри в длинном халате, волосы у нее были обвязаны полотенцем. Она остановилась рядом с Коченором, глядя на меня.

– Все зависит от того, много ли вы мне не рассказали, друг. – Прозвучало это совсем не по-дружески.

– Вот эта часть – район безопасности Южного полюса, – сказал я. – Здесь стоят ракеты парней из Оборона. Все их

³ Известный австрийский физик и радиохимик. – *Примеч. пер.*

оружие здесь сосредоточено. Штатским сюда заходить не разрешается.

Он взглянул на карту.

– Но за этими пределами остается только небольшая часть маскона!

– Вот именно в эту небольшую часть мы и направляемся.

6

Для человека старше девяноста лет Бойс Коченор необыкновенно проворен. Я имею в виду не только то, что он здоров. Это обеспечивает Полная Медицина, она способна заменить вам любой орган, который вышел из строя или вообще начал плохо работать. Но мозг заменить нельзя. Поэтому обычно богатые старики – это бронзовое мускулистое тело, которое трясется, колеблется и все вечно роняет.

В этом отношении Коченору повезло.

Провести с ним три недели будет нелегко. Он уже настоял, чтобы я показал ему, как пилотировать мой аппарат, и учился он быстро. Когда я решил не тратить зря время и сделать дополнительную проверку охлаждающей системы, он помогал мне снимать кожухи, проверять уровни охлаждения и прочищать фильтры. Потом решил приготовить нам ленч.

Я принялся передвигать припасы, доставая звуковые искатели, а Дорри Кифер помогала мне. При том уровне шума, который создает работающий двигатель, наши голоса Коче-

нор не может услышать, он стоит у печи в нескольких метрах от нас. И я решил, пока проверяем искатели, порасспросить девушку о нем. Но потом передумал. Все самое важное о Коченоре я уже знал, а именно: если повезет, он оплатит мою новую печень. И мне совсем не нужно знать, что он и Дорри думают друг о друге.

И потому мы говорили об искателях. О том, как они помещают заряд в венерианскую породу, а потом засекают время возвращения эха взрыва. И о том, что у нас неплохие шансы найти что-нибудь интересное. («Ну, каковы шансы выиграть на скачках? Для любого отдельного владельца билета они не так уж высоки. Но кто-нибудь всегда выигрывает!») И о том, что заставило меня прилететь на Венеру. Я упомянул имя своего отца, но она никогда не слышала о заместителе губернатора Техаса. Слишком молода, конечно. Да и вообще родилась и выросла в Южном Огайо, где Коченор работал подростком и куда вернулся, став миллиардером. Она без всяких моих расспросов рассказала, что он строил там новый обрабатывающий центр и какой головной боли это стоило – неприятности с профсоюзами, неприятности с банками, большие неприятности с правительством, и поэтому он решил взять отпуск и как следует побездельничать. Я посмотрел на Коченора, мешавшего соус, и сказал:

– Таких крепких людей редко увидишь.

– Он помешан на работе, Оди. Наверно, так и становятся богатыми. – Машина нырнула, я бросил все и кинулся

к приборам. Услышал, как заорал у печи Коченор, но был слишком занят, отыскивая новый подходящий эшелон. К тому времени, как я поднялся еще на тысячу метров и снова включил автопилот, он растирал запястье и бранился.

– Простите, – сказал я.

Он кисло ответил:

– Я не против ожога на руке. Всегда можно купить новую кожу. Но я чуть не пролил соус.

Я проверил виртуальный шар. Яркая точка проделала уже две трети пути к цели.

– Скоро ли будет готов ленч? – спросил я. – Прибудем примерно через час.

Впервые он удивился.

– Так быстро? Мне казалось, вы говорили, что скорость у самолета дозвуковая.

– Да, говорил. Мы на Венере, мистер Коченор. А на этой высоте звук распространяется гораздо быстрее, чем на Земле.

Он задумался, но сказал только:

– Ну что ж, есть можно будет через несколько минут. – А чуть позже, когда мы ели, добавил: – Кажется, я знаю об этой планете меньше, чем считал. Если прочтете нам лекцию, как наш гид, мы слушаем.

– Главное вы знаете, – ответил я. – Послушайте, мистер Коченор, вы отличный повар. Я сам загружал всю провизию, но понятия не имею, из чего это.

– Если заглянете в мой офис в Цинциннати, – ответил он, – спрашивайте мистера Коченора. А пока мы живем под мышками друг у друга, можете называть меня Бойс. И если вам нравится фрикасе, почему вы его не едите?

Ответ таков: потому что оно может убить меня. Но я не хотел обсуждать, почему мне так отчаянно нужны его деньги.

– Приказ врача, – сказал я. – Нужно немного попоститься. Мне кажется, мой врач считает, что я слишком поправился.

Коченор оценивающе взглянул на меня, но сказал только:

– Так как же лекция?

– Ну хорошо, начнем с самого главного, – сказал я, осторожно наливая кофе. – Пока мы находимся внутри машины, можете делать что угодно: ходить, есть, пить, курить, если есть что... Охлаждающая система рассчитана на втрое большее количество людей, включая приготовление пищи для них и прочие потребности, с двойным запасом надежности. Воды и воздуха у нас достаточно – на два месяца. Топлива – на три полета туда и обратно плюс маневры. Если что-нибудь случится, мы запросим помощь, и кто-то часа через два обязательно появится. Скорее всего, парни из Оборонительных Сил, потому что они ближе всех и у них самые скоростные самолеты. Хуже всего, если будет пробит корпус и к нам явится вся венерианская атмосфера. Если это произойдет быстро, мы умрем. Но это никогда не происходит быстро. У нас будет время надеть скафандры, а в них мы проживем

тридцать часов. Задолго до конца этого времени нас найдут.

– Конечно, если одновременно ничего не случится с радио.

– Верно. Если радио в порядке. Но вы ведь знаете, что погибнуть можно везде, если произойдет несколько совпадений.

Он налил себе еще чашку кофе и добавил немного коньяку.

– Продолжайте.

– Ну, снаружи дела сложнее. Вас предохраняет от смерти только скафандр, а, как я сказал, в нем можно прожить тридцать часов. Все дело в охлаждении. У вас достаточный запас воздуха и воды, а о еде за такой промежуток времени можно не беспокоиться, но чтобы избавиться от тепла, нужна энергия. А энергия означает топливо. Охлаждающая система тратит много топлива, и когда оно кончается, вам лучше вернуться в самолет. Жара не худшая возможность умереть. Задолго до того, как станет больно, теряешь сознание. Но все равно умрешь.

Кроме того, вам следует проверять скафандр каждый раз перед тем, как вы его надеваете. Испытайте его под давлением и проверьте, не протекают ли клапаны. Я это тоже проверяю, но не полагайтесь на меня. Это ваша жизнь. И следите за лицевой пластиной. Она очень прочна, ею можно гвозди заколачивать, и она не разобьется, но, если ударить очень сильно, все равно может треснуть. В таком случае вы тоже

умрете.

Дорри спокойно спросила:

– А у вас гибли туристы?

– Нет. – Но я тут же добавил: – Гибли у других. Ежегодно гибнет примерно пять человек.

– С такими шансами я играю, – серьезно сказал Коченор. – Но я не эту лекцию хотел послушать, Оди. То есть, конечно, я хочу услышать, как оставаться живым, но, наверно, вы все равно это бы нам рассказали, перед тем как мы выйдем из корабля. Я хотел узнать, почему для поисков вы выбрали именно этот маскон.

Старикашка с мускулистым телом молодого пляжника начинал меня беспокоить; у него неприятная привычка задавать вопросы, на которые я не хочу отвечать. Конечно, я не случайно выбрал это место. Для этого потребовались пять лет изучения, множество раскопок и переписка стоимостью в четверть миллиона долларов, учитывая оплату космических расстояний, с такими людьми, как профессор Хеграмет с Земли.

Но я говорить об этих причинах не хотел. Мне хотелось проверить с десятков раскопок. И если это место как раз окажется удачным, Коченор получит с этого гораздо больше меня. Так говорится в контракте: сорок процентов нанимателю, пять процентов – проводнику, остальное правительству. Для него этого достаточно. А если здесь не повезет, я бы не хотел, чтобы он нанял другого проводника и отправился к

остальным отмеченным мною местам.

Поэтому я только сказал:

– Назовем это догадкой, основанной на информации. Я пообещал вам отыскать неисследованный туннель и надеюсь сдержать обещание. А теперь давайте убирать еду: лететь нам осталось десять минут.

Когда все было убрано и мы пристегнулись, я вывел самолет из относительно спокойных верхних слоев, и мы снова оказались в области ветров над поверхностью.

Мы находились над большим центрально-южным массивом, примерно на такой же высоте, на какой расположено Веретено. Именно на такой высоте разворачивается большинство событий на Венере. На низинах и в глубоких речных руслах давление достигает ста двадцати тысяч миллибар и больше. Такое давление мой самолет долго бы не выдержал. Да и ничей не выдержал бы, кроме нескольких специальных аппаратов, исследовательских и военных. К счастью, похоже, хичи тоже не любили низины. В местностях с давлением выше девятиста бар пока не найдено ничего им принадлежавшего. Конечно, это не значит, что там ничего нет.

Проверив нашу позицию по виртуальному шару и подробной карте, я выпустил три звуковых искателя.

Как только они высвободились, ветер разметал их по окрестности. Но это правильно. Не важно, где приземлится искатель – в достаточно широких пределах. Вначале они падают как копья, затем летят по ветру как соломинки, пока

не включатся их маленькие двигатели и приборы поиска не нацелят их на поверхность.

Приземлились благополучно. Не всегда так везет, так что начало у нас хорошее.

Я отметил положение искателей на крупномасштабной карте. Получился почти равносторонний треугольник, то есть самое благоприятное расположение. Потом я проверил, что все хорошо пристегнулись, включил сканер и начал облет.

– Что дальше? – крикнул Коченор. Я заметил, что девушка вставила ушные затычки, но он не хотел ничего упустить.

– Теперь мы подождем, пока искатели не обнаружат туннели хичи. Это может занять несколько часов. – Говоря это, я опускал самолет через поверхностные слои атмосферы. Порывы ветра начали сильно бросать нас.

Но я нашел то, что искал, – поверхностное образование, похожее на тупик сухого русла, и всего с несколькими резкими толчками ввел в него машину. Коченор внимательно наблюдал, и я улыбнулся про себя. Вот где нужен хороший пилот, а не на туристических маршрутах или на подготовленном поле у Веретена. Когда он сумеет действовать так, как я, то сможет без меня обходиться. Но не раньше.

Позиция выглядела нормальной, поэтому я выстрелил четырьмя держателями. Это такие столбы с головками, которые взрываются, коснувшись поверхности. Испытал их лебедкой, все держали хорошо.

Это тоже хороший признак. Относительно довольный собой, я расстегнул ремень и встал.

– Мы проведем здесь день-два, – сказал я. – Или больше, если повезет. Не хотите ли пройтись?

Стены русла превратили рев ветра просто в крик, и Дорри извлекла из ушей затычки.

– Хорошо, что меня не укачивает, – сказала она.

Коченор не говорил, но думал. Зажег сигарету и принялся разглядывать приборы контроля.

Дорота сказала:

– Один вопрос, Оди. Почему бы не подняться повыше, где спокойней?

– Топливо. У нас достаточно для перелетов, но не для того, чтобы висеть днями. Шум вас тревожит?

Она скорчила гримасу.

– Привыкнете. Все равно что жить рядом с космопортом. Вначале вы удивляетесь, как можно выдержать такой шум целый час. Но поживете немного, и вам будет его не хватать, если шум прекратится.

Она подошла к иллюминатору и задумчиво посмотрела на местность. Мы перелетели в ночную зону, и смотреть было не на что. Видны только пыль и какие-то мелкие обломки в лучах наружных прожекторов.

– Меня беспокоит именно первая неделя, – сказала она.

Я включил экраны искателей. Они взрывали небольшие заряды и измеряли эхо друг друга. Но пока еще рано для вы-

водов. На экране только начал появляться теневой рисунок. В нем больше пробелов, чем подробностей.

Наконец заговорил Коченор.

– Когда вы сможете сделать вывод по этим данным? – спросил он. Еще один момент: он не спросил, что это такое.

– Зависит от близости расположения и размера. Примерно через час можно будет строить предположения, но я предпочел бы получить все данные. От шести до восьми часов, я бы сказал. Торопиться некуда.

Он проворчал:

– Я тороплюсь, Уолтерс.

Вмешалась девушка:

– А чем мы займемся, Оди? Сыграем в бридж на троих?

– Чем хотите, но я посоветовал бы вам поспать. Если мы что-то найдем – и помните, что шансы на это при первой же попытке очень малы, – какое-то время нам будет не до сна.

– Хорошо, – сказала Дорота и направилась к койкам, но Коченор остановил ее.

– А вы сами? – спросил он.

– Тоже скоро лягу. Я кое-чего жду.

Он не стал спрашивать чего. Вероятно, подумал я, потому что и так знает. И решил, что, когда лягу, снотворное принимать не буду. Коченор не только самый богатый турист из тех, с кем я имел дело; он еще и самый информированный. И мне хотелось немного подумать об этом.

Так что никто сразу не лег спать, и мне пришлось ждать почти час. Парни на базе стали что-то нерасторопны, им давно следовало бы поинтересоваться нами.

Но вот радио зажужжало, потом заговорило:

– Неустановленный аппарат на один три пять, ноль семь, четыре восемь и семь два, пять один, пять четыре! Пожалуйста, назовитесь и объясните свою цель.

Коченор вопросительно поднял голову от карт, они с девушкой играли в кункен.

– Пока они говорят «пожалуйста», проблем нет, – сказал я и включил передатчик.

– Говорит пилот Оди Уолтерс, аппарат Поппа Тар девять один, из Веретена. Мы получили лицензию и утвержденные полетные планы. На борту два туриста с Земли, цель – исследования для отдыха и развлечения.

– Принято. Пожалуйста, подождите, – проревело радио. Военные всегда передают на максимуме мощности. Несомненно, похмелье после дней сержантской муштры.

Я отключил микрофон и объяснил пассажирам:

– Проверяют наши полетные планы. Пока беспокоиться не о чем.

Через несколько мгновений передатчик Обороны снова ожил. И как всегда, громко.

– Вы в одиннадцати точка четыре километрах на два восемь три градуса от границы закрытой зоны. Действуйте осторожно. По правилам воинских ограничений один семь

и один восемь, раздел...

– Я знаю правила, – прервал я. – У меня лицензия проводника, и я объяснил ограничения пассажирам.

– Принято, – проревело радио. – Мы будем наблюдать за вами. Если заметите в атмосфере или на поверхности наши машины, это пограничные команды. Ни в коем случае не мешайте им. На любое требование идентификации или информации отвечайте немедленно.

– Они нервничают, – заметил Коченор.

– Нет. Они всегда такие. К таким, как мы, они привыкли. Просто им больше нечем заняться, вот и все.

Дорри неуверенно сказала:

– Оди, вы сказали, что объяснили нам ограничения. Я этого не помню.

– Ну как же, объяснил. Мы должны оставаться за пределами закрытой зоны, иначе они начнут стрелять. Вот и весь закон.

7

Я поставил будильник на четыре часа. Остальные услышали, как я встаю, и тоже встали. Дорри разлила кофе из нагревателя, и мы пили стоя и разглядывали рисунок на экране.

Мне потребовалось на это несколько минут, хотя рисунок ясен с первого взгляда. На нем восемь больших аномалий, которые могут быть туннелями хичи. И одна прямо у нас за

дверью. Даже не придется перемещать самолет.

Я одну за другой показал им эти аномалии. Коченор только задумчиво смотрел на них. Дорота спросила:

– Вы хотите сказать, что все эти пятна – неисследованные туннели?

– Нет. Хотел бы. Но даже если это туннели, во-первых, они могут быть уже исследованы кем-то, кто не позаботился зарегистрировать свои раскопки. Во-вторых, это не обязательно туннели. Могут быть трещины, канавы, реки какого-то расплавленного материала, который застыл миллиард лет назад. Единственное, что я могу сказать относительно уверенно: никаких неисследованных туннелей, кроме как в этих восьми местах, здесь нет.

– Что же мы будем делать?

– Копать. И посмотрим, что выкопаем.

Коченор спросил:

– Где начнем?

Я указал на яркое дельтообразное пятно, изображающее наш аппарат.

– Прямо здесь.

– Это лучший вариант?

– Не обязательно. – Я обдумал, что сказать ему, и решил попробовать правду. – Есть три места, которые выглядят лучше остальных, вот, я их сейчас отмечу. – Я поиграл приборами, и на рисунке появились буквы А, В и С. – А – это место, которое находится прямо под нашим руслом, так что

начнем с него.

– Лучшие – это самые яркие, верно?

Я кивнул.

– Но С ярче всех. Почему бы не начать с него?

Я тщательно подбирал слова.

– Отчасти потому, что пришлось бы перемещать самолет. Отчасти потому, что это место на краю исследованной зоны; это означает, что результаты поиска тут менее надежны. Но главное – это место на самом краю закрытой зоны, а наши приятели, у которых пальцы на курках чешутся, уже предупредили, чтобы мы держались подальше.

Коченор недоверчиво усмехнулся.

– Вы хотите сказать, что найдете многообещающий туннель хичи и не пойдете к нему, потому что какой-то солдат вам не велел?

Я ответил:

– Эта проблема не возникнет. У нас есть семь аномалий, где мы можем искать законно. К тому же военные время от времени будут проверять нас.

– Ну хорошо, – настаивал Коченор. – Предположим, все законные окажутся пустыми. Что тогда?

– Я никогда не напрашиваюсь на неприятности.

– Но предположим?

– Черт возьми, Бойс! Откуда мне знать?

Тогда он сдался, подмигнул Дорри и хихикнул.

– Что я тебе говорил, милая? Он гораздо больший бандит,

чем я!

Она молча смотрела на меня. Потом спросила:

– Почему вы такого цвета?

Я как-то отговорился, но, посмотрев в зеркало, увидел, что даже глаза у меня позеленели.

* * *

Следующие несколько часов мы были слишком заняты, чтобы говорить о теоретических возможностях. Приходилось беспокоиться о конкретных фактах.

Самый главный конкретный факт – нужно было не дать газу высокой температуры и под огромным давлением убить нас. Для этого предназначены скафандры. Мой собственный изготовлен по заказу, конечно, и его нужно только проверить. У Бойса и девушки скафандры взяты в аренду. Я хорошо за них заплатил, и они хороши. Но хороши – еще не значит совершенны. Я с полдесятка раз заставлял их надевать и снимать скафандры, проверял все клапаны, подгонял костюмы, пока не добился всего, чего можно в этих условиях. Скафандры двенадцатислойные, с девяностопроцентной свободой в самых существенных суставах, у них автономные топливные батареи. Они не подведут. Об этом я не беспокоился. Беспокоился я об удобствах: небольшой зуд становится серьезной проблемой, если невозможно почесаться.

Наконец я признал их годными к испытанию. Мы все стол-

пились в шлюзе, открыли люк и вышли на поверхность Венеры.

Мы по-прежнему находились в ночной зоне, но рассеянного света солнца хватает, так что было не очень темно. Я дал им попрактиковаться в ходьбе у самолета, наклоняясь на ветру, держась за корпус корабля и посадочные столбы, а сам тем временем готовился к раскопкам.

Я вытащил первое мгновенное иглу, расположил его и зажег. Оно тут же загорелось и затрещало, как детская игрушка, которая называется «фараонова змея». Оно производит легкий, но прочный пепел, который все растет, соединяется и образует купол без всяких швов. Я уже подготовил шлюз и, пока стены росли, умудрился с первого раза достичь великолепного соединения.

Дорри и Коченор не мешали мне, наблюдали от корабля через лицевые пластины. Я включил радио.

– Хотите посмотреть, как я начну? – крикнул я.

Оба кивнули в шлемах головами, я видел это движение через пластины.

– Идите сюда! – крикнул я и пополз в шлюз. Сделав им знак следовать за мной, я оставил его открытым.

Внутри, с нами тремя и оборудованием для раскопок, было еще теснее, чем в самолете. Они как можно дальше отошли от меня, прижались к изогнутой стене иглу, а я включил буры, проверил их вертикальное расположение и наблюдал за первыми спиральными надрезами.

Пенное иглу часть звука отражает, часть поглощает; все же шум внутри гораздо хуже рева ветра снаружи; резцы рабоботают очень шумно. Решив, что для первого раза они видели достаточно, я показал на шлюз, мы все выбрались, я закрыл шлюз, и мы вернулись в самолет.

– Пока все хорошо, – сказал я, сняв шлем и выбираясь из скафандра. – Я считаю, что предстоит прорезать примерно сорок метров. Можно подождать внутри.

– А сколько это займет?

– Около часа. Можете заняться чем хотите, а я приму душ. Потом посмотрим, насколько мы продвинулись.

Одно из преимуществ того, что на борту только три человека: не слишком соблюдается водная дисциплина. Поразительно, как освежает короткий душ после жаркого скафандра. Закончив, я почувствовал себя готовым к чему угодно.

Я готов был даже поесть трехтысячекалорийных гурманских блюд, приготовленных Бойсом Коченором, но, к счастью, в этом не было необходимости. Кухней занялась Дорри и приготовила простую, легкую и неядовитую еду. На ее еду я, возможно, и доживу до получения своей платы. Вначале я удивился, почему она сторонница здоровой диеты, но потом решил, что, конечно, хочет продлить Коченору жизнь. Со всеми этими запасными органами у него, наверно, диетические проблемы похлеще моих.

Ну, может, и не так. От своих проблем он явно не умрет.

Поверхность Венеры в этом месте покрыта похожим на пепел песком. Сверла быстро прорезали ее. Слишком быстро. Когда я забрался в иглу, оно почти заполнилось отходами сверления. Мне пришлось поработать, чтобы подобраться к машинам и повернуть их так, чтобы отходы вылетали через шлюз.

Грязная работа, но она не заняла много времени.

Я не стал возвращаться в самолет. По радио связался с Коченором и девушкой. Они были видны мне в иллюминатор. Я сказал им, что мы близко.

Но как близко, не сказал.

На самом деле мы были всего в метре от аномалии, так что я не позаботился убрать все отбросы. Просто расчистил место, чтобы можно было передвигаться в иглу.

Потом изменил направление движения сверл. И через пять минут показали следы голубого металла хичи – признак настоящего туннеля.

8

Еще десять минут спустя я включил микрофон в шлеме и крикнул:

– Бойс! Дорри! Мы нашли туннель!

Либо они уже были в скафандрах, либо оделись быстрее любой туннельной крысы. Я только раскрыл шлюз и выбрался, чтобы помочь им... а они уже выходили из самолета, дер-

жась за руки и сопротивляясь напору ветра.

Оба выкрикивали вопросы и поздравления, но я их оставил.

– Внутрь, – приказал я. – Увидите сами. – Кстати, обязательно и заходить. Голубое сияние они могли увидеть, заглянув в шлюз.

Я прополз вслед за ними и закрыл внешний вход в шлюз. Причина очень проста. Пока туннель не прорезан, не важно, что вы делаете наверху. Но в нетронutom туннеле хичи внутреннее давление лишь чуть превышает нормальное земное. Если вы не запечатали иглу сразу после того, как вскрыли туннель, в него врывается девяностотысячемиллибарная атмосфера Венеры вместе с высокой температурой, разрушительным действием воды и едких химикалий и всем прочим. Если туннель пуст или то, что в нем, достаточно прочно, тревожиться нечего. Но в музеях можно увидеть странные куски и обломки – тот, кто обнаружил эти машины хичи, впустил предварительно атмосферу, и они превратились в хлам. Если вы нашли сокровище, то можете в одну секунду уничтожить то, что сотни тысяч лет ждало открытия.

Мы собрались вокруг шахты, и я указал вниз. Сверла прорыли ровный ствол с круглыми стенками диаметром от семи-десяти до ста сантиметров. А на дне виднелось холодное голубое сияние наружности туннеля. Сверла лишь чуть поцарапали эту поверхность и забросали отходами бурения, которые я не успел убрать.

– Что теперь? – спросил Коченор. Голос его звучал хрипло от возбуждения – впрочем, это естественно, решил я.

– Будем прожигать стенку.

Я как можно дальше, насколько позволяло иглу, отвел своих клиентов от ствола, они прижались к оставшимся грудам отходов. Затем высвободил огненные резак. Сам расположился, раздвинув ноги, над стволом. Огнеметы аккуратно спустились на кабеле, пока не повисли в нескольких сантиметрах над поверхностью туннеля.

Я включил их.

Можно подумать, что человек не в состоянии создать что-нибудь более горячее, чем Венера, но огнеметы – это совсем особое дело. В ограниченном пространстве иглу нас охватил жар. Охладительная система скафандров заработала с перегрузкой.

Дорри ахнула.

– Ох! Мне кажется, я...

Коченор схватил ее за руку.

– Если хочешь, падай в обморок, – яростно сказал он, – но смотри, чтобы тебя не вырвало в шлеме. Уолтерс! Сколько это будет продолжаться?

Мне было так же трудно, как и ему. Практика не помогает привыкнуть к тому, чтобы легко и невозмутимо стоять перед печью с раскрытой дверцей.

– Может, минуту, – выдохнул я. – Держитесь, все в порядке.

На самом деле потребовалось чуть больше, может, секунд девяносто. Больше половины этого времени приборы моего скафандра тревожно сигналили о перегрузке. Но скафандр рассчитан на перегрузки. Если не испечешься в нем, сам скафандр выдержит.

Потом мы прошли. Полуметровый круглый участок поверхности туннеля просел, опустился и повис, раскачиваясь.

Я выключил огнеметы. Все несколько минут усиленно отдувались, охладители скафандров постепенно восстанавливали температуру.

– Ух ты! – сказала Дорота. – Ничего себе!

В свете, выходящем из шахты, я видел, что Коченор хмурится. Я молчал. Включил огнеметы еще на пять секунд, чтобы срезать круглый участок. Тот со стуком, как камень, упал на дно туннеля.

Потом я включил микрофон.

– Нет разницы в давлении, – сказал я.

Коченор не перестал хмуриться, но продолжал молчать.

– Это означает, что туннель уже вскрыт, – продолжал я. – Кто-то нашел его, вскрыл, вероятно очистил, если там что-то было, и просто не сообщил об этом. Пойдемте в самолет, помоемся.

Дорота закричала:

– Оди, что с вами? Я хочу спуститься и посмотреть, что там внутри!

– Заткнись, Дорри, – с горечью сказал Коченор. – Ты разве

не слышала, что он сказал? Это выстрел впусую.

Конечно, всегда есть вероятность, что туннель вскрыт каким-нибудь сейсмологическим происшествием, а не туннельной крысой с режущим огнеметом. В таком случае там может остаться что-нибудь интересное. И мне не хватило совести одним ударом покончить с энтузиазмом Дороты.

Поэтому мы один за другим спустились вниз по тросу и оказались в туннеле хичи. Осмотрелись. Насколько можно видеть, он пуст, как и большинство других. Впрочем, видеть можно недалеко. Еще один недостаток вскрытых туннелей – чтобы их исследовать, нужно специальное оборудование. С испытанной перегрузкой наши скафандры годились еще на пару часов, но и только.

Поэтому мы прошли по туннелю с километр, видели голые стены, иногда на них срубленные наросты, которые некогда могли что-то удерживать, но ничего подвижного. Даже мусора не было.

Коченор и Дорри захотели вернуться и подняться по тросу к самолету. Коченор справился самостоятельно. Дорота тоже, хотя я готов был ей помочь. Но она поднялась сама с помощью петель на тросе.

Мы вымылись и приготовили еду. Поесть следовало, но Коченор был не в настроении готовить свои гурманские блюда. Дорота молча бросила в нагреватель таблетки, и мы мрачно поели блюда из полуфабрикатов.

— Ну что, это всего лишь первый, — сказала наконец Дорота, решив приободриться. — И всего наш второй день.

Коченор сказал:

— Заткнись, Дорри. Если я чего-то не умею, так это проигрывать. — Он смотрел на рисунок, по-прежнему остававшийся на экране. — Уолтерс, сколько еще туннелей не обозначены, но пусты, как этот?

— Откуда мне знать? Если они не обозначены, о них нет никаких данных.

— Тогда эти следы могут ничего не значить, верно? Можем раскопать все восемь, и все окажутся пустышками.

Я кивнул.

— Возможно, Бойс.

Он пристально посмотрел на меня.

— И что?

— И то, что это не самое плохое. По крайней мере, этот след означал реальный туннель. Я водил группы, которые сошли бы с ума от радости, если бы им удалось найти даже вскрытый туннель после нескольких недель, когда мы раскапывали только пустоты и интрузии. Вполне вероятно, что в семи остальных вообще ничего нет. Не придирайтесь, Бойс. Вы за свои деньги, по крайней мере, кое-что получили.

Он отмахнулся от моих слов.

— Вы выбрали это место, Уолтерс. Вы что, не знали, что делаете?

Знал ли я, что делаю? Единственная возможность дока-

зять, что знал, – найти нескрытый туннель, конечно. Я мог бы рассказать ему о том, как месяцами изучал данные, собранные после первой высадки. Как пришлось стараться, сколько правил я нарушил, чтобы заглянуть в данные военных, как далеко пришлось мне поехать, чтобы поговорить с людьми из Обороны, которые принимали участие в одной из ранних раскопок. Я бы мог даже рассказать, какого труда мне стоило отыскать старого Джоролемона Хеграмета, который сейчас преподаёт экзотическую археологию в Теннесси. Но я сказал только:

– То, что мы нашли этот туннель, доказывает, что я знаю свое дело. Вы за это и платите. Вам решать, будем мы продолжать или нет.

Он задумчиво смотрел на свои ноги.

– Подбодришь, Бойс, – жизнерадостно сказала Дорри. – Посмотри, как нам уже повезло. И если даже ничего не найдем, как забавно будет рассказывать об этом в Цинциннати.

Он даже не посмотрел на нее, просто сказал:

– Есть ли способ определить, не заглядывая в туннель, вскрыт ли он?

– Конечно. Достаточно простучать снаружи оболочку. Разница в звуке ощутима.

– Но вначале нужно до него докопаться?

– Верно.

На этом мы покончили. Я снова забрался в скафандр – снять бесполезное теперь иглу, чтобы можно было извлечь

сверла.

Я не хотел дальнейшего обсуждения, потому что не хотел слышать вопрос, на который пришлось бы солгать. Я всегда стараюсь придерживаться правды, потому что так легче помнить, что ты говорил.

С другой стороны, я к этому не отношусь как фанатик. Я не считаю, что не мое дело исправлять ошибочное впечатление. Например. Очевидно, Коченор предполагает, что я не позаботился простучать туннель, прежде чем вскрывать его.

Но, конечно, я простучал. Это первое, что я сделал, как только убрал сверла. И когда слышал звук высокого давления, пал духом. Пришлось подождать несколько минут, прежде чем объявить, что мы добрались до внешней стенки.

В тот момент я не смог бы ответить, что стал бы делать, если бы обнаружил, что туннель не вскрыт.

9

Бойс Коченор и Дорри Кифер были пятнадцатой или шестнадцатой группой, которую я водил на раскопки хичи. И я не удивился, что они готовы работать как кули. Какими бы ленивыми и скучающими ни начинали земные туристы, к тому времени, как появляется надежда найти что-то принадлежавшее таинственному народу чужаков, который исчез, когда на Земле обитал еще не человек, а низколобое мохнатое существо, которое научилось убивать других жи-

вотных ударами антилопных костей по голове... к этому времени туристов охватывала исследовательская лихорадка.

Так что эти двое работали напряженно. И меня подгоняли. А я был возбужден не меньше их. Может, больше, потому что проходили дни и мне все чаще приходилось потирать правый бок, чуть пониже ребер, и потирать все сильнее и сильнее.

Несколько раз на нас поглядывали парни из Оборона. Они пролетали над нами в своих скоростных аппаратах с полдесятка раз в первые дни. Много не разговаривали, только стандартный идентификационный запрос по радио. Правила требуют, чтобы об открытиях сразу сообщалось. Вопреки требованиям Коченора, я сообщил о находке первого вскрытого туннеля, что несколько удивило военных, я думаю.

Но больше докладывать было не о чем.

Район В оказался пегматитовой дамбой. Еще в двух относительно ярких местах, которые я обозначил как D и E, вообще ничего не оказалось после раскопок; это означало, что аномалия в отражении звука вызвана невидимыми вкраплениями в породе – пепел или гравий.

Я возражал против раскопок в районе С, самом перспективном.

Коченор настаивал, но я держался. Время от времени военные продолжали поглядывать на нас, и я не хотел еще ближе подходить к их периметру. Я сказал, что, может быть, ес-

ли больше нигде не повезет, мы тайком вернемся в район С и быстро копнем перед возвращением в Веретено. Так мы и порешили.

Мы подняли самолет, перелетели на новую позицию и снова пустили в ход искатели.

К концу второй недели мы сделали девять раскопок, и все девять оказались пустыми. Кончались иглу и искатели. И совершенно кончилась наша терпимость по отношению друг к другу.

Коченор стал мрачен и раздражителен. Встретив этого человека, я не собирался становиться его ближайшим другом, но не ожидал, что его общество будет так трудно переносить. И не считал, что у него есть право так воспринимать неудачу: ведь для него это явно только игра. Со всем его состоянием те деньги, которые он заработал бы, найдя новые артефакты хичи, мало что для него значили – несколько добавочных чисел в банковском счете, но он вел себя так, словно от этого зависит его жизнь.

Конечно, и сам я был не очень любезен. Дело в том, что пилюли, выданные мне в знахарской, переставали действовать. Во рту было такое ощущение, словно в нем поселились крысы. У меня болела голова, и время от времени она так кружилась, что я начинал ронять вещи.

Печень регулирует вашу внутреннюю диету. Она отфильтровывает яды. Одни углеводы она превращает в другие, которые организм может использовать. Аминокислоты

она объединяет в протеины. Если она этого не делает, вы умираете.

Врач мне все это объяснил. У туннельных крыс часто страдает печень; дело в том, что часто приходится работать при повышенном давлении в скафандре, при этом газы в ваших кишках сжимаются и давят на печень. Врач показал мне картинки. Я мог представить себе, что происходит в моих внутренностях, как красные клетки печени умирают и замещаются желтоватыми клетками жира. Отвратительная картинка. И самое отвратительное, что я ничего не мог с этим поделать. Только продолжать принимать пилюли, а они больше не действовали. Я считал дни до «прощай, печень, здравствуй, отказ печени».

Так что мы были не очень веселым обществом. Я вел себя отвратительно, потому что чувствовал себя все более больным и впадал в отчаяние. Коченор вел себя отвратительно, потому что такова его природа. И единственным приличным человеком на борту оказалась девушка.

Дорри старалась изо всех сил на самом деле. Она была мила (а иногда даже хороша) и всегда готова пойти навстречу сильным, то есть Коченору и мне.

Ей явно приходилось нелегко. Дорота Кифер была все-таки еще ребенком. Какой бы взрослой она ни казалась, она просто недостаточно прожила, чтобы справиться с такой концентрированной злобой. Добавьте к этому, что мы уже начали ненавидеть вид, звук и запах друг друга (а в тесном

аппарате скоро многое узнаешь о запахах друг друга), так что Дорри Кифер немного веселья получала от туристической поездки на Венеру.

И от нас тоже... особенно когда я сообщил, что у нас осталось последнее иглу.

Коченор откашлялся. Не очень вежливый звук. Скорее начало военного клича. Словно пилот сверхзвукового истребителя, готовясь к схватке, снял покровы с пушек. Дорри постаралась отвлечь его.

– Оди, – радостно сказала она, – вы знаете, что, по-моему, мы можем сделать? Вернуться в район С, тот самый, что возле границы военных.

Отвлечение не в ту сторону. Я покачал головой.

– Нет.

– Какого дьявола значит это ваше «нет»? – взревел Коченор, готовый к битве.

– То, что я сказал. Нет. Слишком близко к парням из Обороны. Если там есть туннель, он пройдет прямо в закрытую зону, и они на нас обрушатся. – Я старался говорить убедительно. – Это отчаянный шаг, а я еще не впал в отчаяние.

– Уолтерс, – рявкнул он, – вы будете в отчаянии, если я вам велю. Я могу вообще вам не заплатить.

Я поправил его:

– Нет, не можете. Союз вам не позволит. Правила на этот счет совершенно ясны. Вы платите, если я выполнил ваши законные требования. А то, что вы предлагаете, незаконно.

Раскопки внутри закрытой зоны – явное нарушение закона.

Он перешел к холодной войне.

– Вы ошибаетесь, – негромко сказал он. – Незаконными они будут, только если суд признает их таковыми. Вы были бы правы, если бы ваши адвокаты оказались умнее моих. Но, откровенно говоря, Уолтерс, это невозможно. Я плачу своим адвокатам, чтобы они были самыми умными.

Мое положение не позволяло спорить. Коченор говорил правду. И к тому же у него оказался мощный союзник. Моя печень была на его стороне. Я определенно не мог потратить время на суды, потому что, не купив трансплантат, просто до них не доживу.

Дорри слушала с птичьим выражением дружелюбного интереса. Она встала между нами.

– А как насчет этого? Мы уже на месте. Почему бы не посмотреть, что покажут искатели? Может, мы найдем что-нибудь получше С...

– Тут ничего хорошего не будет, – ответил Коченор, не отрывая от меня взгляда.

– Бойс, откуда ты это знаешь? Мы ведь даже не закончили прослушивание.

Он сказал:

– Дорота, выслушай меня хоть раз внимательно, а потом заткнись. Уолтерс играет со мной. Разве ты не видишь, чем мы занимаемся?

Он протиснулся мимо меня и вызвал на экран полную

карту. Это несколько удивило меня. Я не знал, что он это умеет. Появилась карта. На ней была наша позиция, были отмечены уже проделанные шахты, также указана неровная граница военной зоны плюс все масконы и навигационные знаки.

– Разве ты не видишь? Мы сейчас даже не в районе концентрации высокой плотности. Верно, Уолтерс? Вы хотите сказать, что мы испробовали все хорошие места?

– Нет, – ответил я. – Отчасти вы правы, мистер Коченор. Но только отчасти. Я с вами не играю. Это место перспективно. Можете сами увидеть это на карте. Конечно, мы сейчас не над масконом, но непосредственно между двумя, и они очень близки друг к другу. Это хороший признак. Иногда находят туннели, соединяющие два комплекса, и бывает, что соединительный туннель ближе к поверхности, чем остальные части системы. Конечно, я не гарантирую, что мы тут что-то найдем. Но попробовать стоит.

– Но это не очень вероятно, верно?

– Ну, не хуже, чем в других местах. Я неделю назад сказал вам, что вы уже оправдали свои деньги, просто найдя вообще туннель хичи. Даже вскрытый. В Веретене есть туннельные крысы, которые лет по пять и такого не видели. – Я немного подумал. – Я заключу с вами договор.

– Слушаю.

– Мы уже на поверхности. Есть шанс на что-то наткнуться. Попробуем. Запустим искатели и посмотрим, что они нам

покажут. Если получим хороший след, начнем раскопки. Не получим... ну что ж, тогда я подумаю о возвращении в район С.

– Подумаете?! – взревел он.

– Не подталкивайте меня, Коченор. Вы сами не понимаете, во что ввязываетесь. С военными из закрытой зоны не стоит шутить. Это парни сначала стреляют, а потом задают вопросы, и никакой полицейский тут вам не поможет.

– Не знаю, – сказал он после недолгого раздумья.

– Конечно, не знаете, мистер Коченор. А я знаю. За это вы мне и платите.

Он кивнул:

– Да, вероятно, вы знаете, Уолтерс. Но правду ли вы говорите о том, что знаете, совсем другой вопрос. Хеграмет ничего не говорил мне о раскопках между масконами.

И посмотрел на меня с непроницаемым лицом: как я на этоотреагирую.

Я ничего не ответил. Смотрел на него так же бесстрастно. Не сказал ни слова. Только ждал, что будет дальше. Я был уверен, что он не станет объяснять, откуда знает профессора Хеграмета и какие у него дела с крупнейшим земным авторитетом в области раскопок хичи.

Конечно, он не объяснил.

– Запускайте ваши искатели, – сказал он наконец. – Еще раз попробуем по-вашему.

Я выстрелил искатели, надежно закрепил их все и включил запись эхо. Потом просто сидел и ждал, глядя на появившиеся на экране первые линии рисунка, как будто надеялся получить от них какую-то информацию. Конечно, еще долго информации не будет, но мне просто хотелось подумать без помех.

Подумать о Коченоре. Он явился на Венеру не для забавы. Он планировал заняться раскопками туннелей хичи еще на Земле. И нашел время ознакомиться с инструментами, которые можно найти в моем воздушном аппарате.

Мои рекламные рассказы о сокровищах хичи – напрасная трата времени: клиент принял решение по крайней мере с полгода назад и на расстоянии в десять миллионов миль отсюда.

Я понял все это. Но чем больше понимал, тем яснее видел, что не понимаю. Хотел бы я сунуть Коченору пару баксов и отправить поиграть в казино, чтобы поговорить наедине с девушкой. К несчастью, отправлять его было некуда. Я сделал вид, что зеваю, пожаловался, что скучно ждать, и предложил всем прикорнуть ненадолго. Конечно, я не надеялся, что он уснет и даст мне возможность поговорить с Дорри. И добился только того, что она предложила понаблюдать за экраном и разбудить меня, если увидит что-нибудь интересное.

Поэтому я подумал: к дьяволу это все – и лег сам.

Спал я плохо, потому что пока засыпал, у меня было вре-

меня заметить, как плохо я себя чувствую, и не только в одном отношении. Во рту у меня теперь постоянный вкус желчи – не так, как перед рвотой, а словно меня только что вырвало. Глаза начали слезиться, и на краю поля зрения начали возникать какие-то призрачные картины.

Я встал, чтобы проглотить пару пилюль. Не стал считать, сколько их осталось. Не хотел знать.

Я настроил свой личный будильник так, чтобы проснуться через три часа, думая, что, может быть, к этому времени Коченор ляжет, а Дорри еще нет и, может, она будет разговорчива. Но когда я проснулся, старик не спал, он готовил себе травяной омлет с последним из наших стерильных яиц.

– Вы были правы, Уолтерс, – улыбнулся он. – Мне захотелось спать. Поэтому я отлично поспал. Теперь готов к чему угодно. Хотите яйца?

Я хотел. И не одно. Но конечно, не посмел поест, поэтому я мрачно проглотил питательные, но очень невкусные таблетки, которые позволил мне есть диетический отдел знахарской, глядя, как ест Коченор. Несправедливо, что человек в девяносто лет может быть таким здоровым, что даже не думает о своем пищеварении, в то время как я...

Ну, в таких мыслях никакого толка. Я предложил послушать музыку, чтобы провести время. Дорри выбрала «Лебединое озеро», и я включил запись.

И тут у меня появилась мысль. Я направился в инструментальный отдел. Там на самом деле проверка не нужна.

Головки сверл уже скоро нужно будет заменять, но я не стану этого делать: наши запчасти кончаются. Дело в том, что инструментальный дальше всего от кухни, но все же внутри самолета.

Я надеялся, что Дорри пойдет за мной. И она пошла.

– Нужна помощь, Оди?

– Рад буду получить, – ответил я. – Вот, подержите это. Смотрите не выпачкайте одежду. – Я не думал, что она спросит, зачем это нужно держать. Она не спросила. Только рассмеелась при мысли о грязной одежде.

– Я такая грязная, что немного лишней смазки и не замечу. Мы все были бы рады вернуться к цивилизации.

Коченор не обращал на нас внимания. Я сказал:

– О какой цивилизации вы говорите? О Веретене или о возвращении на Землю?

Я хотел, чтобы она поговорила о Земле, но получилось наоборот.

– Веретено, – сказала она. – Я никогда не думала, что окажусь на этой планете, Оди! Мне так понравилось! Как интересно все здесь живут, всегда вместе. Мы почти ничего не видели. Особенно люди, как этот индус, владелец ресторана. Кассирша его жена, верно?

– Одна из жен. Она жена Вастры номер один. Официантка – номер три, и еще одна жена у него в доме с детьми. Их пятеро, детей, от всех трех жен. – Но я хотел изменить тему и потому сказал: – На Земле то же самое. Вастра владел

бы туристическим рестораном в Бомбее, если бы не оказался здесь, а здесь он не оказался бы, если бы не улетел с военными. Я думаю, что, если бы не был на Венере, работал бы проводником в Техасе. Конечно, если там есть еще свободная местность, где нужны проводники. А как вы?

Все время я перебирал одни и те же четыре-пять инструментов, разглядывал их серийные номера и клал назад. Она этого не заметила.

– О чем вы?

– Ну, что вы делали на Земле, прежде чем прилетели сюда?

– О, я немного работала в офисе Бойса.

Это меня подбодрило. Может, она вспомнит что-то связанное с профессором Хеграметом.

– Вы были его секретаршей?

Она недружелюбно посмотрела на меня.

– Что-то в этом роде.

Я смутился. Она решила, что я вынюхиваю... ну конечно, я это делал, но меня совсем не интересовали грязные подробности того, как такая юная девушка стала любовницей старикашки. К тому же Коченор, несмотря на свой возраст и отвратительный характер, исключительно привлекательная для женщин фигура. Стараясь смягчить ее, я сказал:

– Конечно, это не мое дело.

– Да, не ваше, – согласилась она. А потом спросила: – А это что?

Это был вызов по радио, вот что.

– Так отвечайте! – рявкнул Коченор через самолет, отрываясь от своего омлета.

Я обрадовался этому перерыву. Вызов только голосом, без изображения, и это меня немного удивило. Но я так и оставил. Больше того, я надел наушники, так как в моей природе осторожность в некоторых делах. В самолете не так уж много возможностей уединиться, и надо использовать их все.

Вызывала база. Женщина-сержант, связистка, я ее прозвал Литтлн⁴. Я раздраженно вздохнул, глядя, как Дорри садится рядом с Бойсом Коченором.

– Личное сообщение для тебя, Оди, – сказала сержант Литтлн. – Этот сагиб где-нибудь поблизости?

Мы с Литтлн часто болтали по радио. Но что-то в ее веселом тоне насторожило меня. Я повернулся спиной к Коченору. Я знал, что он слушает, но только мою часть разговора, конечно, из-за наушников.

– В данной области, но в настоящее время отсутствует, – ответил я. – Что у вас есть для меня?

– Небольшая новость, – промурлыкала сержант. – Получили несколько минут назад. Только для информации. Это означает, что мы ничего не будем предпринимать, но, может, ты предпримешь, милый.

– Готов к приему, – ответил я, глядя на пластмассовый корпус радио.

⁴ Маленькие Колени. – *Примеч. пер.*

Сержант захихикала.

– Капитан чартерного рейса твоего сагиба хотел бы поговорить с ним, когда отыщет. Дело срочное, капитан буквально обмочился.

– Да, база, – подтвердил я. – Ваш сигнал получен, частота десять.

Сержант Аманда Литтлни снова засмеялась, но на этот раз получилось не хихиканье, а настоящий смех.

– Дело в том, – сказала она, – что проверка показала: чек оплаты за рейс «Юрия Гагарина» фальшивый. Знаешь, что сказал банк? Ни за что не поверишь. «Необеспеченный чек» – вот что он сказал.

У меня постоянно болело под правыми ребрами, но теперь боль вдруг стала острее. Я стиснул зубы.

– Сержант, вы можете подтвердить эту оценку?

– Прости, милый, – прогудела она мне в ухо, – но никаких сомнений. Капитан связался с банком этого твоего Бойса Коченора, там подтвердили, что у него ничего нет. Когда твой наниматель вернется в Веретено, его будет ждать ордер на арест.

– Спасибо за синоптический прогноз, – сказал я мертвым голосом. – Перед стартом я с вами свяжусь.

Я выключил радио и посмотрел на своего клиента-миллиардера.

– Что с вами, Уолтерс? – спросил он.

Но я его не слышал. Я слышал только то, что сказал мне

этот костопил из знахарской. Его уравнения забыть невозможно. Деньги = новая печень + счастливая жизнь. Отсутствие денег = полный отказ печени + смерть. А мой источник денег неожиданно иссяк.

10

Получив какую-то важную новость, вы должны пропустить ее через себя, немного привыкнуть и только тогда что-то предпринимать. Вопрос не в том, чтобы увидеть все последствия. Я их сразу увидел, можете не сомневаться. Нужно попытаться достичь равновесия.

Поэтому несколько минут я размышлял. Слушал, как охотники на лебедей Чайковского готовятся к поимке их царицы⁵. Проверил, выключено ли радио, чтобы зря не тратить энергию. Проверил, что видно на экране.

Конечно, было бы отлично, если бы там показалось что-нибудь замечательное, но, судя по тому, как обстоят дела, ничего там не покажется. Так и есть. Начинал появляться слабый рисунок. Но ничего похожего на туннели хичи и ничего особенно яркого. Данные продолжали поступать, но я знал, что эти слабые линии никогда не превратятся в материнскую жилу, которая спасла бы нас, спасла бы даже разоренного мошенника и ублюдка Коченора.

⁵ Так у автора. – *Примеч. пер.*

Я даже посмотрел на небо в иллюминатор, чтобы узнать, какова погода. Конечно, это не имеет значения, но среди га-лоидных пурпурных и желтых пятен появились отдельные белые облака. Солнце всходит на западе.

Прекрасная картина, но мне она ненавистна.

Коченор доел омлет и задумчиво смотрел на меня. Дорри тоже. Она вернулась к пластиковой стойке и снова взяла в руки сверла в обертке со смазкой. Я улыбнулся ей.

– Красиво, – сказал я, имея в виду музыку. Оклендский филармонический перешел к той части, когда выходят маленькие лебеди и, держась за руки, исполняют на сцене па-де-катр. Это всегда было моим любимым местом в «Лебедином озере»... но не сейчас.

– Остальное послушаем позже, – сказал я и выключил запись.

Коченор рывкнул:

– Ну ладно, Уолтерс. Что происходит?

Я опустил пустой контейнер от иглу и закурил сигарету, потому что понял: больше мне можно не беспокоиться о сбережении кислорода.

– Есть несколько вопросов, которые меня тревожат, Коченор. Во-первых, почему вы связались с профессором Хеграметом?

Он улыбнулся и явно успокоился.

– О, так вот что вас беспокоит. Нет причин, почему бы не сказать вам. Я многое проверил и разузнал о Венере, прежде

чем прилететь. А почему бы и нет?

– Конечно, но почему вы дали мне понять сначала, что ничего не знаете?

Коченор пожал плечами.

– Если у вас есть хоть немного мозгов, вы должны знать, что глупые не становятся богатыми. Думаете, я проделал столько миллионов миль, не зная, что тут обнаружу?

– Нет, конечно, но вы постарались убедить меня, что не знаете. Ну, не важно. Итак, вы обратились к кому-нибудь, чтобы узнать, что приличного можно стянуть на Венере, и этот человек направил вас к Хеграмету. А дальше что? Хеграмет сказал вам, что я настолько глуп, что стану вашим мальчиком?

Коченор уже не выглядел таким невозмутимым, но и не стал еще агрессивным. Он спокойно сказал:

– Да, Хеграмет упомянул ваше имя. Сказал, что если я хочу найти девственный туннель, лучший проводник вы. Потом ответил на множество вопросов о хичи и тому подобном. Итак, да, я знал, кто вы такой. Если бы вы не пришли к нам, я бы сам пришел к вам; вы мне сэкономили много сил.

Я сказал, испытывая при этом легкое удивление:

– Знаете, я думаю, вы говорите правду. Только об одном вы умолчали.

– О чем?

– Вы ведь здесь не для развлечения, верно? Вам нужны деньги. Очень нужны. – Я повернулся к Дороте, неподвижно

стоявшей со сверлами в руках. – А как вы, Дорри? Вы знали, что старик разорен?

Не слишком умно с моей стороны так поступать. Я сразу понял, что она сделает, и отбросил упаковку с иглу. Но она успела уже выронить сверла. К счастью, они упали плашмя и режущие кромки не обломились.

И этим она ответила на мой вопрос.

– Вижу, он вам об этом не сказал, – заметил я. – Тяжело для вас, куколка. Его чек за полет на «Юрии Гагарине» недействителен, и, думаю, тот, что он дал мне, не лучше. Надеюсь, свое в мехах и удовольствиях вы уже получили, Дорри. Советую спрятать все полученное, пока не затребовали кредиторы.

Она даже не взглянула на меня. Смотрела на Коченора, и весь его вид подтверждал, что услышанное ею – правда.

Не знаю, чего я от нее ожидал: гнева, упреков, слез. Но она только прошептала:

– О Бойс, дорогой. Как мне жаль. – Подошла и обняла его.

Я повернулся к ним спиной. Мне совсем не нравилось смотреть на Коченора. Сильный девяностолетний бык, выращенный на Полной Медицине, сразу превратился в разбитого старика. Впервые с того времени, как нахально вошел в Веретено, он выглядел на свои девяносто, а может, и чуть больше. Рот у него провис, раскрылся, губы дрожали, спина согнулась, блестящие глаза слезились. Дорри гладила его и

ворковала, глядя на меня с выражением боли.

Мне и в голову не приходило, что он действительно что-то для нее значит.

Я повернулся и снова начал разглядывать рисунок на экране, потому что больше делать было нечего. Рисунок ясен как никогда и совершенно пуст. Он покрывал достаточно большую площадь, и я ясно видел, что и из-за привлекательных на первый взгляд царапин на краю тоже не стоит приходить в возбуждение. Мы их уже проверяли. Это призраки.

Никакого немедленного спасения здесь нет.

Как ни странно, но я успокоился. Есть что-то успокаивающее в сознании, что вам терять нечего. Начинаешь видеть мир в иной перспективе.

Не хочу сказать, что я сдался. Кое-что еще я могу сделать. Конечно, это ненадолго продлит мне жизнь – приходилось с этим смириться, но вкус во рту и боль в кишках все равно не давали мне наслаждаться жизнью.

Прежде всего нужно расстаться с добрым старым Оди Уолтерсом. Так как только чудо теперь может спасти меня от полного отказа печени через одну-две недели, надо признать, что долго я не проживу. И поэтому использовать оставшееся время на что-то иное.

Что еще? Ну, Дорри неплохая девочка. Я мог бы вернуться в Веретено, передать Коченора жандармам и потратить последние дни жизни, знакомя Дорри с людьми, которые смогут помочь ей. Может быть, помогут ей Вастра или Би-

Джи. Она даже сможет заняться проституцией или рэкетом. Скоро появятся туристы с Земли, а она вполне может успешно продавать им в любом киоске молитвенные веера и другие сувениры хичи.

Конечно, это немного, на чей-то взгляд. Но капитан «Юрия Гагарина», безусловно, не повезет ее назад в Цинциннати даром, а мелкое воровство в Веретене помогает не умереть с голоду. Иногда.

А может, и мне не стоит еще сдаваться? Я немного подумал об этом. Я могу отдаться на милость знахарской. Возможно, они мне дадут новую печень в долг. Почему бы и нет?

А вот почему: они так никогда не делают.

Я могу открыть топливные клапаны, позволить топливу смешиваться минут десять, а потом включить зажигание. Взрыв мало что оставит от самолета – и от нас, и ничего не останется от наших многочисленных проблем.

Или...

Я вздохнул.

– К дьяволу, – сказал я. – Подбодритесь, Коченор. С нами еще не покончено.

Он взглянул на меня, не спятил ли я. Потом потрепал Дорри по плечу и отстранил ее, достаточно мягко.

– Сейчас. Прости, Дорри. И простите насчет вашего чека, Уолтерс. Я знаю, вам нужны деньги.

– Вы понятия не имеете, как нужны.

Он с некоторым трудом сказал:

– Хотите, чтобы я объяснил?

– Не вижу, какая в этом разница. Но ладно, – согласился я, – из чистого любопытства.

Ему не понадобилось много времени. Говорил он сжато и четко и ничего важного не упустил, хотя я уже и так о многом догадался. (Но не вовремя. Угадать заранее было бы гораздо лучше.)

Главное заключалось в том, что человек в возрасте Коченора должен быть одним из двух. Либо очень-очень богат, либо мертв. Беда Коченора в том, что он оказался недостаточно богат. Ему приходилось тратить огромные деньги на трансплантаты и лечение, на кальцифилаксы и протезы, на регулировку протеина, на подавление холестерина, миллион сюда, миллион туда, сто тысяч в месяц на это... и так далее. Он пытался по-прежнему эффективно руководить своими предприятиями, откуда приходилось брать много денег. Все это мне было понятно.

– Вы представления не имеете, – сказал он, не жалобно, а просто констатируя факт, – сколько стоит поддерживать жизнь столетнего человека, пока сами не попробуете.

Мне это не придется делать, сказал я, но про себя. И дал ему возможность продолжать рассказывать, как заволновались акционеры, как вцепились в него федеральные инспекторы... и потому он сбежал с Земли, чтобы составить себе новое состояние на Венере.

Но к концу его рассказа я слушал уже не так внимательно.

Даже не обратил внимания на то, что он солгал насчет своего возраста. Представляете себе такое тщеславие! Он решил, лучше сказать, что ему девяносто!

У меня были более важные дела, чем заставлять еще корчиться Коченора. Не слушая, я стал писать на обороте навигационного бланка. Закончив, я протянул листок Коченору.

– Подписывайте.

– Что это?

– Какая разница? Насколько я понимаю, у вас нет выбора. Это отмена некоторых пунктов нашего соглашения. Вы признаете, что соглашение недействительно, что у вас нет ко мне никаких претензий, что ваш чек недействителен и что вы добровольно передаете мне права на все, что мы можем найти.

Он хмурился.

– А вот это в конце что такое?

– Я согласен выделить вам десять процентов от моей доли в том, что мы найдем, если мы найдем что-либо ценное.

– Это милосердно, – сказал он, глядя на меня. Но уже подписывая. – Не возражаю против небольшой подачки, особенно, как вы заметили, поскольку у меня нет выбора. Но я не хуже вас читаю этот рисунок, Уолтерс. Здесь нечего находить.

– Конечно, – согласился я, складывая бумагу и пряча ее в карман. – Эта местность так же пуста, как ваш счет. Но мы не будем тут копать. Возвращаемся в район С и покопаем там.

Я закурил еще одну сигарету – рак легких был тогда самым незначительным из моих опасений – и подумал еще с минуту, а они ждали, глядя на меня. Я думал, сколько можно им рассказать из того, что я узнал за пять лет поисков. Конечно, я был уверен, что мои слова ничего не изменят. Но сказывалась многолетняя привычка. Слова сами не хотели произноситься.

Мне потребовалось большое усилие, чтобы начать.

– Помните Сабхаша Вастру, хозяина забегаловки, где мы встретились? Саб прилетел на Венеру, когда служил в армии. Он специалист по оружию. Но гражданской карьеры специалист по оружию не сделает, особенно на Венере, поэтому ему пришлось заняться кафе, и на это ушли почти все его средства, полученные по окончании контракта. Потом он послал за своими женами и всем семейством. Но на службе он считался лучшим специалистом по оружию.

– О чем вы говорите, Оди? – спросила Дорри. – Я никогда не слыхала об оружии хичи.

– Еще бы. Никто никогда не находил оружие хичи. Но Саб считает, что были обнаружены их цели.

Следующую часть мне было просто физически трудно рассказывать. Тем не менее я продолжил:

– Ну, Саб Вастра считал, что это цели. Он сказал, что начальство ему не поверило, и мне кажется, дело это забыто. Нашли треугольные пластины из голубого, испускающего

свет металла – того самого, которым выложены стены туннелей. Пластин много десятков. На всех рисунок из расходящихся от центра линий. Сабу они показались похожими на цели. И в них были дыры. Края отверстий словно посыпаны порошком талька. Кстати, вы не знаете, отчего такое может случиться с металлом хичи?

Дорри собиралась сказать, что не знает, но Коченор опередил ее.

– Это невозможно, – заявил он.

– Верно, так и сказали начальники Сабу Вастре. Они решили, что отверстия сделаны в процессе изготовления – для чего-то, что мы никогда не узнаем. Вастра с этим не согласился. Вастра говорит, что это то же самое, что бумажные цели, которые используют солдаты в тире. Отверстия расположены в разных местах. А линии ему показались похожими на определители точности попадания. Вот и все доказательство правоты Вастры. Никаких доказательств. Даже Вастра не считает это доказательством. Но это какое-то свидетельство.

– И вы считаете, что можете найти оружие, которое сделало эти отверстия, в районе С? – спросил Коченор.

Я колебался.

– Я бы не стал говорить так определенно. Назовем это надеждой. Может, очень слабой надеждой. Но есть кое-что еще.

Эти цели, или чем бы они ни были, обнаружил старатель

около сорока лет назад. Тогда здесь не было никакой военной закрытой зоны. Старатель попытался продать находку, но никто ею особенно не заинтересовался. Тогда он отправился искать что-нибудь поинтереснее и вскоре был убит. Так тогда часто случалось. Никто на эти штуки не обращал внимания, пока они не попались на глаза какому-то военному, и кому-то пришла в голову та же мысль, что и Вамстре годы спустя. Тут к этому отнеслись серьезно. Определили район, где старатель сделал находку. Вблизи Южного полюса. На тысячу километров вокруг застолбили и объявили закрытой зоной. И начали копать. Отыскивали с десятков туннелей хичи, но все пустые или затопленные и растрескавшиеся. Ничего похожего на оружие не нашли.

– Тогда здесь ничего нет, – сказал Коченор, выглядел он задумчивым.

– Ничего не нашли, – поправил я его. – Вспомните, это было сорок лет назад.

Коченор удивленно посмотрел на меня, потом выражение его лица изменилось.

– О, – сказал он. – Расположение находки.

Я кивнул.

– Верно. В те дни старатели часто обманывали – если находили что-нибудь интересное, совсем не хотели, чтобы этим занимались другие. Так что тот старатель неверно указал расположение своего туннеля. В то время он жил с молодой женщиной, которая впоследствии вышла замуж за чело-

века по фамилии Аллеман. Ее сын Букер – мой друг Биджи. Вы с ним знакомы. И у него была карта.

На лице Коченора отразилось явное недоверие.

– О, конечно, – кисло сказал он. – Знаменитая карта сокровищ. И он по дружбе отдал ее вам.

– Он ее мне продал, – поправил я.

– Удивительно. И как вы думаете, сколько еще копий он продал другим простакам?

– Не очень много. – Я не винил Коченора в том, что он сомневается, но он шел не в ту сторону. – Я купил карту, когда он вернулся после собственной попытки отыскать раскопки. Больше у него не было возможности. – Я увидел, как Коченор открыл рот, и продолжал, чтобы опередить его: – Нет, он ничего не нашел. Да, он точно следовал карте. Именно поэтому мне не пришлось платить много. Но, видите ли, я считаю, что правильное место он не нашел. Правильное расположение на карте, насколько я могу вычислить – навигационная система тогда была совсем другой, – примерно в том месте, где мы высадились в первый раз, с небольшими отклонениями в разные стороны. Я там заметил следы раскопок. Очень старых. – Говоря, я достал из кармана магнитофишку и поместил ее на карту. Она показала точку в центре, оранжевый икс. – Я думаю, здесь мы найдем нужный туннель, где-то вблизи этого икса. Как видите, это совсем рядом с нашим районом С.

Минутная тишина. Я слушал отдаленный вой ветра и

ждал, пока они что-нибудь скажут.

Дорри выглядела встревоженной.

– Не знаю, нравится ли мне мысль найти новое оружие, – сказала она. – Все равно что... вернуть прежние плохие дни.

Я пожал плечами.

Коченор все больше и больше походил на себя.

– Дело не в том, хотим ли мы найти оружие. Дело в том, что мы хотим найти нетронутый туннель хичи со всем его содержимым. Но военные считают, что тут где-то поблизости зарыто оружие, поэтому не разрешат нам раскапывать, верно?

– Не считают. Считали. Сомневаюсь, чтоб сейчас кто-нибудь в это верил.

– Все равно, они сначала расстреляют нас, а потом будут задавать вопросы. Вы ведь сами так сказали.

– Да, я сказал так. Никто не допускается на территорию закрытой зоны без разрешения. Не из-за оружия хичи: там теперь у них своего достаточно, на что никому нельзя смотреть.

Он кивнул.

– Как же вы собираетесь решить эту небольшую проблему?

Если быть совершенно откровенным, я бы сказал, что не уверен, будто мне удастся ее решить. Честно говоря, шансы очень малы. Нас легко обнаружат, хотя я не думаю, что обязательно сразу начнут стрелять.

Но терять нам нечего. По крайней мере, мне и Коченору. Я только сказал:

– Попробуем одурачить их. Отошлем самолет. Мы с вами останемся и проведем раскопки. Если они подумают, что мы улетели, наблюдать за нами не будут. Нужно только не попадаться на глаза обычным пограничным патрулям, но они не очень внимательны. Надеюсь.

– Оди! – воскликнула девушка. – Если вы с Бойсом останетесь, кто уведет самолет? Я не смогу!

– Не сможете, – согласился я. – Даже если я вам дам несколько уроков. Но эта штука может лететь сама. Конечно, вы потратите много топлива и немного порыскаете. Но автопилот приведет вас куда нужно. Он даже посадит за вас самолет.

– Вы так не сядились, – заметил Коченор.

– Я ведь не сказал, что это хорошая посадка. Вам лучше будет лететь пристегнувшись. – На самом деле такая посадка напоминает катастрофу под контролем. Я постарался не думать, что произойдет с моим единственным самолетом. Но Дорри выживет. Девяносто девять процентов из ста.

– Что я должна буду делать? – спросила Дорри.

В этом месте в моем плане пробелы, но я и о них постарался не думать.

– Зависит от того, куда вы направляетесь. Я думаю, лучше всего вам сразу вернуться в Веретено.

– И оставить вас здесь? – спросила она неожиданно вызы-

вающе.

– Не навсегда. В Веретене вы отыщете моего друга Биджи Аллемана и расскажете ему о случившемся. Естественно, придется с ним поделиться, но это правильно: можем дать ему двадцать пять процентов, и он будет доволен. Я вам дам для него записку с координатами, он прилетит за нами. Скажем, через двадцать четыре часа.

– Мы справимся за день? – спросил Коченор.

– Конечно. Придется.

– А если Дорри не найдет его, или он заблудится, или еще что-нибудь?

– Она найдет его, и он не заблудится. Конечно, – признал я, – всегда возможно «что-нибудь». Мы живем на самом краю. Если возьмем дополнительные баки с воздухом и горючим, продержимся сорок восемь часов. Но не больше. Мне кажется, времени достаточно. Если он опоздает, тогда мы в беде. Но он не опоздает. Больше меня тревожит возможность того, что мы раскопаем и ничего не найдем. Тогда мы зря потратили время. Но если мы что-нибудь найдем... – Я замолчал.

– Весьма рискованно, – заметил Коченор, но смотрел он на Дорри, а не на меня. Она пожала плечами.

– Я ведь ничего не говорил о гарантиях, – ответил я ему. – Я сказал только, что есть возможность.

Мое мнение о Дороте Кифер все улучшалось. Она хоро-

ший человек, особенно учитывая ее возраст и обстоятельства, в которых она оказалась. Она сообразительна и вынослива. Но одного ей не хватало – уверенности в себе. Ее этому просто никогда не учили. Какую-то замену уверенности она находила в Коченоре, а перед этим – еще в ком-то. Опять-таки учитывая возраст, я думал, что это был ее отец. Создавалось впечатление, что она всегда жила рядом с какой-то сильной личностью.

Труднее всего было убедить Дорри, что она справится со своей задачей.

– Ничего не получится, – говорила она, когда я объяснял ей работу приборов. – Простите. Не в том дело, что я не хочу помочь. Хочу, но не могу. Просто не получится.

– Должно получиться.

Я считал, что должно. Впрочем, проверять не пришлось.

Мы с Коченором вдвоем наконец убедили Дорри попробовать. Все, что можно было оставить, вынесли наружу. Полетели назад, в сухое русло, сели и принялись готовиться к раскопкам. Но я чувствовал себя плохо – болела и кружилась голова, я стал неуклюжим, и, вероятно, у Коченора тоже возникли проблемы, хотя должен признать, что он не жаловался. Вдвоем мы сумели установить бур на место.

И вот когда я стоял с одной стороны, а Коченор раскачивался с другой, вся эта тяжелая машина рухнула на него.

Она его не убила. Но порвала скафандр, сломала ему ногу и оставила без сознания, и это лишило меня всякой надежды

на его помощь в раскопках района С.

11

Прежде всего я проверил бурильную установку, не повреждена ли она. Не повреждена. Потом затащил Коченора в самолет.

Это отняло у меня все силы. Пришлось тащить Коченора в тяжелом скафандре, убирать с дороги тяжести, а мое состояние не улучшалось. Тем не менее я справился.

Дорри была великолепна. Ни истерики, ни глупых вопросов. Мы извлекли его из скафандра и осмотрели.

Семь-восемь слоев скафандра на ноге порваны, но он удержал бы воздух, если бы не давление. Коченор был жив. Без сознания, но дышал. У него был сложный перелом ноги, и кость порвала кровоточащую плоть. Из рта и носа у него тоже шла кровь, и его вырвало в шлеме.

В целом это был столетний старик в самом плохом состоянии – однако живой. Похоже, жара не затронула его мозг. Его сердце работало – я, конечно, имею в виду сердце, которое в нем. Хорошая инвестиция – сердце продолжало качать кровь. Что могли, мы обложили компрессами, кровотечение прекратилось само по себе, конечно, кроме ужасной раны на ноге.

Но тут нужна помощь специалиста. Дорри вызвала под моим руководством военную базу. Сначала связалась с

Амандой Литтлн, а та соединила ее с хирургом базы полковником Евой Маркузе. Доктор Маркузе оказалась приятелем моего врача из знахарской; я встречался с ней несколько раз. Она объяснила мне, что нужно сделать.

Вначале полковник Маркузе хотела, чтобы я привез Коченора к ней. Я отказался. Указал уважительную причину, сказал, что сам я в плохой форме для пилотирования и для Коченора это был бы тяжелый перелет. Истинную причину я, конечно, не назвал, а именно: я не хотел оказаться в закрытой зоне и потом выбираться оттуда. И вот она дала мне подробные инструкции, что делать с раненым.

Инструкции выполнить оказалось легко, и я сделал все, что она велела: сжал края раны, накачал Коченора антибиотиками широкого спектра, залепил рану специальным желе, напылил поверх повязку и наложил гипс. Это истощило наши запасы первой помощи и заняло час времени. Наверное, Коченор пришел бы в себя, но я дал ему снотворное.

Теперь он был в стабильном состоянии. Оставалось только измерять пульс, дыхание и кровяное давление, чтобы удовлетворить хирурга, и пообещать как можно скорее перевезти раненого в Веретено. Когда доктор Маркузе отключилась, по-прежнему раздраженная тем, что я отказался дать ей поиграть с Коченором – я думаю, ее прельщала мысль повозиться с человеком, почти полностью составленным из частей других людей, – на экране снова появилась сержант Литтлн.

Я сразу понял, что у нее на уме.

– Милый, как это случилось?

– Неожиданно из-под земли выскочил огромный хичи и укусил его прямо в ногу, – ответил я. – Я знаю, о чем ты думаешь. У тебя порочный склад ума. Несчастный случай.

– Конечно, – ответила она. – Просто я хотела сказать, что нисколько тебя не виню. – И она отключилась.

Дорри, как могла, вымыла старика. При этом она очень щедро пользовалась нашими запасными простынями и полотенцами, хотя стиральной машины на борту нет. Я оставил ее и приготовил себе кофе. Потом закурил, сел и принялся выработать другой план.

Когда Дорри кончила с Коченором, она прибрала, что могла, и занялась не менее важным делом – восстановлением своей косметики. А я к этому времени нашел первоклассный выход.

В качестве первого шага я сделал Коченору пробуждающий укол.

Дорри гладила его и разговаривала с ним, пока он приходил в себя. Она не ворчала и не сердилась. А я немного раздражался. Я не так нежен, как она. Как только Коченор начал соображать, я заставил его встать, чтобы испытать мышцы, – гораздо скорее, чем ему хотелось. Испарина на лбу говорила, что ему больно. Но мышцы действуют, и он смог даже ковылять на гипсе.

Даже смог улыбнуться.

– Старые кости, – сказал он. – Я знал, что нужно пройти очередной рекальцификакс. Вот что бывает, когда пытаешься сэкономить доллар.

Он тяжело сел, морщась, вытянул ногу перед собой. Сморщил нос, приносясь к себе.

– Прошу прощения за грязь в вашем чистом и аккуратном самолете, – добавил он.

– Бывало похуже. Хотите еще помыться?

Он удивился.

– Наверно, хорошо бы...

– Давайте побыстрее. Я хочу поговорить с вами обоими.

Он не спорил. Протянул руку, Дорри взяла ее. С ее помощью он проковылял к умывальнику. Собственно, большую часть грязи Дорри уже убрала. Но он поплескал воды на лицо, прополоскал рот. И когда повернулся и посмотрел на меня, вполне пришел в себя.

– Ну, Уолтерс, что? Сдаемся и возвращаемся?

– Нет, – ответил я. – Сделаем по-другому.

– Но он не может, Оди! – воскликнула Дорри. – Вы только посмотрите на него. В своем скафандре он снаружи и часа не продержится, тем более не сможет помогать вам на раскопках.

– Я знаю, поэтому мы изменим план. Копать я буду сам. А вы вдвоем уведете самолет.

– О, храбрый герой, – улыбнулся Коченор. – Вы спятили? Кого вы обманываете? Это работа на двоих.

– Я уже делал ее в одиночку, Коченор.

– И каждые полчаса бегали в самолет охлаждаться. Конечно. Это совсем другое дело.

Я колебался.

– Будет трудно, – признал я. – Но возможно. Старатели-одиночки и раньше раскапывали туннели, хотя у них были несколько иные проблемы. Я знаю, для меня эти сорок восемь часов будут трудными, но надо попытаться – альтернативы нет.

– Неверно, – ответил Коченор. Он похлопал Дорри по бедру. – Эта девушка – сплошные мышцы. Она невелика ростом, но здорова. Вся в бабушку. Не спорьте, Уолтерс. Подумайте немного. Я улечу, она поможет вам здесь. Дорри будет в такой же безопасности, как и вы; вдвоем у вас больше шансов. Дорри поможет вам, прежде чем вы потеряете сознание от перегрева. Какие шансы у вас одного? Никаких.

Я не стал отвечать на последнее. Почему-то его слова привели меня в дурное настроение.

– Вы говорите так, словно ей самой нечего сказать.

– Ну что ж, – мягко заметила Дорри, – если подумать, то и вы говорите так же, Оди. Бойс прав. Я ценю вашу галантность и попытку облегчить мое положение, но, честно говоря, думаю, что вы во мне нуждаетесь. Я многому научилась. И если хотите правду, вы выглядите хуже меня.

Я сказал, вложив в голос всю уверенность и презрение:

– Забудьте об этом. Сделаем по-моему. Можете оба помо-

гать мне с час, пока я все устанавливаю. Потом улетите. Никаких споров. Давайте начинать.

Ну, в этом заключались две ошибки.

Во-первых, мы не уложились в час. Подготовка заняла больше двух часов, и задолго до конца я покрылся липким маслянистым потом. Чувствовал себя очень плохо. Но мне уже было не до своего состояния: время от времени с легким чувством благодарности я замечал, что у меня еще бьется сердце.

Дорри оказалась сильна и работала усердно, как и обещала. Она сделала больше тяжелой работы, чем я, запустила иглу, поставила оборудование на место, а Коченор проверял инструменты и убеждался, что знает, как управлять самолетом. Он наотрез отказался возвращаться в Веретено. Сказал, что не желает рисковать. Он вполне может переждать двадцать четыре часа в нескольких сотнях километров от нас.

Потом я выпил две чашки крепкого кофе, налил в них большую порцию своего тайного запаса джина, закурил последнюю сигарету, немного посидел и вызвал базу.

Аманда Литтлн слегка удивилась, когда я сказал ей, что мы улетаем из района базы. Куда улетаем, еще не определили. Но не стала спорить.

Потом мы с Дорри выбрались из шлюза, закрыв его за собой. Коченор сидел привязанный в кресле пилота.

Это была вторая моя ошибка. Несмотря ни на что, мы все-таки сделали так, как предложил Коченор. Я не давал своего

согласия. Просто все так произошло.

Дорри постояла немного под пепельным небом. Выглядела она жалко. Но потом схватила меня за руку, и мы вдвоем сквозь бешеные порывы ветра двинулись к нашему последнему иглу. Дорри помнила мои наставления о том, что нужно держаться подальше от выхлопов. Внутри она легла и не шевелилась.

Я был менее осторожен. Не мог сдержаться. Мне нужно было видеть. Поэтому, как только сопла, судя по блеску, были отвернуты от нас, я высунул голову, чтобы посмотреть, как Коченор поднимается в полосах пепла.

Неплохой подъем. В подобных условиях плохим я бы назвал полное разрушение самолета. Коченор этого избежал, но как только поднялся выше стен русла, ветер подхватил самолет, и его начало сильно бросать. Для Коченора эти несколько сотен километров к северу, которые выведут его за пределы обнаружения, будут нелегким полетом.

Я носком коснулся Дорри, и она встала. Провод телефона я просунул ей в клапан шлема: радио исключалось, чтобы нас не подслушал пограничный патруль, который мы не сможем увидеть.

– Еще не передумали? – спросил я.

Ядовитый вопрос, но она приняла его хорошо. Хихикнула. Я видел это, так как мы почти прижимались лицевыми пластинами шлемов. Но не слышал, что она говорит, пока она не догадалась включить микрофон, и тогда я услышал:

— ...романтично, мы только вдвоем.

Ну, для такой болтовни у нас не было времени. Я раздраженно сказал:

— Не будем тратить время. Помните, что я вам сказал. У нас воздуха, воды и энергии на сорок восемь часов, и все. Не рассчитывайте ни на какие добавки. Воды может хватить чуть дольше, чем остального, но чтобы оставаться в живых, нужно и остальное. Постарайтесь работать не очень напряженно. Чем медленнее у вас обмен веществ, тем лучше справятся системы переработки. Если найдем туннель, сможем там поесть немного, если, конечно, туннель не тронут и не нагревался за последние несколько сотен тысяч лет. Иначе даже не думайте о еде. И забудьте о сне: когда запустим сверла, попробуем прилечь ненадолго, но...

— А кто это тратит время? Вы все это мне уже говорили. — Но голос ее по-прежнему звучал жизнерадостно.

Мы забрались в иглу и принялись за работу.

Прежде всего нужно было убрать породу, которая начала накапливаться, как только мы запустили буровую установку. Обычно в таком случае полагается изменять направление движения сверл, чтобы они выбрасывали породу. Но мы не могли тратить время на это: это означало бы на какой-то период прекращать бурение. Пришлось делать это трудным путем, то есть вручную.

Да, было трудно. Прежде всего неудобно работать в скафандрах. Когда приходится в них работать, они ужасны. А

когда работа тяжелая, а в иглу, кроме нас двоих, находится еще работающий бур, это почти невозможно.

Тем не менее мы справились.

Коченор не обманул меня насчет Дорри. Она оказалась партнером не хуже любого мужчины. Вопрос в том, достаточно ли этого. С каждой минутой меня все больше беспокоил другой вопрос: достаточно ли хорош я сам.

Бог видит, как плохо я себя чувствовал. Голова раскалывалась, а когда приходилось двигаться резко, я едва не терял сознание. Все удивительно совпадало с прогнозом, который сделали в знахарской. Конечно, мне обещали три недели до отказа печени, но ведь они не знали, что мне предстоит такая тяжелая работа. Очевидно, она сократит срок.

Не очень приятные мысли.

Особенно когда прошли первые десять часов... и я понял, что шахта опустилась ниже отметок туннеля хичи... а никакого голубого свечения не видно.

Мы копаем сухой колодец.

Конечно, если бы у нас было достаточно времени и самолет поблизости, это воспринималось бы всего лишь как небольшая досадная помеха. Может, и большая, но не катастрофа. Пришлось бы возвращаться в самолет, вымыться, хорошо выспаться ночью, позавтракать и проверить заново рисунок. Вероятно, мы просто копаем не в том месте. Хорошо. Следующим шагом были бы раскопки в правильном ме-

сте. Изучать местность, выбрать пункт, поставить новое иглу, пустить в ход сверла и попытаться заново.

Так нужно было бы поступить.

Но ни одной из этих возможностей у нас не было. Не было самолета. Не было еды и возможности хорошо выспаться. Не было нового иглу. Даже невозможно проверять рисунок: наше время истекает, и с каждой минутой я чувствовал себя все хуже.

Я выбрался из иглу, сел под защитой от ветра и посмотрел на желто-зеленое небо.

Должен существовать какой-то выход. Нужно только до него додуматься.

Я приказал себе думать.

Посмотрим, сказал я себе. Могу ли я, например, передвинуть иглу и начать в другом месте?

Нет. Ничего не получится. Я могу с помощью сверл снять иглу, но как только это будет сделано, ветер подхватит его, и прощай, Чарли. Я больше никогда не увижу это иглу. К тому же не удастся снова сделать его герметичным.

Ладно. Как насчет сверления без иглу?

Возможно, решил я. Но бессмысленно. Допустим, нам повезет и мы докопаемся. Без иглу, отгораживающего от девяноста тысяч миллибар горячего разрушительного воздуха, мы уничтожим все в туннеле, прежде чем сумеем взглянуть на него.

Я почувствовал толчок в плечо и обнаружил, что рядом

со мной сидит Дорри. Она ни о чем не спрашивала и вообще ничего не говорила. Я думаю, все и так было ясно.

По часам моего скафандра прошло тринадцать часов. Оставалось тридцать с небольшим до возвращения Кочено-ра. Я не видел смысла в том, чтобы празднично просидеть все это время.

Но, с другой стороны, не видел и смысла делать что-нибудь.

Конечно, подумал я, можно поспать немного... тут я проснулся и понял, что именно это и делал.

Дорри свернулась рядом со мной, она тоже спала.

Вы, возможно, удивляетесь, как можно спать в такой жаре. Это совсем нетрудно. Для этого нужно только быть абсолютно измученным и впасть в отчаяние. Сон не распутывает ваш клубок проблем, но позволяет отгородиться от мира, когда на него не хочется смотреть. Как на наш мир.

Но Венера, возможно, последнее прибежище пуританской этики. На Венере нужно работать. Те, кто считает иначе, отсеиваются в самом начале, потому что просто не выживают.

Конечно, это безумие. По любым логичным оценкам я знал, что все равно что мертв, но чувствовал, что нужно что-то делать. Я отодвинулся от Дорри, проверил, закреплен ли ее пояс за кольцо иглу, и встал.

Чтобы встать, потребовалась огромная сосредоточенность усилий. Но это правильно. Почти так же хорошо, как

услухнуть и ни о чем не думать.

Мне пришло в голову – конечно, как нечто меня не касающееся, постороннее, – что, пока мы с Дорри спали, могло произойти что-то хорошее. Что-нибудь вроде... ну, скажем, где-нибудь в туннеле обнаружались восемь-десять живых хичи... они услышали, как мы стучимся, и открыли дно нашей шахты. Поэтому я заполз в иглу, чтобы проверить, так ли это.

Ничего подобного. Не открыли. Я всмотрелся в шахту, чтобы убедиться в этом, но там по-прежнему только слепая дыра, которая исчезает в грязной темноте на краю действия моего фонаря. Я выругал негостеприимных хичи – вероятно, за то, что они не существуют, – и пнул на их отсутствующие головы породу с края шахты.

Но пуританская этика продолжала грызть меня. Я подумал, что же еще должен сделать. У меня не очень большой выбор. Умереть? Конечно, но я и так на пути к этому. Нет ли чего-нибудь более конструктивного?

Пуританская этика напомнила мне, что место нужно оставлять таким же, каким застал его, поэтому я с помощью лебедки вытащил сверла и оставил их висеть, потом принялся сбрасывать породу в бесполезную дыру. Когда расчистилось достаточно места, я сел и принялся думать.

Я думал, что мы сделали неправильно, – не с тем, чтобы сделать правильно, поймите меня, а просто как думают над старой шахматной задачей. Как получилось, что мы не смог-

ли найти туннель?

После нескольких минут туманных рассуждений я подумал, что нашел ответ.

Дело в том, что такое звуковая разведка. Люди с опытом Дорри и Коченора считают, что сейсмические схемы похожи на подземные карты Далласа, на которых показаны все стоки, и отстойники, и водопроводные трубы, и проходы, и все так обозначено, что, когда попадаешь внутрь, достаточно посмотреть на карте, где что расположено, и там и найдешь.

На самом деле не так. Схемы отражают вероятность. Они строятся на основе приблизительных оценок. Они составляются минута за минутой по эху, которое приходит от взрыва искателей. И следы эти похожи на тень от паутины, они гораздо шире самих туннелей и на краях совсем расплываются. Когда смотришь на эту тень, знаешь, что внизу есть нечто такое, что способно оставить такую тень. Может, это скальное вкрапление или карман гравия. Можно надеяться и на то, что это раскопки хичи. То есть там что-то есть, но что именно, вы не знаете. Если туннель достигает десяти метров в ширину – это достаточная оценка для соединительных туннелей хичи, – след паутины занимает не менее пятидесяти, а может занять и сто.

В таком случае где же копать?

Вот тут на первый план выступает искусство старателя. Вы должны сделать предположение на основе информации.

Возможно, вы будете копать точно в геометрическом цен-

тре – если знаете, где этот центр. Это самый простой путь. Или будете копать там, где тень самая густая, как поступает большинство старателей. Это не хуже других способов.

Но все это недостаточно хорошо для умного и умелого старины Оди Уолтерса. Я иду своим путем. Я пытаюсь рассуждать как хичи. Я смотрю на всю карту и пытаюсь догадаться, какие пункты могли захотеть соединить хичи. Потом я прокладываю воображаемый курс между этими пунктами, где я проложил бы туннель, будь я старшим инженером хичи на строительстве, и копаю там, где прежде всего разместил бы этот туннель.

Так я и поступил. Очевидно, я поступил неверно.

Конечно, я мог ошибиться и оттого, что просто там внизу был карман гравия.

Очень возможное объяснение, но бесполезное. Если тут вообще никогда не было туннеля, нам сильно не повезло. Но я хотел получить более обнадеживающий ответ, и моему затуманенному мозгу показалось, что я его нашел.

Я представил себе, как выглядит трасса на экране. Самолет я посадил как можно ближе к этому месту. Конечно, прямо на этом месте я не мог копать, потому что мешал самолет. Поэтому мне пришлось поместить иглу на несколько метров в сторону и выше по склону.

И мне начинало казаться, что эти несколько метров и есть причина нашей неудачи.

Это туманное рассуждение было приятно моему затума-

ненному мозгу. Оно все объясняло. Восхитительно, думал я, как мне все удалось распутать в таком состоянии. Конечно, я не видел, какое практическое отличие это составляет. Если бы у меня было другое иглу, я бы с радостью передвинулся на то место, где стоял самолет, конечно, если бы прожил достаточно долго.

Но все это не имеет значения, потому что второго иглу у меня нет.

И вот я сидел на краю темной шахты, одобрительно кивал тому, как я разумно рассуждаю, сидел, свесив ноги, и время от времени сбрасывал вниз породу. Вероятно, это что-то вроде желания смерти, потому что мне приходила в голову мысль: лучше всего мне просто прыгнуть вниз и закопаться в эту породу.

Но пуританская этика не позволяла мне сделать это.

Таким образом я решил бы только свои личные проблемы. Но юной Дороте Кифер, которая похрапывала снаружи в жаре, это ничего не дало бы. Меня беспокоила Дорота Кифер. Я хотел для нее чего-то лучшего, чем мерзкая жизнь мелкого воришки в Веретене. Она такая милая и добрая и...

Тут меня посетило откровение: одна из причин моей враждебности к Бойсу Коченору – то, что у него есть Дорри Кифер, а у меня нет.

Это тоже была интересная мысль. Предположим, думал я, чувствуя дурной вкус во рту и удары в голове, предположим, скафандр Коченора был прорван насквозь и он умер бы тут

же. Предположим (заходя немного дальше), что затем мы нашли бы туннель и все то, что нам в нем нужно, и вернулись в Веретено, и стали богаты, и мы с Дорри...

Я много времени провел, думая, что мы с Дорри могли бы делать, если бы дела пошли немного по-другому и все это произошло на самом деле.

Но дела по-другому не пошли, и все это не произошло.

Я столкнул в шахту еще немного породы. Туннель, теперь я был в этом убежден, находится всего в нескольких метрах от пустого дна шахты. Я подумал, не спуститься ли вниз и не поскрести ли перчатками.

Мысль показалась мне хорошей.

Не могу сказать, насколько эти мысли были капризами мечты, насколько – галлюцинациями больного. Я думал о странных вещах. О том, как хорошо было бы, если бы хичи все еще жили здесь, и когда я спустился бы вниз и постучал в голубую стену туннеля, они открыли бы ее и впустили меня.

Это было бы очень мило. Я даже представил себе, как они должны выглядеть – дружелюбные и богоподобные. Может, они одеваются в тоги и предложат мне ароматные вина и редкие фрукты. Может, они даже умеют говорить по-английски, так что я смогу поговорить с ними и задать несколько тревожащих меня вопросов. «Хичи, для чего вам на самом деле молитвенные веера?» – спросил бы я их. Или: «Послушайте, хичи, я не люблю навязываться, но, может, в вашей меди-

цинской сумке есть что-нибудь такое, что не даст мне умереть?» Или: «Хичи, простите за то, что мы насорили у вас на переднем дворе, но я постараюсь прибраться».

Может, именно эта последняя мысль заставила меня сбросить больше породы в шахту. Никакого лучшего занятия у меня не было. И кто знает, может, они это оценят.

Немного погодя шахта заполнилась наполовину и порода кончилась, за исключением той, что набросана снаружи иглу. Но идти за ней у меня не было сил. Я осмотрелся в поисках нового занятия. Я осмотрел сверла, заменил затупившиеся резцы последними острыми, изменил на двадцать градусов направление и снова запустил их.

Только тогда я заметил, что Дорри стоит рядом со мной, помогая первые метр-два удерживать сверла. До того я даже не сознавал, что выполняю новый план. Не помнил, чтобы составлял его. Не помнил даже, когда проснулась Дорри и вошла в иглу.

Я подумал, что план неплохой. Почему бы не попробовать этот склон? Нам все равно нечем заняться.

И вот мы занялись работой.

Когда сверла перестали дергаться в руках и начали устойчиво грызть камень, мы смогли оставить их. Я расчистил место у стены иглу и какое-то время бросал породу.

Потом мы просто сидели, смотрели, как сверла проделывают новое отверстие. Не разговаривали.

Вскоре я снова уснул.

И не просыпался, пока Дорри не заколотила по моему шлему. Мы были погребены в отходах бурения. Они светились голубым светом, так ярко, что у меня заболели глаза.

Сверла царапали металл хичи не меньше часа. Они даже проделали на нем бороздки.

Заглянув вниз, мы увидели уставившийся на нас круглый яркий голубой глаз туннеля. Туннель был прекрасный.

Мы не разговаривали.

Каким-то чудом я умудрился пробраться через породу к выходу из иглу. Герметически закрыл шлюз, вынудив наружу несколько кубических метров породы.

Потом начал пробираться к режущим факелам.

Наконец мне это удалось. Каким-то образом. Наконец я их отыскал и сумел закрепить.

Мы отошли как можно дальше, и я включил их. И смотрел, как свет, вырывающийся из шахты, образует яркий рисунок на крыше иглу.

Потом послышался неожиданный короткий вскрик газа и стук: это внутрь провалились куски породы.

Мы прорезали туннель хичи.

Он был нетронут и ждал нас. Наша красавица оказалась девственницей. Мы с любовью лишили ее девственности и вошли в нее.

Должно быть, я снова потерял сознание, потому что, когда пришел в себя, мы были на полу туннеля. Шлем у меня был открыт. Боковой шов скафандра тоже. Я дышал затхлым застоявшимся воздухом, которому четверть миллиона лет, и вонял он на все эти четверть миллиона.

Но это был воздух.

Плотнее обычного земного и не такой влажный, но парциальное давление кислорода почти такое же. Это доказывал факт, что я дышу этим воздухом и не умираю.

Рядом со мной была Дорри Кифер.

Шлем у нее тоже был открыт. В синем свете стен хичи она казалась призрачной, какой только может показаться красивая девушка. Вначале я не был уверен, что она дышит. Но, несмотря на то что выглядела она ужасно, пульс у нее был ровный, легкие работали, и, почувствовав, что я ее трогаю, она открыла глаза.

– Боже, я вся избита, – сказала она. – Но мы это сделали!

Я ничего не сказал. Она уже все сказала за нас обоих. Мы сидели, глуповато улыбались друг другу и выглядели в голубом свете хичи как маски Хеллоуина.

Больше ничего в тот момент я не мог делать. Голова у меня кружилась. Прежде всего нужно было справиться с мыслью, что я еще жив. И я не хотел подвергать опасности это

непрочное сознание своими движениями.

Впрочем, было очень неудобно, и спустя какое-то время я понял, что мне жарко. Я закрыл шлем, чтобы отгородиться от жары, но внутри пахло так отвратительно, что я тут же открыл его снова, решив, что жара лучше.

Тогда меня удивило, почему жара просто неприятна, она не сжигает нас мгновенно.

Металл, из которого сделаны стены туннелей хичи, очень плохо проводит тепло, но ведь прошли сотни тысяч лет. Мой старый печальный больной мозг некоторое время занимался этой мыслью и наконец пришел к заключению: до самого недавнего времени, может еще какую-нибудь тысячу лет назад, в туннеле искусственно поддерживалась относительно низкая температура. Следовательно, пришел я к мудрому заключению, должны для этого существовать какие-то автоматические механизмы. Ну и ну, сказал я себе. Их стоило бы отыскать. Пусть они сломаны. Именно из таких находок создаются состояния...

И тут я вспомнил, зачем мы вообще оказались здесь. Я посмотрел вверх и вниз по коридору в поисках добра хичи, которое сделает нас богатыми.

Когда я был школьником в Амарилло, моей любимой учительницей была калека по имени мисс Стивенсон. Она рассказывала нам истории из Балфинча и Гомера.

Однажды она испортила мне целый уикенд рассказом об

одном греческом парне, который больше всего хотел стать богом. Я понял, что в те дни это было довольно обычной целью для умного молодого грека, хотя и не был уверен, часто ли ее удавалось достичь. Этот парень сразу сделал несколько больших шагов по лестнице – он уже был царем маленького государства в Лидии, но ему нужно было больше. Ему нужна была божественность. Боги даже разрешили ему прийти на Олимп, и похоже было, что у него получится... пока он все не испортил.

Не помню подробности, что именно он сделал, какое-то отношение к этому имела собака, и еще он проделал грязную шутку, заставив одного из богов съесть собственного сына (мне кажется, у этих греков были очень примитивные представления о юморе). Как бы то ни было, его за это наказали. Получил он в награду одиночное заключение – вечное – и отбывал его, стоя по горло в прохладном озере, но не в состоянии пить. Как только он открывал рот, вода уходила. Этого парня звали Тантал... и в туннеле хичи мне показалось, что у меня с ним много общего.

Да, мы нашли сокровище, которое искали. Но не могли дотянуться до него.

Вероятно, мы прокопали ход не к центральному туннелю. Похоже на боковое ответвление, отходящее под прямым углом. И оно с обоих концов было перекрыто.

– Как вы думаете, что это? – тоскливо спросила Дорри, пытаясь что-нибудь разглядеть в щели десятитонной плиты

металла хичи, лежавшей перед ней. – Может, это оружие, о котором вы говорили?

Я помигал слезящимися глазами. За плитой – машины самых разных видов, неправильные груды предметов, возможно контейнеры для других предметов, какие-то другие штуки, как будто прогнившие и выплеснувшие содержимое, тоже прогнившее, на пол. Но у нас не было сил добраться до этого.

Я стоял, прижавшись шлемом к одной из плит, и чувствовал себя как Алиса, которая всматривается в крошечный сад, а бутылочки «Выпей меня» у нее нет.

– Я знаю только, – сказал я, – что такого еще никто не находил.

И опустился на пол, утомленный, больной, но все равно довольный миром.

Дорри села рядом со мной, перед этими закрытыми дверями рая, и мы немного отдохнули.

– Бабушка была бы довольна, – сказала Дорри.

– Еще бы, – согласился я, чувствуя себя словно навеселе. – Бабушка?

– Ну да, моя бабушка, – объяснила она, и затем я, может быть, снова потерял сознание. А когда пришел в себя, она рассказывала, как ее бабушка много-много лет назад отказалась выйти замуж за Коченора. Казалось, это для Дороты Кифер очень важно, поэтому я постарался вежливо обратить внимание на ее слова, но все равно как-то они не имели

смысла.

– Минутку, – сказал я. – Она не хотела за него выйти, потому что он был беден?

– Нет, нет! Не потому, что беден, хотя он тогда не был богат. Потому что он работал на нефтяных полях, а она хотела чего-нибудь более надежного. Очень похоже на бабушку. А когда год назад Бойс появился снова...

– Он дал вам работу в качестве своей подружки, – сказал я, кивая, чтобы показать, что понимаю.

– Нет, черт возьми, – ответила она, разозлившись. – В своем офисе. Остальное... пришло позже. Мы влюбились друг в друга.

– О, конечно, – заметил я. Мне не нужны споры.

Она напряженно сказала:

– Он на самом деле хороший, Оди. Конечно, не в бизнесе. И он для меня все сделал бы.

– Он мог бы на вас жениться, – сказал я, чтобы продолжить разговор.

– Нет, Оди, – серьезно ответила она, – не мог. Он хотел жениться. Это я сказала «нет».

Она отвергла все его деньги? Я помигал. Не стал спрашивать, но она сама поняла.

– Если я выйду замуж, – сказала она, – мне нужны будут дети, а Бойс о них и слышать не хотел. Он сказал, что если бы мы встретились, когда он был помоложе, может, семидесяти пяти или восьмидесяти, у него был бы шанс, но сейчас он

слишком стар, чтобы заводить семейство.

– Тогда вам следует поискать замену.

Она смотрела на меня в голубом сиянии.

– Я ему нужна, – просто сказала она. – Теперь больше, чем когда-либо.

Я немного подумал над этим. Потом мне пришло в голову проверить время.

Прошло сорок шесть часов после его отлета. Он сейчас может вернуться.

И если вернется, когда мы тут болтаем, постепенно сообразил я своими затуманенными мозгами, девяносто тысяч миллибар ядовитого газа обрушатся на нас. К тому же будет поврежден наш девственный туннель. Едкий газ быстро уничтожит все за этим барьером.

– Надо возвращаться, – сказал я Дорри, показывая время. Мы встали, последний раз взглянули на сокровища Тантала за плитами и начали подниматься по шахте в иглу.

После веселого блеска туннеля хичи иглу показалось еще более тесным и жалким.

Что еще хуже, мой затуманенный мозг продолжал напоминать, что мы не должны оставаться в иглу. Коченор может не забыть закрыть шлюз с обоих концов, когда пройдет – теперь уже в любую минуту, – но может и забыть. А я не мог рисковать и допустить, чтобы молот горячего воздуха опустился на нашу красавицу.

Я попытался придумать способ запечатать шахту, может,

снова сбросить в нее всю породу, но хоть мозг мой работал не очень хорошо, я понял, что это глупо.

Итак, единственный способ решения проблемы – нужно выйти наружу, на ветреную венерианскую погоду. Единственное утешение – ждать придется недолго. К тому же к долгому ожиданию мы не подготовлены. Приборы, отмечающие запасы необходимого для жизни, уже горели тревожным красным светом. Коченору следовало уже появиться.

Но его не было.

Мы с Дорри выбрались из иглу, закрыли вход и принялись ждать.

Я почувствовал скрежет о шлем и обнаружил, что Дорри подключилась ко мне.

– Оди, я очень устала, – сказала она. Не жаловалась, просто сообщала факт, который, как она думает, мне нужно знать.

– Можете поспать, – ответил я. – Я подежурю. Коченор появится очень скоро, и я вас тогда разбужу.

Вероятно, она последовала моему совету, потому что легла, подождав, пока я снимал линию связи. Потом вытянулась и оставила меня спокойно размышлять.

Но я не был ей благодарен за эту возможность. Появившиеся у меня мысли не радовали.

Коченор по-прежнему не появлялся.

Я пытался вдуматься в смысл этого. Конечно, может быть масса причин для задержки. Он мог заблудиться. Его могли

задержать военные. Он мог разбиться в самолете.

Но была и гораздо более отвратительная возможность, и мне она казалась все более вероятной.

Циферблат подсказал, что опоздание составляет уже пять часов, а приборы — что запасов воздуха и воды почти нет. Если бы мы несколько часов не дышали воздухом туннеля, сберегая тем самым запас в своих баках, мы были бы уже мертвы.

Коченор не может знать, что мы нашли пригодный для дыхания воздух в туннеле хичи. Он должен считать нас мертвыми.

Этот человек не солгал мне о себе. Он сказал, что не умеет проигрывать.

И потому решил и на этот раз не проиграть.

Несмотря на затуманенный мозг, я понимал, как это получилось. Когда положение стало критическим, в нем победил убудок. И разработал ход, который приводит к концу игры и дает ему выигрыш.

Я видел его так же ясно, словно находился с ним в самолете. Смотрит на часы, как подходит к концу наша жизнь. Готовит себе элегантный легкий ленч. Может быть, слушает до конца балет Чайковского, ожидая, пока мы умрем.

Меня эта мысль на самом деле не пугала. Я настолько близок к смерти, что технические различия меня не трогают... и настолько устал, что готов принять любой конец.

Но ведь я здесь не один.

Есть еще девушка. И единственная разумная мысль, которая задержалась в моем полуотравленном мозгу, была о том, что нечестно со стороны Коченора убивать нас обоих. Меня – да, согласен. Я видел, что с его точки зрения мною вполне можно пожертвовать. Но не ею!

Я понял, что должен что-то сделать. Поразмыслив, я начал толкать ее скафандр, пока она не пошевелинулась. С большими усилиями я дал ей понять, что она должна вернуться в туннель. Там она, по крайней мере, сможет дышать.

Потом я принялся готовиться к приему Коченора.

Есть два обстоятельства, которых он не знает. Он не знает, что мы нашли пригодный для дыхания воздух, и он не знает, что я могу раздобыть дополнительную энергию из батарей бурильной установки.

Несмотря на ярость, я способен был мыслить последовательно. Я могу застать его врасплох – если он не задержится слишком надолго. Еще несколько часов я проживу...

И когда он вернется, ожидая увидеть нас мертвыми, вернется за наградой, которую мы для него добыли, он найдет меня ждущим.

* * *

Так он и поступил.

Для него, должно быть, было ужасным шоком, когда он через шлюз вошел в иглу, держа в руке гаечный ключ, скло-

нился ко мне и обнаружил, что я жив и могу двигаться. Ведь он ожидал найти только поджаренное мясо.

Если у меня и были какие-нибудь сомнения, они тут же рассеялись: он сразу попытался ударить меня по шлему. Возраст, сломанная нога и удивление нисколько не замедлили его реакцию. Но ему пришлось поменять позу в тесном пространстве, чтобы получше замахнуться, а я, будучи не только живым, но и готовым, успел откатиться. А в руках у меня уже было наготове сверло.

Оно пришлось ему прямо в грудь.

Я не видел его лица, но могу представить себе выражение.

После этого оставалось только сделать одновременно пять или шесть невозможных дел. Поднять Дорри из туннеля и переправить ее в самолет. Подняться вслед за ней, закрыть шлюз и наметить курс. Все эти невозможные дела... и еще одно, труднее остальных, но очень важное для меня. Дорри не понимала, зачем мне на борту тело Коченора. Наверное, решила, что это из почтения к мертвому, а я не стал ей объяснять.

Я едва успел выровнять самолет при посадке, но мы сидели в скафандрах и были привязаны, а когда наземная команда Веретена пришла взглянуть, мы с Дорри были еще живы.

Вначале пришлось латать меня и три дня насыщать орга-

низм водой, прежде чем можно было ставить новую печень. Удивительно, как она пережила все испытания, но ее сразу извлекли, поместили в питательный раствор, как только смогли до нее добраться. И к тому времени, как я был готов к операции, ее аллергическую натуру укротили, и это была печень не хуже других – достаточно хороша, чтобы сохранить мне жизнь.

Большую часть времени я провел под наркозом. Знахари пробуждали меня на несколько часов, чтобы научить, как управлять своим новым приобретением; они говорили, что нет смысла ставить мне новую печень, если я не сумею с нею справиться; другие люди будили меня, чтобы задать вопросы, но я все равно был в полусонном состоянии. Да я тогда и не хотел просыпаться. Бодрствование – это болезнь, боль, зуд. Хотел бы я, чтобы вернулись добрые старые дни. Тогда бы меня накачали анестезией, пока не закончили. Но, конечно, в добрые старые дни я бы просто умер.

Но на четвертый день я почти не испытывал боли – ну, конечно, когда не двигался. И мне разрешили принимать жидкости через рот, а не другими путями.

Я понял, что останусь жив. Очень хорошая новость, и, когда я в нее поверил, меня начало интересовать окружающее.

Знахарская находилась в весеннем настроении, и мне это понравилось. Конечно, никаких времен года в Веретене нет, но знахари очень сентиментально относятся к традициям и связям с родной планетой, поэтому они для себя сохранили

времена года. Весну создавали легкие белые кучевые облака на стенных панелях и запах лилий и молодой листвы, доносившийся через вентилятор.

– Счастливой весны, – сказал я доктору Моррису, когда он осматривал меня.

– Заткнитесь, – ответил он. Переместил несколько игл, пронзивших мой живот, глядя на приборы. – Гм, – сказал он.

– Я рад, что вы так считаете, – заметил я.

Он не обратил внимания на мои слова. Доктор Моррис не любит юмористических замечаний, если они исходят не от него. Он поджал губы и вытащил несколько игл.

– Ну что ж, посмотрим, Уолтерс. Брюшной шпунт мы убрали. Ваша новая печень функционирует нормально – ни следа отторжения, но отходы образуются не так быстро, как следует. Вам придется поработать над этим. Ионный уровень мы почти вернули к норме, в этом смысле вы опять похожи на человека, и в большей части ваших тканей снова есть немного жидкости. Таким образом, – сказал он, задумчиво почесывая голову, – я сказал бы в общем, что вы выжили. Можно считать, что операция прошла успешно.

– Весьма остроумно, – ответил я.

– Вас кое-кто ждет, – продолжал он. – Третья Вастры и ваша подружка. Они принесли вам одежду.

Это меня заинтересовало.

– Значит, я могу уйти?

– Прямо сейчас, – сказал он. – Они поддержат вас какое-то

время в постели, но ваша рента закончилась. Место нам нужно для клиентов, которые платят.

Одно из преимуществ чистой крови вместо ядовитого супа в том, что я снова начал рассуждать логично и последовательно.

Я сразу понял, что добрый комик старина доктор Моррис шутит. «Клиенты, которые платят». Я бы тут не находился, если бы не был платящим клиентом. И хоть не мог представить себе, кто оплатил мои счета, решил воздержаться от любопытства, пока не покину пределы знахарской.

Это не заняло много времени. Знахари упаковали меня во влажные простыни, и Дорри и Третья из дома Вастры провезли меня через все Веретено в дом Вастры. Дорри все еще выглядела бледной и усталой – последняя пара недель не была отпуском для нас обоих, но сказала, что нуждается лишь в небольшом отдыхе. Первая Саба выгнала из комнаты детей и вымыла ее для нас, а Третья суежилась вокруг нас, кормила плоским черствым хлебом, который любят индусы, и супом из баранины, потом пожелала хорошего сна. В комнате была только одна кровать, но Дорри, казалось, не возражает. Во всяком случае, в тот момент вопрос был чисто академический. Позже – конечно, он перестанет быть таким. Через несколько дней я был на ногах и здоров как никогда.

Тогда я и узнал, кто оплатил мой счет в знахарской.

На какое-то мгновение я надеялся, что это был я сам – быстро разбогател на бесценных находках в туннеле, но я по-

нимал, что это иллюзия. Туннель находится на территории военных. Никто, кроме военных, не получит его содержимого.

Если бы мы были здоровы и сильны, с помощью небольшой изобретательной лжи могли бы обойти это препятствие. Часть вещей мы могли бы переправить в другой туннель и объявить, что нашли там, и почти наверняка это нам удалось бы... но не в таком состоянии. Мы слишком близки были к смерти, чтобы что-нибудь скрыть.

Так что все досталось военным.

Но они проявили нечто, чего я никак не ожидал. Оказалось, что и у них есть что-то вроде сердца. Они осмотрели находку, когда я еще кормился клизмами во сне, и то, что они там обнаружили, им чрезвычайно понравилось. Они решили заплатить мне нечто вроде премии за находку. Немного, конечно. Но достаточно, чтобы спасти мне жизнь. Достаточно, чтобы оплатить счет знахарской за ее плотницкую работу и аренду моей квартиры. И вот, когда я почувствовал себя хорошо, мы с Дорри смогли оставить дом Вастры и переселиться ко мне.

Конечно, за новую печень военные не платили. Она мне вообще ничего не стоила.

Какое-то время меня беспокоило, что военные не сообщат, что они нашли. Я попытался разузнать сам. Даже попытался подпоить сержанта Литтлн, чтобы вытянуть у нее, когда она на короткий отпуск прилетела в Веретено. Не по-

лучилось. Дорри была рядом, а можно ли как следует напоить одну девушку, когда другая наблюдает за вами? Наверное, Аманда Литтл сама не знала. Никто не знал, кроме нескольких специалистов.

Но это было что-то значительное, и из-за премии, и, главное, потому, что военные не стали преследовать нас за нарушение границ запретной зоны. Так что мы вдвоем удачно отделались. Или втроем.

Дорри отлично научилась продавать молитвенные веера и огненные жемчужины туристам с Земли, особенно когда стала заметна ее беременность. Разумеется, мы оба превратились в знаменитостей. Дорри в течение туристского сезона кормила нас обоих, а потом я обнаружил, что моя слава знаменитого открывателя туннелей чего-то стоит. Мне удалось взять кредит и купить новый самолет. Для туннельных крыс мы жили очень даже неплохо. Я пообещал жениться на ней, если наш ребенок окажется мальчиком, но сделаю это в любом случае. Она очень помогла мне на раскопках.

Особенно в моем собственном частном проекте.

Дорри не знала, зачем я прихватил с собой тело Коченора. Не стала спорить, конечно. Как ни плохо себя чувствовала, помогла мне затащить мертвеца в самолет, когда мы возвращались в Веретено.

А мне это тело было очень нужно – особенно одна его часть.

Конечно, это не совсем новая печень. Вероятно, даже не

из вторых рук. Бог знает, где Коченор купил ее, но я уверен, что это не его оригинальное оборудование.

Но она работает.

И хоть Коченор и ублюдок, мне он по-своему нравился, и я совсем не жалею, что во мне теперь есть его часть.

Часть третья. Астероид Врата

Величайшее сокровище, которое содержали туннели хичи на Венере, было уже открыто, хотя первые открыватели об этом не знали. Никто не знал – кроме одной одинокой туннельной крысы по имени Сильвестр Маклин. А он был не в состоянии рассказать, что нашел.

Сильвестр Маклин обнаружил космический корабль хичи.

Если бы он сообщил о своей находке, то стал бы самым богатым человеком в Солнечной системе. И смог бы жить, наслаждаясь своим богатством. Но Сильвестр Маклин был свихнувшимся одиночкой, как большинство туннельных крыс, и поступил он совсем по-другому.

Ему показалось, что корабль находится в хорошем состоянии. Может быть, подумал он, в нем даже можно летать.

К несчастью для него самого, ему это удалось.

Корабль Маклина сделал в точности то, что должны делать корабли хичи, а хичи были исключительными инженерами. Никто не знает, какие мыслительные процессы протекали в сознании Маклина, какой опыт и дедукция заставили его сделать то, что он сделал. Он не дожил до того, чтобы рассказать об этом. Но, очевидно, он забрался в корабль, закрыл люк и начал осматривать и трогать внутри предметы,

которые оказались приборами управления.

Как установили позже, на борту каждого корабля хичи есть штука, похожая на коровье вымя. Она приводит корабль в движение. Нажимая ее, словно включаешь автоматическое управление машиной. Корабль начинает полет. Куда он летит, зависит от установки курса в автоматической навигационной системе.

Маклин, разумеется, никакого курса не устанавливал. Он не знал, как это делается.

Поэтому корабль сделал то, к чему его в таких обстоятельствах подготовили его создатели хичи. Он просто вернулся туда, откуда прилетел, когда пилот хичи покинул его полмиллиона лет назад.

Как оказалось, этим местом был астероид.

Астероид необычный в нескольких отношениях. Необычный астрономически, потому что его орбита располагалась под прямым углом к эклиптике. Именно поэтому, хоть это была довольно большая скала и временами подходила совсем близко к орбите Земли, человеческие астрономы так ее и не открыли.

Другая необычность заключалась в том, что он был преобразован в нечто вроде ангара для космических кораблей хичи. В целом их там было почти тысяча.

Но чего на астероиде не было, так это еды и питья. Поэтому Сильвестр Маклин, который мог бы стать богатейшим человеком в истории, стал всего лишь иссохшим от голода

трупом.

Но перед смертью Маклин сумел передать сигнал на Землю. Это не был призыв о помощи. Никто не сумел бы долететь вовремя, чтобы спасти ему жизнь. Маклин знал это. Он признал, что должен умереть; он просто хотел, чтобы люди знали, в каком чудесном месте он умирает. И спустя какое-то время другие астронавты в неуклюжих человеческих ракетах явились по его сигналу.

И нашли врата во вселенную.

В течение следующих десятилетий астероид Врата стал центром самой выгодной отрасли человеческой деятельности – исследования Галактики.

Маклин, конечно, не владел астероидом Врата, хоть и открыл его. Настолько ему не повезло. Он вообще ничем не владел, так как умер.

Во всяком случае, вскоре стало ясно, что Врата слишком важны, чтобы ими владел кто-то один, даже одно государство. Вопрос этот годами обсуждался в ООН, и в Совете Безопасности, и на Генеральных Ассамблеях, и не раз – с помощью пушек и самолетов за пределами ООН. Кончилось тем, что сильнейшие державы мира создали Корпорацию «Врата», консорциум пяти, который должен был управлять астероидом.

Астероид Врата не самое удобное место для жизни человека. Впрочем, он никогда и не планировался для этого. Он

был создан для хичи, и они, уходя, все с него забрали. Это был камень размером с Манхэттен, прорезанный насквозь туннелями и комнатами, и больше ничего. Он не был даже круглым. Один из старателей Врат описал его как грушу, поклеванную птицами. Его внутренняя структура напоминает слои лука. Во внешней оболочке располагаются корабли хичи, их посадочные капсулы находятся в специальных углублениях. (Именно эти углубления снаружи кажутся местами, где клевали птицы.) Внутри слои с большими пустыми пространствами, в которых люди хранили припасы и запчасти, большой резервуар для воды, который они называли озеро Верхнее. Ближе к центру жилые помещения: ряды маленьких комнаток, похожих на монастырские кельи. Там жили люди в ожидании своих кораблей. Хичи, по-видимому, нравились веретенообразные помещения, хотя никто не знал почему. Одно из таких помещений обитатели Врат использовали как место встреч – и место для выпивки, и для игры, и место, где можно забыть о том, что ждет впереди.

Врата пахли не очень хорошо. Воздух драгоценен. И поэтому, особенно для свежих старателей, только что с Земли, он был почти невыносим. Астероид вращается медленно, поэтому нечто вроде микротяготения на нем есть, но не очень много. И всякий, кто на Вратах сделает резкое движение, взлетает в воздух.

Конечно, никто никогда не смотрел на астероид Врата как место для отдыха. Была только одна причина, по которой че-

любек соглашался тратить деньги на полет, дышать мерзким воздухом, терпеть все неудобства. И причина эта – корабли хичи.

Для полета на корабле хичи нужно много смелости и ничего больше. Каждый корабль совершенно такой же, как все корабли его класса. Самые большие из них, пятиместные, на самом деле совсем небольшие – площадью с ванную комнату в отеле, и на этом пространстве должны жить пять человек. Корабли, называемые одноместными (в них мог летать только один человек), не просторнее самой ванны. На каждом корабле минимум мебели, и назначение большей части этой обстановки человеку совершенно непонятно. Обязательно присутствие золотого провода, который как будто имел отношение к двигателю: было замечено, что он меняет цвет в начале, в конце и в поворотном пункте каждого полета. Всегда на корабле имелся золотистый ящик в форме бриллианта размером с гроб. На некоторых кораблях был еще один загадочный предмет, похожий на изогнутый кристаллический стержень на черном основании; он вообще ничего не делал (но, как выяснилось много позже, был способен на поистине чудесные подвиги). Никто не знал, что находится внутри этих предметов, потому что, когда пытались их открыть, они взрывались. Потом, разумеется, была система управления, с очень непривычным неудобным сиденьем перед ней. Сучковатые выступы, вспыхивающие огоньки, стар-

товое вымя – то самое, что отправляет корабль в полет.

Конечно, на корабле не было многого, без чего человек не может обходиться; когда в кораблях стали летать люди, в них появились человеческие добавки: холодильники, более удобные сиденья, койки, кухонные принадлежности – и целый каталог фотокамер, радиоантенн и самых разнообразных научных приборов.

Летать в корабле хичи нетрудно. Управлять им любой может научиться за полчаса. Поворачиваешь колеса, устанавливающие курс, почти наугад, так как никто не знает, что означает их установка. На самом деле (как узнали намного позже) существовали 14 922 отдельные программы курсов на 731 пригодном к действию корабле – на астероиде было еще примерно 200 кораблей, но они просто не работали. Однако потребовалось много времени и много жизней, чтобы установить, каковы конечные пункты этих запрограммированных маршрутов.

Когда устанавливаешь определенную комбинацию (скрепив при этом пальцы), нажимаешь стартовое вымя. И оказываешься в пути. И больше ничего делать не нужно.

Поэтому стать старателем мог любой. Любой, кто мог оплатить пролет на Врата и заплатить еще за воздух, пищу, воду и жизненное пространство, получаемые на астероиде... и кто достаточно храбр и достаточно отчаян, чтобы рискнуть. И часто этот риск приводил к ужасной смерти.

За годы многие люди, спасаясь от бедности на Земле, ис-

пытывали свое счастье на кораблях Врат. В целом таких золотоискателей было 13 842, прежде чем стало возможно сознательное управление кораблями хичи и программа исследований наобум была прекращена.

Мало кто из этих старателей выжил. Многие стали знамениты. Очень немногие разбогатели. А остальных никто не помнил.

Часть четвертая. Искатели звезд

Когда один из этих отчаянно смелых, слегка безумных ранних старателей вылетал на корабле хичи, он не думал, что корабль полетит туда, куда хочется старателю. Он (или почти в таком же количестве случаев – она) не мог рассчитывать на это по многим причинам, не говоря уже о том, что ранние старатели понятия не имели, каков конечный маршрут их полета. Но это невежество, во всяком случае, не влекло за собой наказания. Поскольку ни один старатель не знал, как управлять кораблем хичи, первые корабли следовали программе, установленной последним пилотом хичи, давным-давно покинувшим их борт.

Учитывая возможный риск, ранним старателям еще повезло, что хичи во многих отношениях оказались подобны людям. Например, хичи обладали врожденным человеческим свойством – любопытством. У них оно было прямо-таки гипертрофированное. Это означало, что многие из целей так же интересны для людей, как и для древних хичи, и больше всего первым открытиям старателей радовались земные астрономы. Эти астрономы проявили большую изобретательность в выкачивании информации из фотонов, которые попадали в их инструменты, были ли это фотоны видимого света, рентгеновских лучей, инфракрасного излучения или других видов. Но фотоны не могут рассказать все, что

хотели узнать астрономы. Астрономы вздыхали: ведь есть немало объектов, которые вообще не излучают: черные дыры, планеты, бог знает что еще! О таких объектах можно было только строить догадки.

Но теперь с помощью кораблей хичи можно было просто отправиться и посмотреть на них своими глазами!

Для астрономов это была замечательная возможность... хотя часто гораздо менее замечательная для мужчин и женщин, которые отправлялись посмотреть.

Астрономия, с точки зрения старателей, совершавших свои полеты вслепую, плоха тем, что нельзя продать, например, нейтронную звезду. А старатели летели за деньгами. Это означало, что, если повезет, они смогут найти какое-нибудь высокотехнологичное устройство хичи, которое можно привезти с собой, изучить, скопировать и заработать на нем состояние. Но коммерческого рынка для оболочек сверхновых звезд или межзвездных газовых облаков просто не существовало; эти штуки не помогали оплачивать счета.

Чтобы решить эту проблему, Корпорация «Врата» учредила научные премии для исследователей, возвращающихся со снимками и показаниями приборов, которые невозможно продать.

Со стороны Корпорации «Врата» это был очень находчивый шаг – платить за знания, не имеющие коммерческой ценности. А также хороший повод побудить испуганных голодных людей совершать смертоносные полеты в маленьких

кораблях.

Корпорация действовала уже два года, и за это время состоялось свыше ста полетов, шестьдесят два корабля вернулись более или менее благополучно. (Не считая тех старателей, которые возвратились мертвыми, умирающими и выжившими от страха из ума.)

Корабли посетили по крайней мере сорок различных звезд — все типы звезд: молодые бело-голубые гиганты, огромные и короткоживущие, как Ригель, Спика или Альтаир; желтые звезды главной последовательности, как Процион А и его карликовый спутник Процион В; звезды типа Ж, подобные Солнцу, и их гигантские родственники, как Капелла. Красные гиганты всех типов, от Альдебарана до Арктура, и их сверхгигантские двойники, как Бетельгейзе и Антарес... и их крошечные родственники — красные карлики, как Проксима Центавра и Волк 359.

Астрономы пришли в крайнее возбуждение. Результаты каждого полета триумфально подтверждали правильность того, что они знали о рождении и смерти звезд, и требовали коренного пересмотра того, что, как им казалось, они тоже знали, но на самом деле не знали. Хозяева Корпорации радовались значительно меньше. Конечно, хорошо раздвигать границы астрономической науки, но снимки двадцатого белого карлика выглядели точно так же, как снимки первого. Голодные миллиарды на Земле астрономическими фотографиями не накормишь. На орбите и так находилось

уже несколько обсерваторий. И смотреть, как их результаты обесцениваются, тоже было неприятно.

Но даже Корпорация была довольна некоторыми данными, добытыми старателями.

Полет «Пульсар»

Первая крупная научная премия была выплачена человеку по имени Чу Янгбо, и он мог бы не получить ее, если бы не прошел несколько элементарных научных курсов, прежде чем обнаружить, что даже диплом колледжа в эти дни не позволяет получить приличную работу в провинции Шэньси.

Когда корабль Чу вышел из стадии полета быстрее скорости света, Чу нетрудно было определить, какую цель установил пилот хичи.

В сущности, видны были три объекта. И очень странные. Ничего подобного первому из них Чу никогда не видел, даже на голограммах в своем астрономическом курсе. И ни один человек не видел, разве что в воображении. Объект неправильной формы – конусообразный столб света, и даже на экране от него болели глаза.

Больше всего это походило на луч прожектора в тумане. Когда Чу присмотрелся внимательнее и увеличил изображение, он увидел, что есть еще один такой луч, более слабый и туманный, уходящий в противоположном направлении. А в центре, откуда исходили оба луча, находился третий объект,

такой маленький, что его почти не видно.

Чу увеличил изображение до максимума и разглядел, что в центре находится крошечная болезненного цвета звезда.

Для нормальной звезды она слишком мала. Чу потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он находится рядом с пульсаром.

И тут он вспомнил свой курс «Астрономия. 101-й урок». В середине двадцатого века Субрахманьян Чандрасекар рассчитал процесс рождения нейтронной звезды. Модель его была простой. Большая звезда, говорил Чандрасекар, тратит весь свой запас водородного топлива и коллапсирует. Внешнюю свою оболочку она сбрасывает как сверхновая. То, что остается, сжимается к центру почти со скоростью света, большая часть массы звезды оказывается спрессованной в объеме планеты, даже меньше, почти как несколько гор. Этот особый вид коллапса может происходить только с большими звездами, рассчитал Чандрасекар. Они должны составлять не менее 1,4 массы Солнца, и это число было названо пределом Чандрасекара.

После взрыва сверхновой и коллапса остается объект с массой звезды и объемом астероида, это и есть нейтронная звезда. Он стиснут такой невероятной силой тяготения, что электроны его атомов вдавились в протоны, создав частицы без заряда, которые называются нейтронами. Плотность его так велика, что один кубический дюйм весит не менее двух миллионов тонн: все равно что стиснуть массу огром-

ного старинного супертанкера в пластинку размером с монету. Покинуть нейтронную звезду нелегко: ее огромная масса все притягивает к поверхности, и скорость убегания достигает 120 миллионов миль в секунду. Больше того: ее энергия вращения тоже «сжалась». Бело-голубой гигант, который делал один оборот вокруг оси за неделю, превратился в сверхтяжелый объект размером с астероид, вращающийся со скоростью много раз в секунду.

Чу знал, какие наблюдения ему нужно сделать: магнитные поля, рентгеновские лучи, инфракрасное излучение и многое другое. Наиболее важными оказались данные магнитометра. У нейтронной звезды поверхность состоит из сверхтекучей жидкости, и поэтому, вращаясь, она создает мощное магнитное поле – точно как Земля. Конечно, не совсем как Земля, потому что магнитное поле нейтронной звезды тоже сжато. Оно в триллион раз мощнее поля Земли. И, вращаясь, оно порождает излучение. Но это излучение не может исходить от всей поверхности звезды одновременно, этому мешают магнитные поля. Оно может уйти от нейтронной звезды только на южном и северном магнитных полюсах.

Магнитные полюса объекта не обязательно совпадают с полюсами его вращения. (Северный магнитный полюс Земли находится в сотнях миль от точки, где встречаются меридианы.) И вот вся излучаемая энергия нейтронной звезды собирается в одной точке, часто вдалеке от полюсов вращения.

Это объясняло зрелище, которое увидел Чу. Конусы – это два луча, исходящие из северного и южного магнитных полюсов звезды, которая находится между ними. Конечно, Чу видел не сами лучи. Он видел освещенные ими облака газа и пыли.

Самое главное было в том, что Чу увидел их так, как не мог увидеть ни один земной астроном. С Земли можно увидеть луч нейтронной звезды, только находясь на краю конического объема, который описывает луч при вращении. Да и то увидишь при этом только высокочастотные вспышки, которые первые наблюдатели приняли за сигналы космического разума. Они назвали этот сигнал МЗЧ (маленькие зеленые человечки), пока не разобрались, что это на самом деле тип звездного поведения.

И тогда такие объекты называли пульсарами.

За свое открытие Чу получил научную премию в четыреста тысяч долларов. Он не был алчен. Получив премию, он вернулся на Землю, где начал новую карьеру, выступал с лекциями в женских клубах и в колледжах, рассказывая о том, что значит быть старателем на Вратах. Он имел большой успех, потому что одним из первых вернулся на Землю живым.

Вернувшись позже повезло не так.

Полет «Ореол»

В некоторых отношениях полет «Ореол» самый печальный и прекрасный из всех. Корабль списали как потерянный, но это оказалось неверным. Потерялся не корабль, а только экипаж.

Корабль был небронированным трехместным. Когда он вернулся, это, конечно, вызвало удивление. Корабль отсутствовал больше трех лет. Такой долгий полет не мог пережить никто. Действительно, никто и не пережил. Когда причальная команда Врат открыла люк, отшатнувшись от во-ни изнутри, оказалось, что Ян Марикевич, Рольф Стрет и Лех Шеликович оставили записки о своих испытаниях. Их прочли другие старатели с сочувствием, а астрономы с радостью.

«Когда наступил двухсотый день полета, а поворотного пункта не было, Стрет записал в своем дневнике: «Мы поняли, что удача нас покинула». Мы бросили жребий. Я выиграл. Может, следовало бы сказать, что я проиграл, но Ян и Лех приняли свои пилюли самоубийства, и я поместил их тела в холодильник.

Поворотный пункт наступил на 271-й день. Я точно знал, что и мне не дожить до конца пути, хотя я остался в корабле один. Поэтому я настроил все на автоматику. Надеюсь, она сработает. Если корабль вернется, пожалуйста, отправь-

те наши письма».

Так уж получилось, что и письма, оставленные экипажем, не были отправлены. Их некому было получать. Все письма были адресованы другим старателям Врат, которые вместе с членами экипажа прибыли на одном корабле из Центральной Европы. И этим старателям всем не повезло. Все погибли в своих полетах.

Но данные, которые привез корабль, принадлежали всему миру.

Автоматика, налаженная Стретом, сработала. Корабль достиг пункта назначения. Инструменты тщательно все обследовали. Затем автоматически включилась программа возвращения, а труп Стрета, разбухший, тем временем лежал у приборов.

Записи показали, что корабль вылетел за пределы Галактики Млечного Пути.

Он привез первые снимки нашей Галактики, сделанные снаружи. На снимках видно было несколько слабых звезд и одно отдаленное шаровое звездное скопление – звезды и скопления образуют сферический ореол вокруг нашей Галактики, – но прежде всего видна была сама Галактика Млечного Пути, от ядра до спиральных рукавов, огромный осьминог со знакомыми щупальцами: рукав Персея, рукав Лебедя, рукав Стрельца (с нашим собственным маленьким рукавом Ориона, в небольшом выступе которого находится Земля), а также огромный далекий рукав, которого земные

астрономы никогда не видели. Вначале его называли просто Далекий рукав, но потом переименовали в рукав Стрета – Марикевича – Шеликовича в честь погибших первооткрывателей. А в центре огромного тела осьминога находилась звездная масса, отороченная газовыми и пылевыми облаками; там зарождались новые спиральные структуры, которые через сотни миллионов лет могут превратиться в рукава.

В центре видны были и другие, еще более интересные подробности, но тогда они остались неузнанными, пока некоторые другие события не заставили человечество пристальней присмотреться к ядру Галактики. Снимки получились прекрасные.

Так как из полета «Ореол» никто не вернулся живым, не было даже научной премии, но Корпорация «Врата» объявила о специальном исключении из правила. Пять миллионов долларов были предназначены для наследников Марикевича, Шеликовича и Стрета.

Конечно, жест был щедрый, но, как выяснилось, еще и обошелся дешево. Премия осталась не востребованной. Подобно многим другим старателям, у тройки с корабля не было семей, наследников найти не смогли, и казначей Корпорации молча и философски вернул деньги в общий фонд.

Первой, лучшей и самой яркой надеждой любого исследовательского экипажа было отыскать хорошую планету с сокровищами на ней. Кое-кому это удавалось, конечно, но за-

няло это немало времени. Большинство экипажей возвращалось только с фотографиями и рассказами об испытаниях – если возвращалось вообще.

Но кое-что из увиденного ими было удивительно. Воля Шадчук в одноместнике побывала в сердце планетарной туманности, зеленоватой от излучения атомов кислорода, и получила премию в пятьдесят тысяч долларов. Билл Мерриан видел рождение новой, газы красного гиганта всасывались в белый карлик; к счастью, к этому моменту всосалось недостаточно материи для взрыва, но он получил премию в пятьдесят тысяч плюс добавочные десять тысяч «за опасность». И были еще Грантланды.

Их было пятеро, Грантландов: двое братьев, их жены и старший сын одной из пар. Они достигли шарового скопления – десять тысяч старых звезд, в основном красных, в основном приближающихся к закату в нижней правой части диаграммы Гершпрунга – Рассела. Скопление было окружено гигантским ореолом, и, конечно, полет получился долгим. Никто из Грантландов не выжил. Полет в один конец занял 314 дней, и к этому времени все они были живы (хотя жили на сокращенных рационах). Они сделали снимки. Последняя из них, молодая вторая жена одного из братьев, умерла через тридцать три дня на обратном пути. Но снимки уцелели.

Не больше повезло трем сестрам Шен. Они тоже не вернулись. Опять-таки вернулся их корабль, но измятый и обоженный, и тела сестер были неузнаваемы.

Но и они перед смертью сделали несколько снимков. На снимках была изображена большая туманность – специалисты определили, что это туманность из созвездия Орион, видимая с Земли невооруженным глазом (американские индейцы называли ее «Курящая Звезда»). Сестры Шен должны были сразу понять, что у них неприятности, как только вышли из полета, потому что вокруг не было обычного космоса. Вокруг было то, что люди на Земле называют вакуумом, но все же в каждом кубическом сантиметре было не менее трехсот атомов, во много раз больше, чем должно быть в межзвездном пространстве.

Тем не менее сестры осмотрелись и начали снимать. Но снимали недолго. У них на это не было времени.

В туманности Орион есть четыре ярких молодых звезды, так называемая Трапеция. В такой туманности газовые облака собираются вместе, и из них рождаются звезды. Астрономы предположили, что хичи знали это и корабль хичи был направлен сюда, потому что астрономов хичи интересовали условия рождения звезд.

Но хичи запрограммировали корабль полмиллиона лет назад.

Многое произошло за эти полмиллиона лет. В туманности Орион появилось пятое тело, «почти» звезда. Она возникла после того, как хичи бросили последний взгляд на этот район. Новое тело было названо «объект Беклин – Негебауера»; он находился на начальной стадии реакции сжигания водо-

рода, которая шла меньше ста тысяч лет. И похоже, сестрам Шен не повезло: они появились чуть не в самой середине этого объекта.

Полет «Обнаженная черная дыра»

В экипаж входили Вильям Сакецу, Марианна Морзе, Хол М'Буна, Ричард Смит и Ирина Малатеста. Все были в полетах раньше – Малатеста пять раз, – но в тех полетах им не везло. Никто не заработал достаточно, чтобы оплатить счета Врат.

Поэтому для своего нового полета они выбрали бронированный пятиместник с хорошим прошлым. Предыдущий экипаж этого корабля заработал большую научную премию; он сумел подойти достаточно близко к новой в процессе взрыва, хотя не настолько близко, чтобы погибнуть. Члены экипажа получили свои семь с половиной миллионов долларов и, радостные, вернулись на Землю. Но перед отлетом дали своему кораблю имя. Они назвали его «Победа».

Когда Сакецу и остальные добрались до конца маршрута, они прежде всего принялись искать планету – или звезду, или артефакт хичи, или любой интересный объект, который мог бы служить целью маршрута.

Они были разочарованы. Ничего подобного не было видно. Конечно, видны были звезды. Но ближайшая – в восьми световых годах. По всем данным, они оказались в самом пу-

стом и скучном районе межзвездного пространства Галактики. Даже газовых облаков поблизости не было.

Они не сдавались. Это были опытные старатели. Целую неделю они проверяли любые возможности. Во-первых, они убедились, что не пропустили ближайшие звезды: при помощи интерферометров измерили диаметр некоторых самых ярких звезд; по спектру определили их типы; сопоставление этих данных дало им расстояние до звезды.

Их первое впечатление оказалось верным. Они вынырнули в очень пустом участке неба.

Виден был только один замечательный объект – Марианна употребила слово «великолепный» – шаровое скопление. В поперечнике нескольких сотен световых лет сплетались орбиты тысяч ярких звезд. Зрелище, несомненно, было великолепное. Оно доминировало на небе. И оказалось гораздо ближе к ним, чем любой другой подобный объект на памяти человечества. Но до него было не менее тысячи световых лет.

Это шаровое скопление вдохновило старателей. Оно, конечно, далеко от Сакецу и экипажа «Победы», но по стандартам земных астрономов – совсем рядом. Шаровые скопления находятся на краю Галактики. В тесных спиральных рукавах, как тот, в котором расположена Земля, их нет. Самое близкое в двадцати тысячах световых лет от Земли, а это – в двадцать раз ближе и, следовательно, согласно закону обратных квадратов, в четыреста раз ярче. Не очень круп-

ный экземпляр, какими бывают шаровые скопления, – самые большие из них включают миллионы звезд; это скопление было гораздо меньше. Но все равно достаточно велико, чтобы вызывать восхищение.

Но для инструментов «Победы» оно было недостаточно близко и велико, чтобы обнаружить что-то такое, чего не смогли обнаружить земные астрономы в обсерваториях с гораздо более мощными оптическими системами.

Поэтому почти не было шансов на то, что инструменты «Победы» смогут заработать своему экипажу приличную научную премию. Тем не менее инструменты сделали что могли. Экипаж упрямо заставил их работать. Они фотографировали скопление в красном свете, в синем свете, в ультрафиолетовом освещении и в нескольких полосах инфракрасного. Они измеряли радиоизлучение на тысячах частот, измеряли гамма-лучи и рентгеновские лучи. И вот, в один из периодов сна, когда только Хол М'Буна работал у инструментов, он увидел то, что принесло этому полету премию.

Крик его разбудил весь экипаж.

– Что-то пожирает скопление!

Марианна Морзе первой добралась до экранов, весь экипаж столпился за ней. Туманный круг скопления больше не был кругом. В его нижней кромке появилась дуга. Похоже на печенье, откушенное ребенком.

Прямо у них на глазах происходили изменения. Звезды скопления не исчезали. Они медленно раздвигались, словно

уступали кому-то путь.

– Боже мой, – прошептала Марианна. – Мы на орбите вокруг черной дыры.

Тут они проклинали потраченную неделю, потому что поняли, что это означает. Большие деньги! Черная дыра! Один из редчайших (и потому один из наиболее высоконаграждаемых научной премией) объектов в наблюдаемой вселенной – ведь черные дыры, в сущности, ненаблюдаемы.

Черная дыра совсем не «черная» в том смысле, в каком бывает черным смокинг или чернильная клякса на бумаге. Черная дыра гораздо чернее. Ни один человек не видел настоящей черноты, потому что чернота – это отсутствие всякого света. Ее невозможно увидеть. В ней нечего видеть. Самая черная краска отражает немного света – черная дыра ничего не отражает. Если вы попытаетесь осветить ее самым ярким светом во вселенной – сконцентрируете весь свет квазара в единый луч и направите на нее, – вы ничего не увидите. Гигантская гравитация черной дыры всосет весь свет, и тот не выйдет наружу. Не сможет.

Все дело в скорости убегания. Скорость убегания на Земле составляет семь миль в секунду; на нейтронной звезде – 120 000 миль в секунду. Но скорость убегания на черной дыре выше скорости света. Свет не «падает назад», как камень, брошенный со скоростью меньше скорости убегания, падает на Землю. Световые лучи загигают тяготением. Радиация просто вращается вокруг черной дыры, бесконечно кружит

по спирали, но никогда не освобождается.

А когда черная дыра проходит перед, скажем, шаровым скоплением, она не закрывает скопление. Она просто загигает вокруг себя его световые лучи.

Если экипаж «Победы» и потратил неделю, у него все равно оставалось припасов на пять дней, прежде чем пуститься в обратный путь к Вратам. И экипаж использовал их полностью. Они измеряли данные черной дыры, хотя и не видели ее. И когда вернулись назад, на Врата, обнаружилось, что один, всего один из их снимков оправдал все.

За снимки шарового скопления они получили премию в пятьсот тысяч долларов. Но один снимок, сделанный случайно, автоматически, показал, что происходит, когда черная дыра закрывает яркую звезду типа Б-4 в нескольких сотнях световых лет. Звезда не двигалась ни вверх, ни вниз. Случайно она прошла точно за черной дырой. Ее свет окружил дыру ореолом, и это дало возможность измерить размер дыры...

А потом, спустя много времени после их возвращения на Врата, исследовательская группа, изучавшая результаты, наградила их еще половиной миллиона, сообщив, что им невероятно повезло.

Марианна Морзе удивлялась: зачем хичи понадобился бронированный пятиместник, чтобы навещать это безвредное место. Ответ: оно не всегда безвредное.

Посещать большинство черных звезд небезопасно. Они

втягивают газы кольцами, эти газы все время ускоряются и производят сильную радиацию. Эта дыра тоже так поступала. Но она втянула все газы по соседству. Не осталось ничего, что могло бы впадать в нее, порождая смертоносную радиацию, которая способна поджарить экипаж даже в бронированном пятиместнике, если он хоть немного задержится... и экипажу «Победы», который этого не знал, неожиданно повезло. Корабль прибыл в район черной дыры после того, как она все вокруг сожрала, и потому члены экипажа вернулись живыми.

За первые двадцать лет существования Корпорация «Врата» выплатила свыше двухсот астрономических научных премий на общую сумму почти в миллиард долларов. Она платила за двойные звезды и за оболочки сверхновых, платила за первый образец любого типа звезд.

В каталоге есть девять типов звезд, и их легко запомнить по мнемонической строчке «Один Бритый Англичанин Финики Жевал Как Морковь»⁶, которая перечисляет весь диапазон от самых молодых до самых долгоживущих звезд. Звездные классы от А до тусклых маленьких холодных М не приносили никакой премии, если не было в данной звезде чего-то особо примечательного, потому что это самые обыч-

⁶ Английская строчка такова: Pretty Woman, Oh, Be A Fine Girl, Kiss Me. Как видно, здесь на два класса – Р и W – больше. Объяснение – в тексте. – *Примеч. пер.*

ные звезды. Огромное большинство звезд – тусклые, маленькие и холодные. Напротив, классы О и В означают горячие молодые звезды и всегда приносят премии, потому что они редки. Но Корпорация «Врата» обещала двойные премии за классы Р и W: Р – газовые облака, еще только конденсирующиеся в звезды; W – горящие пугающие звезды типа Вольф-Райе. Это новые звезды, часто гиганты, к ним опасно приближаться ближе чем на несколько миллиардов миль.

Старатели, которым повезло, получали научные премии. Получали их и те, кто оказывался возле известных объектов, во всяком случае, если они были там первыми. Вольфганг Аретов первым оказался вблизи системы Сириуса, и земные астрономы пришли в восторг. Звезды Сириус А и Б (Бесселевы спутники) интенсивно изучались столетиями, потому что главная звезда – самая яркая звезда земного неба. Данные Аретова подтвердили выводы астрономов: Сириус А – звезда с массой в 2,3 солнечной, Б – только одна солнечная масса, но это белый карлик с температурой поверхности выше двадцати тысяч градусов. Аретов получил полмиллиона за то, что дал астрономам знать, что они были правы. Позже Салли Киссендорф получила сто тысяч за первый хороший снимок крошечного (ну, три солнечных массы, конечно, не совсем крошечный; но рядом с огромной главной звездой он почти невидим) компаньона Зеты Возничего. Она получила бы больше, если бы компаньон в это время вспыхнул,

но, возможно, не стоило там оказываться в это время, потому что она бы просто не выжила. Снимок маленькой звезды Лебедь А принес Мэтту Полофски всего пятьдесят тысяч – звезды красные карлики малоинтересны. Даже близкие и хорошо известные. А Рейчел Моргенштерн с мужем и тремя взрослыми детьми заработали полмиллиона за снимки цефеиды Дельты. Цефеиды не редки, но Моргенштерны оказались рядом в тот момент, когда поверхностные слои звезды утрачивали прозрачность из-за сжатия.

Были также полеты, заканчивавшиеся в облаках Оорта.

Облака Оорта – это массы комет на далеких от звезды орбитах; в Солнечной системе Земли облако Оорта начинается на удалении в полсветового года от Солнца. В обычном облаке Оорта очень много комет. Триллионы. Их масса примерно равна общей массе планет, и почти каждая звезда имеет облако Оорта.

Казалось, они очаровывали хичи.

За первые двадцать лет действия Врат не менее восьмидесяти пяти полетов заканчивались в облаках Оорта и вернулись, чтобы сообщить об этом.

Для старателей это было большим разочарованием, потому что после десятого такого полета Корпорация перестала выплачивать за них премии. Поэтому старатели, вернувшись из облака Оорта, жаловались. Они не понимали, почему хичи так много полетов программировали в эти скучные облака.

Естественно, они и понятия не имели, насколько им на самом деле повезло, прежде чем не было установлено, что по поразительным причинам большинство кораблей, улетающих в облака Оорта, вообще не возвращались.

Те старатели, которые получили часть этого миллиарда долларов, были довольны. Но на самом деле это была мелочь. Корпорация «Врата» была создана для получения прибыли. По той же причине прилетали на астероид и старатели, а от снимков объектов, находящихся за миллионы миль, прибыли не получишь. Большие деньги приносили планеты, особенно посадка на них, – и нужно было привезти с собой то, из чего можно сделать деньги.

Ни у Корпорации «Врата», ни у отдельных старателей выбора не было. Получение прибыли – главное правило выживания, и не старатели и не Корпорация придумали эти правила. Правила исходят от природы самого мира.

Часть пятая. На родной планете

Гомо сапиенс возник на планете Земля, и эволюция постаралась, чтобы все его особенности подходили к условиям именно Земли, как ключ к замку. Три миллиарда лет дарвиновского отбора сделали это совпадение совершенным. И жизнь человека на Земле должна была бы стать раем.

Но не стала. Больше того, богатая Земля приближалась к банкротству. Она истратила свои богатства.

О, на Земле было множество миллионеров. Миллиардеров тоже: у этих людей денег было больше, чем они могли потратить, они могли нанимать сотни слуг, владеть целым округом в качестве заднего двора, платить за Полную Медицину, так что всю долгую жизнь в их распоряжении самые удивительные из чудес медицины, фармакологии и хирургической техники, которые делают их здоровыми, а их жизнь — долгой. Были сотни тысяч очень богатых и много миллионов зажиточных...

Но было еще десять миллиардов остальных.

Были люди, возделывавшие азиатские равнины и африканские саванны: они собирали урожай, когда выпадал дождь, и войны проходили далеко, и насекомые-паразиты пожирали всходы где-нибудь в другом месте; а когда собрать урожай не удавалось, они умирали. Были люди, жившие в трущобах больших городов (слово «гетто» перестало быть

метафорой), в барриос на окраинах мегаполисов Латинской Америки, в норах городов Востока. Эти люди работали, когда могли. Жили на милостыню, когда находили ее. Жили на самом дне пищевой цепочки – рис и бобы, ямс и ячмень; если были деньги, покупали одноклеточный протеин, который вырабатывали на основе нефти пищевые шахты, и каждый час каждого дня своей жизни они были голодны. А жизнь их была коротка. Бедняки не могли позволить себе лечение. Если повезет, они находили бесплатные клиники или дешевых врачей, чтобы получить таблетку или вырезать аппендикс. Но когда их органы изнашивались, перед ними возникала альтернатива. Либо жить без этого органа, либо умереть. Бедняки не могли позволить себе трансплантат. Им еще везло, если ночью их не подстерегали в темном переулке, чтобы превратить в трансплантаты для богачей. Этим занимались самые отчаянные.

Таким образом, на Земле было два вида человеческих существ. Если вам принадлежало несколько тысяч акций «Петрофуд» или «Хемуэй», у вас ни в чем не было недостатка, даже в здоровье, потому что вы могли позволить себе Полную Медицину. Но если нет...

Если нет акций, следовало иметь работу. Любую работу. Получить работу – это утопическая мечта миллиардов безработных, но для тех, у кого работа была, обычно она была трудной и скучной, калечила душу и отнимала здоровье. Многие работали на пищевых шахтах, они извлекали из зем-

ли топливо и выращивали в гидроуглеродном содержимом одноклеточные протеиновые водоросли. Но когда работаешь на пищевых шахтах, дышишь тем же гидроуглеродом – это все равно что жить в закрытом гараже, в котором непрерывно работают моторы, – в таком случае ты, вероятно, умрешь молодым. Работа на фабриках немного лучше, хотя самую сложную и безопасную работу по экономическим причинам обычно выполняли автоматы, потому что стоили дороже и их труднее заменить. Была даже возможность работать в домах. Но слуга в доме богача – это раб, по-рабски знакомый с роскошью и изобилием и по-рабски отчаявшийся получить это самому.

Но все же, у кого была хоть такая работа, считали себя счастливыми, потому что семейные фермы – это лишь способ несколько оттянуть голодную смерть, а в развитом мире уровень безработицы необычайно высок. Особенно в городах. Особенно среди молодежи. Поэтому если вы богаты или просто зажиточны, то во время перелета из Нью-Йорка в Париж или Пекин вы видите бедняков, только когда между полицейскими заграждениями проходите в отель или к ожидающему вас такси.

Вам не обязательно так поступать. Полицейские заграждения односторонни. Если вы решите пройти через них, вас пропустят. Седой пожилой коп может попробовать убедить вас, что это не очень хорошая мысль, если он благодушно настроен. Но если вы будете настаивать, вас не остановят.

И тогда вы предоставлены сами себе. Это означает, что вы немедленно оказываетесь в шумном, дурно пахнущем грязном зоопарке без решеток, вас поглощает толпа орущих торговцев, вам предлагают наркотики, пластиковые изображения Великой стены, Эйфелевой башни или Нью-Йоркского купола, самодельные безделушки, колдовские снадобья, услуги проводников, купоны в ночные клубы и – очень часто – самих себя. Первая такая встреча для члена привилегированного класса – очень страшное испытание. Впрочем, не обязательно опасное. Полиция все же не позволит, чтобы вас убили или ограбили – пока вы на виду.

Очень часто бедняки не повредят вам, даже если уговорят отойти от полицейских кордонов, особенно если вы пообещаете им возможность заработать. Но это не гарантировано. Большинство бедняков просто в отчаянном положении.

Конечно, для богатых мир выглядит совсем по-иному. Так было всегда. Богатые проживали долгие здоровые жизни; когда их органы изнашивались, их заменяли трансплантаты. Они жили в благоприятном климате под куполами больших городов, если хотели, или плавали по теплым и еще не загрязненным южным морям, или даже путешествовали из чистого любопытства в космосе. Когда случались войны (а они случались часто, особенно маленькие, хотя бывали, конечно, и крупные), богатые переживали где-нибудь, пока война не кончится. Они считали это своим долгом. В конце концов,

ведь они платят налоги — когда не могут от этого уклониться, конечно.

Главная беда богатых заключалась в том, что не все бедняки соглашались на бедность. Многие пытались улучшить свое положение, и часто с помощью насилия.

В Америке процветающей отраслью снова стали похищения. А также вымогательство. Когда требовали деньги, приходилось платить, иначе кто-нибудь из укрытия прострелит вам колено (или сожжет ваш дом, или подложит бомбу в ваш фланер, или отравит вашу любимую собаку). Мало кто из платежеспособных теперь отправлял детей в школу без охраны. Это дало полезный побочный эффект. Помогло отчасти разрядить ситуацию с безработицей, так как несколько миллионов вымогателей переоделись в формы и начали получать деньги за защиту своих нанимателей от вымогательства.

И конечно, существовал политический терроризм. Он расцвел на той же почве, что и похищения и вымогательство. Среди апатичного большинства безземельных и голодных всегда находились немногие, которые объединялись, чтобы отомстить имущим от имени неимущих. Захватывались заложники, правительственных чиновников расстреливали из засад, в небе взрывались самолеты, отравлялись резервуары, заражались запасы пищи... о, террористы изобрели тысячи хитроумных способов, и все они опустошительные — по крайней мере, для тех, кому было что терять.

Тем не менее, несмотря на все страхи и неудобства, иму-

щие сохраняли жизнь. У большинства остальных и на это не было надежды.

И вот в жизнь этой кипящей перенаселенной планеты вошли Врата.

Для более чем десяти миллиардов жителей истощенной Земли Врата оказались неожиданной надеждой на рай. Подобно золотоискателям 49-го года, подобно голодным ирландцам, сядившимся от картофельного голода на эмигрантские корабли, подобно фермерам, пионерам американского Запада, подобно всем эмигрантам в истории человечества, голодные миллиарды готовы были идти на любой риск – ради богатства, если его можно получить, или просто ради шанса накормить и одеть своих детей.

А богатые поняли, что появилась возможность стать еще богаче. Вначале возникли серьезные проблемы. Правительства, запуская ракеты к другим планетам и позже поддерживавшие операции Врат, считали, что именно им принадлежат все открытия, сделанные на Вратах. Богачи, которым принадлежали правительства, были с этим не согласны.

Начались продажи, покупки, мошенничества (и убийства, поскольку ставки были очень велики). Пришлось заключать компромисс. Заключили договоры; и вот из стремлений всех, кто рвался к неограниченным богатствам, которые обещала Галактика, возникло новое изобретение – Корпорация «Врата».

Принесли ли Врата пользу беднякам Земли?

Вначале не очень большую. Они дали каждому немного надежды – надежды выиграть в лотерею, хотя мало кто мог позволить себе даже купить билет лотереи. Но прошло немало времени, прежде чем каждый крестьянин или житель трущоб стал хоть на пенни богаче, получил хоть немного дополнительной еды благодаря тому, что оставили хичи.

В сущности, известие о том, что имеются богатые незаселенные планеты, оказалось для кишущих миллиардов Земли скорее мучительным, чем полезным. Пригодные для жизни планеты были слишком далеко. Их можно было достичь только в полете со скоростью выше световой. И хотя люди усовершенствовали кое в чем космическую технику хичи (например, использовали петли Лофстрома, чтобы попасть на орбиту, и тем щадили окислявшиеся озера и озоновый слой), ни у кого не было ни малейшего представления, как построить корабль хичи. А кораблей на Вратах было мало, и они были слишком малы, чтобы перенести заметную часть населения к новым планетам.

И вот немногие старатели становились богатыми, если не становились мертвыми. Некоторое количество богачей быстро увеличивали состояния еще больше. Но большинство нищих оставалось на Земле. И в таких городах, как Калькутта, с ее двумястами миллионами жителей, на фермах и пастбищах Африки и Востока голод оставался фактом жизни, а

терроризм и нищета все усиливались.

Часть шестая. Другие миры

Как всегда говорят нам учителя, самое длинное путешествие начинается с первого шага. Первый шаг с астероида Врата – первый исследовательский полет человека в корабле хичи – не планировался, не был разрешен и, конечно, не был благоразумен.

Человека, который сделал этот шаг в неизвестное, звали старший лейтенант Эрнест Т. Каплан. Он был офицером крейсера космических сил США «Роанок». Каплан не был ученым. Настолько не был, что получил строжайший приказ не притрагиваться ни к чему на астероиде Врата. Оказался же он на астероиде потому, что его назначили охранять, не позволять никому притрагиваться, пока не явятся ученые с Земли и не выяснят, что здесь такое.

Но Каплан был очень любопытен и, что еще важнее, имел доступ к кораблям. И однажды, когда ему нечего было делать, он забрался в корабль, в котором случайно оказались запасы пищи, воздуха и воды, просто на случай, если кто-то захлопнет люк и останется внутри. Каплан некоторое время думал о старом Сильвестре Маклине. Из любопытства он принялся открывать и закрывать разные ящички. Потом немного поиграл с сучковатыми колесами, глядя, как меняются цвета.

А потом сжал у основания странно выглядящий предмет.

Позже более опытные пилоты называли его «стартовым выменем». Нажав его, старший лейтенант Каплан стал вторым человеком, полетевшим в космическом корабле хичи. Он исчез.

Девяносто семь дней спустя он вернулся на астероид Врата.

Чудо, что он смог вернуться; еще большее чудо, что он остался жив. Запасы корабля были рассчитаны на несколько дней, не на месяцы. Для питья он вынужден был собирать конденсацию собственного пота и дыхания, каплями оседавшую на стенах. Последние пять недель он вообще ничего не ел. Он был тощ, грязен и почти выжил из ума...

Но он побывал там. Его корабль вышел на орбиту вокруг планеты маленькой красной звезды; планета получала так мало света, что казалась серой, с клубящимися желтыми облаками – немного похоже на то, как выглядели бы Юпитер, Сатурн или Уран, если бы находились от Солнца так далеко, как сумеречный Плутон.

Первой реакцией правительства Соединенных Штатов было отдать его под суд военного трибунала. Он явно этого заслужил. Он даже ожидал этого.

Но прежде чем суд успел собраться, средства массовой информации разнесли новость, что парламент Бразилии в целях поддержки исследований Галактики присудил Каплану премию в миллион долларов. Тут же Советы не только сделали Каплана своим почетным гражданином, но и при-

гласили в Москву для получения ордена Ленина. Дамба была прорвана. Все телевизионные экраны были полны им, все государства приглашали его в гости.

Невозможно предать суду героя.

И вот президент США произвел лейтенанта Каплана в полковники, а потом в генералы тем же приказом, который навсегда привязал полковника (генерала) Каплана к Земле. Потом президент пригласил все космические государства на конференцию для совместного решения проблемы.

В результате появилась Корпорация «Врата».

Полковник Каплан, как и все до него, не заметил одного очень существенного обстоятельства: что каждый корабль хичи, по существу, представлял собой два корабля. Часть первая – межзвездный корабль, летящий со скоростью быстрее света к запрограммированной цели. Часть вторая – небольшой и гораздо более простой посадочный аппарат, который находится у основания космического корабля.

Сами космические корабли, с их невоспроизводимым двигателем для полета быстрее света, оказались за пределами понимания земных ученых. Прошло очень много времени, прежде чем люди поняли, как они работают. Те, кто особенно старался понять это, обычно погибали, потому что двигатели корабля взрывались. Посадочные аппараты оказались гораздо проще. В основном это были обычные ракеты. Правда, курсоуказатель был сделан тоже хичи, но им управ-

лать было еще проще, чем космическим кораблем. Старатели вполне успешно пользовались аппаратами, хотя и не знали, как они работают, точно так же, как любой семнадцатилетний подросток может вести машину, нисколько не разбираясь в ее устройстве.

Итак, когда старатель Врат после полета быстрее света оказывался в окрестностях привлекательной планеты, он мог использовать посадочный аппарат для той цели, для которой он и был создан: спуститься на поверхность планеты и посмотреть, что она может предложить.

Именно для этого и существовали Врата.

Именно на планетах можно было отыскать бесценные предметы, которые старатели могли привезти с собой и превратить в состояние – и, естественно, увеличить состояние Корпорации.

Легко описать тип планеты, который они разыскивали. Они искали другую Землю. Или что-то похожее на Землю, способное поддерживать органическую жизнь, потому что неорганические процессы редко производят что-нибудь настолько ценное, чтобы его стоило привозить домой.

Самыми разочаровывающими планетами оказались самые близкие. Когда хичи явились в Солнечную систему, они тщательно осмотрели ее, и некоторые их корабли отразили это. В них были закодированы многие места Солнечной системы, которые люди могли бы посетить и сами, если бы за-

хотели. В некоторых таких местах люди уже побывали в своих примитивных ракетах. Это Венера, Луна, южная полярная шапка Марса. Некоторые не стоили беспокойства, как спутник Сатурна Диона.

Старателям нужна была более крупная добыча. Им нужны были планеты, которые не видел еще ни один человек. И они обнаружили их в ошеломляющем количестве.

Планеты, до которых они добрались на «Волшебном Автобусе», оказались самых разных форм и размеров. Они существовали в двух основных разновидностях. Камни на орбите (как Земля; прочные и пригодные для высадки) и несостоявшиеся звезды (как Юпитер; газовые гиганты, которые чуть-чуть малы, чтобы началась цепная ядерная реакция синтеза в их центре и превратила бы их в звезду). Конечно, ни один старатель с Врат не высаживался на газовую планету. Там не на чем высаживаться (жаль, потому что некоторые из них оказались очень интересными... но это совсем другая история).

Именно летающие камни исследовались так тщательно, как только могли это сделать несколько тысяч испуганных и торопящихся человеческих существ. Твердых планет оказалось много. К несчастью, на большинстве из них не было жизни. Они располагались слишком далеко от своего солнца и потому были вечно замерзшими; или, напротив, слишком близко, так что напоминали выжженную планету Меркурий. Многие имели слишком разреженную атмосферу (или

не имели ее вовсе), как Марс (или Луна). У некоторых были собственные спутники, как Луна у Земли. Некоторые цели полетов оказывались спутниками, но большими, достаточно большими, чтобы сохранить атмосферу и позволить высадку.

В нашей Галактике свыше двухсот миллиардов звезд, и огромное количество их обладает планетами того или иного типа. Даже корабли хичи не могли иметь программы посещения всех планет. В сущности, вряд ли даже одна планета из сотни тысяч становилась целью полета. Но все равно для посещений старателей Врат оставалось еще очень много, гораздо больше, чем смогли навестить несколько тысяч человек за несколько десятилетий.

Итак, первое открытие, сделанное старателями, – планет слишком много. Астрономы были рады узнать об этом, потому что это их всегда интересовало, и Корпорации за это открытие не пришлось даже платить премию. Нужно было просто суммировать все находки вернувшихся исследователей. Выяснилось, что двойные звезды, как правило, планет не имеют. Одиночные звезды, с другой стороны, как правило, имеют. Астрономы считали, что это имеет какое-то отношение к накапливанию момента вращения. Когда из одного облака газа конденсируется чета звезд, они взаимно поглощают энергию вращения. Холостяки вынуждены распределять ее среди своих меньших спутников.

Не нашлось ни одной планеты, абсолютно земноподоб-

ной.

Существовало множество тестов для проверки этого, которые можно было применять на большом расстоянии. Например, измерение температуры. Органическая жизнь возможна лишь там, где вода существует в виде жидкости, а это создает узкую стоградусную полосу между 270 и 370 градусами Кельвина. При более низких температурах вода замерзает. При более высоких ее обычно вообще нет, потому что она испаряется, а солнечный свет – свет ближайшей звезды – откалывает от молекулы воды водород, и он рассеивается в космическом пространстве.

Это означает, что у каждой звезды есть узкая зона планетных орбит, которые достойны исследования. Планетам все равно, смогут ли они иметь жизнь; когда они конденсируются из газового облака, большинство располагается либо ближе этой зоны жизни, либо дальше, в пространстве за ней.

* * *

Почти вся чуждая жизнь основана, как и земная, на химизме атомов углерода. Углерод лучше всех образует длинные молекулы-цепочки, и, к счастью, его так много, что он один из самых распространенных элементов во вселенной. В большинстве случаев у чуждой жизни есть и нечто подобное ДНК. Дело не в панспермии, а в том, что система типа ДНК дает наиболее дешевый и эффективный способ организмам

для самовоспроизводства.

Итак, жизнь почти везде следует общим основным правилам. Вероятно, это потому, что начинается она всегда почти одинаково. Существует общий график возникновения жизни. Первый шаг – чисто химический: неорганические соединения вынуждены реагировать друг с другом под воздействием какого-то внешнего источника энергии – обычно это свет ближайшей звезды. Затем появляются примитивные одноклеточные организмы. Это всего лишь фабрики, которые перерабатывают сырье из неорганического супа, окружающего их. Они тоже используют энергию солнца (или какую-нибудь другую), и это все, что они делают для жизни. Поскольку они пользуются фотосинтезом, их можно назвать растениями.

Затем эти примитивные «растения» сами становятся богатым источником пригодных к усвоению соединений. Поскольку они сосредоточили наиболее аппетитные неорганические соединения в обработанной форме, лишь вопрос времени, когда некоторые из них выработают себе новую диету. Они перестают питаться материалами из окружающей среды и начинают поедать подобных себе, но более слабых, более примитивных родичей. Назовем эту новую группу существ животными. Первые животные обычно не очень велики. Они состоят из рта на одном конце и ануса на другом, а между – какая-то перерабатывающая система. Но это все, что необходимо им, чтобы питаться соседями.

Потом появляются более сложные существа.

Начинается эволюция. Выживают самые приспособленные, как почти точно изобразил Чарлз Дарвин, наблюдая за выюрками на борту «Бигла». Растения продолжают создавать аппетитные химикалии, чтобы ими пировали животные, животные поедают растения и друг друга – но некоторые растения вырабатывают особенности, которые причиняют неприятности хищникам, и тогда такие растения выживают; а некоторые животные учатся обходить эту защиту. Поздние поколения животных вырабатывают чувства, которые позволяют легче и быстрее находить добычу, и мышцы, чтобы хватать ее, и исключительно сложную систему поведения (как плетение паутины пауком или складывание добычи большой кошкой), и это делает их охоту все более и более успешной. (Потом, разумеется, растения, или травоядные, или более слабые хищники начинают создавать собственный защитный механизм: яд в листве кустарника, иглы дикобраза, легкие ноги газели.) Это соревнование становится все напряженнее – пока наконец некоторые животные не становятся «разумными». Но для этого требуется очень много времени... а старателям с Врат потребовалось очень много времени, чтобы отыскать их.

На многочисленных планетах, которые исследовали хищники – и которые спустя сотни тысяч лет посетили старатели Врат, – все эти основные варианты эволюции жизни проигрывались тысячи раз в тысячах разновидностей. Эти раз-

новидности иногда бывали совершенно удивительными. Например, земные растения имеют одну бросающуюся в глаза общую особенность: они не передвигаются. Но нет никакой причины для того, чтобы эта особенность была универсальной, и она ею не является. Старатели Врат обнаружили кусты, которые перекатываются с места на место, вонзают корни с одной стороны и вытаскивают с другой, как медленно движущееся перекаати-поле в поисках более богатой почвы, воды и солнечного света. Земные животные обычно не используют фотосинтез. Но в морях других планет есть существа, похожие на медуз, которые днем плавают на поверхности и создают собственный гидроуглерод из солнца и воздуха, а ночью погружаются и поедают водоросли. Земные кораллы остаются на одном месте. Старатели нашли во вселенной существ, очень похожих на земные кораллы. Вблизи берега они разлетаются, чтобы есть и спариваться, а потом возвращаются в море и образуют коллективные крепости при приближении крупных морских хищников.

Большинство этих существ для старателей оказались бесполезны, ведь старателям нужны деньги. Но некоторые ими заинтересовались. Неплохо найти новый организм, который чего-то стоит и который легко перевезти. Не нужно тащить на Врата тонны материалов. Нужно доставить несколько пар животных или растений и размножить их на Земле, так как живые организмы готовы размножаться где угодно.

Зоопарки Земли начали расширяться, как и аквариумы и

магазины домашних животных. Каждая фешенебельная семья стремилась иметь экзотические растения у себя на окне или какого-нибудь пушистого зверька с планеты далекого солнца.

Но прежде чем начинать торговать домашними животными, старателям предстояло их найти. А это было нелегко. Даже если жизнь явно возможна, она иногда бывает, а иногда нет. Проверить это можно путем поиска химических подписей в атмосфере. (О да, пригодная для жизни планета должна обладать атмосферой, но это нельзя считать серьезным ограничением: большинство планет в зоне жизни обладают атмосферой.) Если в атмосфере имеются способные вступать в реакцию газы например есть свободный кислород и определенные количества углерода и железа для реакции, – значит, можно считать, что существует источник постоянного пополнения этих гадов. Таким источником бывает жизнь.

(Позже старатели обнаружили исключения из этого простого правила... но не очень много.)

Первая же планета, на которой была обнаружена жизнь, с орбиты выглядела прекрасно. У нее было все: голубое небо, синее море, белые облака и множество кислорода. Это означало, что его создают антиэнтропические (живые) организмы.

Старатели Анатолий и Себра Мирски и их партнер Леон Тилден возбужденно хлопали друг друга по спинам, готовясь

к высадке. Это был их первый полет, и они сразу нашли сокровище.

Естественно, они отпраздновали это событие. Открыли единственную бутылку вина, которую прихватили с собой. Церемониально отметили свое открытие в корабельном журнале, подчеркнув его хлопком пробки. Планету они называли Новая Земля.

Все шло хорошо. Им даже показалось, что они могут установить, в каком месте Галактики находятся (обычно ранние старатели этого не знали, ведь в Галактике не расставлены дорожные указатели). Но они заметили Магеллановы Облака в одном направлении и туманность Андромеды в другом, а в третьем направлении было яркое скопление, которое показалось им Плеядами.

Но празднование оказалось чуть преждевременным. Им не пришло в голову, что одного цвета, который на Земле бросается в глаза из космоса, здесь нет. Не было зелени.

Когда Себра Мирски и Леон Тилден вышли из посадочного аппарата, они увидели голые скалы. Ничто не росло на поверхности. Ничто не двигалось. Ничто не летало в небе. Не было цветущих растений. Вообще не было растений. И не было почвы, на которой они могли бы расти. На этой планете почва еще не появилась.

Дополнительным разочарованием было то, что кислорода оказалось мало. Достаточно, чтобы определить с орбиты его наличие, но недостаточно, чтобы дышать. И хоть на Новой

Земле нашлась жизнь, ее было совсем немного. Живые организмы нашлись в мелких прибрежных водах, и лишь первые смельчаки решались осваивать берег. В основном это были простые доклеточные и одноклеточные обитатели илистых морей, с немногими чахлыми растениями типа мхов, выбравшимися из литорали.

Беда Новой Земли была в том, что она слишком новая. Требовался еще примерно миллиард лет, чтобы она стала действительно интересной – и чтобы Тилден, Мирски и Корпорация «Врата» что-то заработали на своем любопытстве к ней.

Планеты легче всего давали возможность заработать, но на них же легче всего было погибнуть. Пока старатель оставался в корабле, он был относительно защищен от опасностей звездных путешествий. Лишь когда он высаживался, он оказывался в неизвестном – и часто опасном – окружении.

Например, был

Полет «Красивый Яд»

Пятидесятилетний венесуэлец по имени Хуан Мендоза Сантамария первым из старателей Врат обнаружил действительно привлекательную на вид планету. Ему потребовалось сорок три дня, чтобы добраться до нее, он был один в одноместном корабле. Срок полета нормальный. Ему не грозило остаться без воздуха, воды или пищи. Беспокоило его лишь

то, что он остался без денег. Мендоза потратил последнее на прощальную пирушку, перед тем как покинуть астероид. Если он вернется с пустыми руками, его ждет на Вратах мрачное будущее. Поэтому он перекрестился и прочел благодарственную молитву, когда ступил из посадочного аппарата на чуждую почву.

Он был благодарен, но не глуп. Поэтому он был также осторожен. Мендоза хорошо знал, что, если что-нибудь будет не так, его ждут серьезные неприятности. На протяжении многих световых лет нет никого, кто бы помог ему, вообще нет никого, кто знает, где он. Поэтому на поверхности планеты он не снимал скафандра, и это спасло Хуана Мендозу.

Планета совсем не выглядела опасной. Оранжевые растения странной формы, далекие деревья (или просто очень высокая трава?) – все это выглядело безвредным, а опасных крупных животных явно не было. С другой стороны, не было видно и ничего прибыльного. Никаких признаков цивилизации – ни больших покинутых городов, ни дружелюбно настроенных разумных существ, ни артефактов хичи, ждущих, когда их подберут. Не было даже никаких металлических структур, искусственных или естественных, достаточно больших, чтобы их засекли приборы с орбиты. Но, уверял себя Мендоза, сам факт, что здесь вообще есть жизнь, достоин хоть какой-то научной премии. Он отметил наличие и «растительной», и «животной» жизни – во всяком случае, некоторые существа двигались, а некоторые были прочно за-

креплены в почве.

Он взял несколько образцов растений, хотя они были довольно неказисты на вид. Он с трудом добрался до «деревьев» и обнаружил, что у них мягкое, как у грибов, тело. Не было ни больших папоротников, ни подлинной травы, но большую часть почвы покрывало нечто вроде пушистого мха, и в нем бегали какие-то существа. Все не очень крупные. Самое крупное, размером с ладонь, было названо Мендозой артроподом. Маленькие существа передвигались стаями, кормились еще более мелкими насекомоподобными существами, их покрывала густая «шерсть» из стеклянистых белых спикул – остроконечных игл; вообще они походили на стада крохотных овец. Мендоза почти с чувством вины поймал несколько таких малышей, убил их и вместе с образцами мелких насекомых, которыми они питались, поместил в контейнеры, которые отвезет на Врата.

Больше прихватывать было нечего. Единственное, чего у планеты было в изобилии, так это красота. Очень много красоты.

Планета располагалась очень близко – Мендоза оценивал расстояние в тридцать-сорок световых лет – к активному яркому газовому облаку, которое могло быть туманностью Ориона (это не так, но, как и туманность Ориона, это облако оказалось колыбелью ярких молодых звезд). Мендоза приземлился как раз в удобное время года и смог оценить красоту туманности: когда солнце планеты ушло за горизонт, с

противоположной стороны взошла туманность. Она заняла почти все ночное небо, как светящийся ковер цвета морской волны, вышитый бриллиантами, окаймленный царственной темно-бордовой каймой. «Бриллианты» – самые заметные звезды в туманности – яркостью превышали Венеру и Юпитер, как они видны с Земли. Они были точечными источниками света и не имели дисков. Смотреть на них было больно для глаз.

Эта красота поразила Мендозу. Он был не очень красноречивым человеком. Вернувшись и составляя отчет, он постоянно называл планету «красивое место», и так она и попала в атласы Врат – Красивое Место.

Мендоза получил свое: двухмиллионную премию за находку планеты и обещание дополнительных доходов от того, что последующие полеты найдут на Красивом Месте. Это могло выразиться в серьезной сумме. Согласно правилам Врат, если бы планета могла быть колонизированной, Мендоза получал бы с нее доходы до конца жизни.

Почти сразу же два пятиместника повторили его установку курса и проделали такой же полет.

Вот тогда название планеты изменили. Ее называли Красивый Яд.

Последующие группы не были так осторожны, как Мендоза. Они не ходили в космических костюмах. И у них не было естественной защиты, какая выработалась у фауны Красивого Яда. Местная жизнь готова была к встрече с опасно-

стью: силиконовые иголки не были украшением. Они были броней.

Жаль, что Мендоза не завершил свои радиационные измерения, потому что яркие молодые звезды в туманности излучали не только видимый свет. Они оказались мощными источниками ионизирующей радиации и жесткого ультрафиолетового излучения. Четверо из десяти исследователей спустились на поверхность, и у всех образовались вначале сильные ожоги, а потом и нечто похуже. Ко времени возвращения на Врата всем им нужна была полная замена крови, а двое из них, несмотря на такую замену, умерли.

Хорошо, что Мендоза оказался благоразумным человеком. Он не потратил свои два миллиона на дикую попойку в ожидании доходов, которые принесет ему колонизация планеты. На планете не могли жить люди. И поэтому доходы так и не поступили.

Полет «Пожар»

Из почти тысячи кораблей хичи, найденных на Вратах, только несколько десятков оказались бронированными, и почти все они были пятиместными. Бронированных трехместников было совсем немного, и когда Фелисия Монсанта, Крег Бегущий Олень и Дэниел Перси пускались в путь, они знали, что их полет может оказаться опасным; курсовая установка могла привести их в поистине отвратительное ме-

сто.

Однако когда они вышли из полета быстрее света и осмотрелись, они на мгновение испытали восторг. Звезда, рядом с которой они появились, была очень похожа на Солнце, Ж-2 того же размера, что Солнце; корабль находился на орбите вокруг планеты в зоне жизни, и детекторы засекли металлы хичи в больших количествах!

Самая большая концентрация металла содержалась не на планете. На астероиде с орбитой, выходящей за пределы эклиптики, – точно как Врата. Это должен был быть еще один покинутый парк кораблей хичи! И когда они подлетели к астероиду, то убедились, что их догадка верна...

Но они увидели также, что астероид пуст. Кораблей не было. Не было никаких артефактов. Астероид, подобно Вратам, изрыт туннелями, но все туннели пусты. Больше того, сам астероид был в очень плохом состоянии, он словно был гораздо старше и больше испытал, чем Врата.

Загадка разрешилась, когда двое из экипажа, используя последние ресурсы, высадились на поверхность планеты.

Когда-то на планете была жизнь. Она сохранилась и сейчас, но скудная, – небольшое количество живых существ только в морях, водоросли и донные беспозвоночные, больше ничего. В какое-то время в прошлом планета была сожжена и опустошена... и преступник был хорошо виден.

В шести с половиной световых годах от планеты была обнаружена нейтронная звезда. Подобно большинству ней-

тронных звезд, это был пульсар. Корабль находился не на оси его излучения, и потому по излучению пульсар не мог быть обнаружен. Но он одновременно был радиоисточником, и инструменты корабля его засекли и показали, что это остатки сверхновой.

Остальную часть истории экипажу после возвращения рассказали специалисты Врат. Эту систему посетили хичи, но их отпугнуло дурное соседство. Когда хичи улетели – вероятно, они знали, что последует, – сверхновая взорвалась. Планета была обожжена. Ее атмосфера была сорвана, моря почти полностью выкипели. Когда адская жара спала, кора планеты родила новую атмосферу, сконденсировались остатки водных паров, и на планету обрушился невероятный поток дождя, снося горы, прорывая долины, не оставляя ничего на своем пути... и все это произошло несколько сотен тысяч лет назад.

Монсанто, Бегущий Волк и Перси получили научную премию за свой полет – небольшую, сто шестьдесят тысяч долларов, и разделили ее на троих.

По стандартам Врат это несерьезные деньги. Достаточно, чтобы оплатить счета Врат в течение нескольких недель. Все трое сразу же отправились в новый полет, из которого не вернулись.

Вероятно, старатели Врат должны были знать, что гостеприимные земноподобные планеты гораздо реже опасных и

злых. Это ясно показывала их собственная Солнечная система. Многому должны были научить их годы проекта Озма, когда пытались уловить радиосигналы из космоса.

Оказалось, что существует множество разновидностей враждебного окружения. Например, Эта Карина Семь. Планета подходящего размера, с воздухом и даже с водой – когда она не замерзала. Но у Эты Карины Семь высокоэксцентричная орбита. Планета вся была покрыта льдом, хотя еще находилась на пути к своему ужасному афелию, и на ней бушевали страшные бури. Один посадочный аппарат вообще не вернулся. Три других были повреждены или потеряли по крайней мере по одному члену экипажа.

Мендоза был не единственным, кто находил планеты, красивые внешне, но ядовитые. Одна приятно выглядящая планета вся поросла растительностью, но эта растительность оказалась ядовитой. Она была гораздо ядовитее самых опасных земных растений. Малейшее прикосновение вызывало ожоги, страшную боль и потерю дыхания. Все члены экипажа, высадившиеся на планету, погибли от аллергической реакции, и только единственный оставшийся на орбите уцелел и смог вернуться на Врата.

Но иногда – о, очень редко – встречались и хорошие планеты.

Самым счастливым в первые десятилетия действия Врат оказался полет Маргарет Бриш, которую обычно звали Пегги.

Пегги Бриш вылетела в одноместнике. Она нашла поистине вторую Землю. В некоторых отношениях планета была даже лучше Земли. Не было здесь ядовитых растений, убивавших прикосновением, не было поблизости звезд со смертоносной радиацией, не было даже опасных крупных животных.

Только одно было худо с планетой Пегги. Она была бы идеальным местом для разбухшего населения Земли, если бы не была расположена в девяноста световых годах от нее.

Добраться до нее можно было только в кораблях хичи. А самые большие корабли хичи могли взять только пять человек.

Колонизации планеты Пегги придется подождать.

В целом старатели Врат нашли свыше двухсот планет с жизнью. Таксономисты сходили с ума от счастья. Поколения ученых получили материал для диссертаций; предстояла трудная работа подыскать названия для тридцати или сорока миллионов новых видов, найденных старателями.

Конечно, такого количества названий не нашлось. Обычно обходились классификационным номером и описанием. Не было надежды установить роды и даже семейства, хотя все описания ввели в базы данных и компьютеры тратили много времени, стараясь установить связи. Лучшим описанием было генетическое: ДНК или нечто подобное оказалось, по существу, универсальным. Далее следовало морфо-

логическое описание. Большинство живых существ на Земле обладают такими общими архитектурными чертами, как стержень (незаменимый для ветвей и костей) и цилиндр (внутренние органы, торс и так далее), потому что они лучше всего подходят для поддержания и переноса тяжести тела. По той же самой причине так же устроено большинство живых существ в Галактике. Но не всегда. Экипаж Арканджело Пельери обнаружил безмолвный мир, полный мягкотелых существ, не выработавших ни хитина, ни костей. Они были немые, как земляные черви или медузы. Опал Гудвалладер высадился на планете, где, как решили ученые, повторяющиеся катастрофы уничтожали всю наземную жизнь. Главным обитателем планеты, подобным земным ластоногим или китообразным, был прежний житель суши, вернувшийся в море, и все остальное было с этим связано. Как будто выюрки Дарвина колонизировали целую планету.

И так далее и тому подобное, пока исследователи не начали думать, что нашли все возможные варианты жизни, основанной на кислороде и воде.

Может, и нашли.

Но потом были обнаружены лежебоки – те самые существа, которых хичи называли медленными пловцами, и тогда пришлось по-иному взглянуть на флору и фауну газовых гигантов, прежде считавшихся непригодными для жизни.

Ученые ошибались, считая, что для развития жизни нужна твердая планета. Для них это было шоком... не таким

сильным, как позже, когда они установили, что жизнь вообще не нуждается в химизме.

Часть седьмая. Сокровища хичи

Планеты – это хорошо, и снимки звезд – хорошо, но все хотели найти образцы технологии хичи. Не было никаких сомнений в том, что они существуют – где-то. Корабли это доказали. А еще раньше доказали те небольшие находки, что были сделаны в туннелях Венеры. Но они лишь распалили человеческий аппетит к новым чудесам.

Через четырнадцать месяцев после официального начала программы один полет оказался счастливым.

Корабль был пятиместным, но тогда процедуры еще не стандартизировались. И поэтому на корабле отправились четверо добровольцев. Их официально отобрали четыре государства, организовавшие Корпорацию «Врата» (марсиане приняли участие позже). Таким образом, на корабле полетели американец, китаец, русский и бразилец. Они многому научились на примере полковника Каплана и других летавших до них. Они захватили с собой достаточно пищи, воды и кислорода, которых хватило бы на шесть месяцев; на этот раз решили не рисковать.

Как оказалось, все эти припасы им не понадобились. Корабль принес их обратно через сорок девять дней, и вернулись они не с пустыми руками.

Целью их оказалась орбита вокруг земноподобной планеты. Они сумели спустить посадочный аппарат, и трое из них

на самом деле ступили на почву чужой планеты.

Впервые в истории человек ступил на небесное тело, которое не являлось частью Солнечной системы.

Первое впечатление слегка разочаровывало. Группа быстро установила, что планета в прошлом пережила тяжелые времена. Поверхность ее была обожжена словно высокой температурой, а местами начинал отчаянно пищать детектор радиации. Астронавты поняли, что не могут тут долго оставаться. Примерно в миле от места посадки аппарата – они сели на плоской вершине столовой горы, – на склоне они обнаружили остатки какого-то сооружения из камня и металла, похожего на искусственное; порывшись в том месте, они нашли три предмета, которые решили прихватить с собой. Один – треугольная пластинка, на оплавленной поверхности которой еще виднелся рисунок. Другой – керамический объект размером с сигару, с кольцевой нарезкой – болт? Третий – металлический цилиндр длиной в ярд, сделанный из хрома и прорезанный несколькими отверстиями; это мог быть музыкальный инструмент или часть машины.

Как бы то ни было, это были артефакты.

Когда группа представителей четырех держав гордо продемонстрировала свои находки на Вратах, они вызвали большое возбуждение. Ни один из трех предметов не выглядел значительным технологическим прорывом. Тем не менее, если можно найти такие вещи, несомненно, есть и другие – и гораздо более полезные практически.

Именно тогда началась межзвездная золотая лихорадка.

Прошло много времени, прежде чем кому-то повезло снова. Общая статистика полетов с Врат свидетельствовала, что четыре из пяти возвращаются без результатов, если не считать снимков и данных приборов. Пятнадцать процентов вообще не возвращаются. Лишь один корабль из двадцати привозил некоторые свидетельства технологии хичи, и в основном это были только любопытные мелочи – но то небольшое, что выходило за пределы любопытных мелочей, оказалось бесценным сокровищем.

Конечно, таких находок было мало, и происходили они редко. Но эксплуатация Венеры показала, что это выгодно: в сотнях миль туннелей под поверхностью Венеры было найдено всего с десятков устройств хичи.

Но для тех, кто сумел бы их скопировать, они означали огромную прибыль. АнизокINETическая сумка оказалась подлинным чудом. Ударишь с одного конца, а сила удара выходит сбоку. Что еще более удивительно, ученые поняли, как это получается, и принцип оказался применим ко всем сферам строительства, производства и даже ремонта домов. Огненные жемчужины оставались загадкой. Как и так называемые молитвенные веера.

Затем люди нашли Врата, и самым большим сокровищем оказался космический флот. Однако на астероиде нашли только корабли. Сам астероид был пуст и хирургически

чист... словно хичи сознательно оставили корабли, убрав все остальные ценности.

Свыше двадцати лет старатели улетали с Врат в поисках чего-нибудь ценного. Они возвращались со снимками и рассказами, живыми существами и минералами; но артефактов хичи было найдено очень немного.

Вот почему так много старателей Врат умерли в бедности.

Полет «Инструментальный ящик»

Некоторые умирали богатыми, не подозревая о своем богатстве. Так случилось с одной из величайших находок. К несчастью, трем из пяти открывателей находка не принесла ничего хорошего, потому что они не пережили полета.

В полете участвовали три австрийца, два брата и их дядя. Они использовали остатки наследства, чтобы прилететь на Врата. Решили лететь только в бронированном корабле. Но такие корабли были только пятиместными, и потому в последнюю минуту в экипаж включили Мануэля де лос Финтоса из Южной Америки и американку Шери Лоффат.

Они достигли планеты, высадились на ней и ничего не нашли. Но инструменты показывали, что где-то есть металл хичи, и они его отыскиали.

Это оказался посадочный аппарат. Когда он был тут покинут, одному небу известно. Но аппарат был не пустой.

Главной находкой была груда восьмиугольных ящиков из

металла хичи с полметра длиной и в половину этого высотой, весом в двадцать три килограмма. Оказалось, что это инструментальные ящики. Нашли также некоторые знакомые предметы, насколько можно было судить, совершенно бесполезные: десяток маленьких молитвенных вееров, какие усеивали туннели Венеры и многие артефакты хичи. Были также предметы, похожие на отвертки, но с гибкими стволами; предметы, похожие на торцовые ключи, но сделанные из мягких материалов; предметы, напоминающие приборы для измерения электричества, но оказавшиеся запасными частями машин хичи.

Это был большой успех. Все они станут миллионерами – по крайней мере те, кто выживет.

Находка лежала прямо на поверхности планеты. Но вскоре старатели узнали, что поверхность планеты не самое лучшее место для находок сокровищ хичи. Под поверхностью – гораздо вероятнее.

Довольно рано об исчезнувших хичи стало известно одно: они любили туннели. Туннели, прорезавшие часть планеты Венеры, оказались не уникальными. Старатели проходили древними звездными путями и везде, где побывали хичи, находили туннели. Внутренности астероида Врата представляли собой лабиринт туннелей; точно такими же оказались и «другие Врата», обнаруженные исследователями. Почти на каждой планете, где находились следы пребывания хичи, находились и туннели, выложенные металлом хичи. Там, где

условия на поверхности были неблагоприятными (как на Венере), туннелей бывало множество. Но даже на такой прекрасной планете, как Пегги, их тоже нашли несколько. Антропологически подготовленные ученые, называвшиеся хичиологами, страстно пытались определить, какими были эти исчезнувшие существа. Они предположили, что хичи происходят от роющих землю животных типа сусликов, а не от животных, живших на деревьях. Хичиологи оказались правы... но прошло очень много времени, прежде чем они узнали об этом.

Все туннели выглядели совершенно одинаково. Стены их из плотного твердого металла, который светится в темноте, его называли металлом хичи. В первых открытых людьми туннелях – на Венере и на Вратах – это свечение было бледно-голубым. Очевидно, хичи предпочитали синий цвет, но в их кораблях оказались детали, сделанные из золотого металла хичи, а еще позже исследователи нашли металл хичи, испускающий красный и зеленый свет.

Никто не знал, почему у хичи металл разного цвета. Хичиологи в этом не могли помочь. Они могли сказать об этих разных цветах только то, что туннели из голубого металла обычно самые бедные на артефакты хичи; в золотых, красных и зеленых почти всегда старатели обнаруживали сокровища.

Конечно, пока люди не научились исследовать Галактику в кораблях хичи, они были ограничены голубыми туннелями

Венеры и Врат. А в них сокровища обнаруживались редко, хотя и бывали очень ценными. На других планетах туннели начинались как голубые, потом неожиданно меняли цвет, и именно в этих местах и обнаруживались разные полезные находки. Никто не знал почему... но тогда никто ничего не знал и о самих хичи.

Полет «Печь»

Ву Фенгцзе решил лететь в одноместном корабле. Такой корабль имеет свои преимущества и недостатки. Самое большое преимущество – если не на чем приземлиться и единственная награда – научная премия за снимки, вся она достается одному человеку.

Но так, однако, не получилось. Выйдя из полета быстрее света, Ву оказался на орбите вокруг более или менее земно-подобной планеты.

Таким образом, перед Ву возникла проблема, которая возникает перед каждым исследователем-одиночкой. Если он опустится в аппарате на поверхность планеты, в корабле никого не останется. Если с ним на поверхности что-то случится, его никто не выручит. Он предоставлен сам себе.

Другая проблема заключалась в том, что термин «земно-подобная» лишь приблизительно описывал планету, которую ему предстояло исследовать. «Земноподобная» означает, что планета примерно размером с Землю, что у нее есть

атмосфера, температура на поверхности позволяет иметь в атмосфере водяные пары, в мелких морях есть жидкая вода и замерзшая вода в холодных областях. Но планета не была раем. Холодные области занимали почти всю ее поверхность. Лучшая зона находилась вдоль экватора, да и та условиями напоминала Лабрадор.

Если на остальных частях поверхности что-то и было, то теперь оно покрыто тысячами футов льда. Не было смысла высаживаться на ледник: у Ву не было средств, чтобы вскрывать его. После долгих поисков Ву нашел голую скалу и приземлился на ней. Он не испытывал особого оптимизма. Окружение выглядело малообещающим, но инструменты сообщили ему неожиданную хорошую новость.

Здесь был туннель.

Ву имел опыт вскрытия туннелей. У него было даже необходимое оборудование. Монтаж большой бурильной установки и покрытие ее герметическим куполом отняло у него почти все силы и столько времени, что он истратил почти все припасы. Но он сделал это.

Туннель оказался из голубого металла.

Это разочаровывало, но, двигаясь по туннелю, он увидел и другие цвета. Дойдя до красного участка, он обнаружил большую машину – позже по ее описанию эксперты заключили, что это туннелекопатель, – но у него не было сил поднять ее, не было оборудования (да и храбрости, кстати), чтобы вырубить отдельные детали. В зеленой части оказались

свертки, которые Ву вначале принял за ткани. Но это был кристаллический материал, из которого сделаны молитвенные веера. А в золотой части – золото.

Груды и груды маленьких восьмиугольных ящичков из металла хичи, все запертые. И очень тяжелые.

Ву не мог унести их все, силы у него кончались. Он сумел перенести в аппарат два ящичка и улетел, намереваясь вернуться в пятиместнике.

К несчастью, когда он вернулся на Врата, обнаружилось, что пятиместники не воспринимают программу, которая привела его на планету. Не делали этого и трех- и одноместные корабли, ожидавшие в доках экипажи.

Казалось, только тот одноместник, который привез его, снова может отвезти на планету.

Конечно, так не получилось. Прежде чем он смог запросить его, кто-то другой взял его одноместник – и не вернулся.

У Ву оставалось только два ящичка, но их содержимое позволило ему купить себе дом в провинции Шэньси. В одном оказались нагревательные кольца. Они не работали, но были близки к рабочему состоянию, и ученые разобрались, как они действуют. (Позже на планете Пегги были найдены большие и в лучшем состоянии, но Ву все равно был первым.) Во втором ящичке был набор приборов для измерения микроволновых излучений.

Ученые старательно исследовали эти приборы, но они неверно ставили вопросы. Их интересовало, как они рабо-

тают. Никто не подумал поинтересоваться, почему хичи так занимало микроволновое излучение. Ответ на этот вопрос мог бы избавить человечество от больших неприятностей.

В туннеле планеты, которая казалась абсолютно бесперспективной, некий старатель впервые обнаружил образец туннелепроходочной машины хичи. Это был туннель на луноподобном спутнике далекого газового гиганта. В другом туннеле были найдены «камеры», в которые полагалось вставлять молитвенные веера для прочтения. И в туннеле Виталий Клеменков нашел маленький прибор, давший начало целой новой индустрии, а сам за это получил лишь ничтожную сумму.

История Клеменкова – это история неудачника. Он нашел то, что земные ученые называли пьезофоном. Его основную часть составляет диафрагма, сделанная из того же материала, что и кровавые бриллианты, усеивающие туннели Венеры и многие другие. Материал пьезоэлектрический: когда его сжимаешь, он производит электричество, и наоборот. Конечно, раньше находили много кровавых бриллиантов, но до Клеменкова никто не знал, что они просто сырье для производства пьезоэлектрических приборов. Клеменкову представились видения несметных богатств. К несчастью, земные лаборатории, отделы корпораций кабельной, телефонной и спутниковой связи превратили модель хичи в другую, которую могли создавать сами. Естественно, Клеменков обратил-

ся в суд, но кто может сражаться с адвокатами крупнейших корпораций Земли? Так что он удовлетворился сравнительно небольшим доходом.

Было еще одно великолепное место для находок артефактов хичи. Но вначале о нем никто не знал, хотя, если бы люди как следует подумали о самих Вратах, они могли бы догадаться. И никто не знал, что огромные богатства здесь – по существу, ловушка. Женщина по имени Патриша Боувер первой из старателей Врат сообщила о находке – и, как это часто бывает, находка принесла ей мало хорошего.

Полет «Пищевая фабрика»

Патриша Боувер вылетела на одноместнике. Она понятия не имела, куда летит. Была довольна, что полет оказался относительно недолгим – поворотный пункт через семь дней, цель – через четырнадцать, и поражена, когда приборы сказали ей, что далекая слабая звезда, ближайшая к ней в пространстве, на самом деле старое знакомое Солнце.

Она оказалась в Оортовом кометном облаке, далеко за орбитой Плутона, и причалила явно к артефакту хичи. Большому артефакту: он был длиной в восемьсот футов, и ничего подобного раньше никто не находил.

Когда Боувер проникла внутрь и огляделась, она поняла, что разбогатела. Эта штука оказалась забита машинами. Пат-

риша понятия не имела, что они делают, но не сомневалась, что некоторые из машин, а может, и многие, будут не менее ценными, чем туннелекопатель или анизокINETическая сумка.

Пузырь лопнул, когда выяснилось, что она не может вернуться на Врата. Ее корабль не двигался. Как бы она ни устанавливала приборы, он не реагировал. Он не только не возвращался автоматически в порт вылета, он вообще не летел.

Патриша Боувер застряла в нескольких миллиардах километров от Земли.

Как оказалось, артефакт все еще действовал; в той части, которую не увидела Пат Боувер, он продолжал производить пищу – через полмиллиона лет после ухода последнего хичи – из сырья, которое поставляли кометы: углерода, водорода, кислорода и азота, основных элементов, из которых состоит человеческая пища и тело. Если бы Пат знала это, если бы она заставила себя исследовать артефакт, она могла бы там долго прожить (хотя недостаточно долго, конечно, чтобы ее спасли).

Она, однако, этого не знала. А знала, что попала в беду. Она отправила длинное радиосообщение на Землю, в двадцати пяти световых днях от нее, объяснив, где находится и что случилось. Потом села в свой посадочный аппарат и направила его в сторону Солнца. Приняла большую порцию снотворного и забралась в холодильник... и там умерла.

Она знала, что шансы против нее. Она недостаточно за-

мерзла, чтобы ее могли оживить, да и вообще вероятность того, что кто-нибудь обнаружит ее замерзшее тело и попытается оживить, крайне мала. Кстати, так и получилось.

Пищевая фабрика хичи оказалась не единственной космической ловушкой для неосторожных. Таких крупных объектов было двадцать девять – их прозвали «собирательскими ловушками» – по всей Галактике.

Злополучная находка Патриши Боувер была не единственным артефактом хичи, который продолжал действовать. И не единственным, на который были запрограммированы корабли Врат. Нашелся и другой летающий гараж космических кораблей, оставленный хичи, почти такой же большой, как Врата. Люди называли его Врата-2.

Было также Место Этели.

Место Этели было открыто женщиной в одноместном корабле (эту женщину звали Этель Клок). Потом его заново открыла группа канадцев в бронированном трехместнике; потом еще один одноместник, пилот которого был родом из Корка, Ирландия, его звали Теренс Хорран. Канадцы не просто открыли артефакт. Они открыли также Этель Клок, потому что она была там, когда они прилетели. Когда прилетел Хорран, он открыл их всех, а позднейшие группы продолжали открывать прилетевших раньше, потому что все оставались там. Как у Пат Боувер, это оказался пункт с полетами в один конец. Возвращения не было. Приборы всех кораблей

после прибытия умирали.

Улететь с артефакта люди не могли.

Все они очень об этом жалели, потому что Место Этели оказалось настоящим чудом. Объект размером с крейсер, но без всяких двигателей. Во всяком случае, они их не смогли обнаружить. На нем были пищевые машины и регенераторы воды, воздуха и электричества; все машины по-прежнему действовали, несмотря на прошедшие тысячелетия. Хичи строили свои машины надежно. Больше того, в Месте Этели оказалось множество астрономических инструментов, и все они тоже действовали.

У людей было много времени, чтобы изучить свой новый дом. Больше делать им было нечего. Пищевые машины кормили их; жизни их ничто не угрожало. В сущности, получилась вполне самообеспечивающаяся небольшая колония. Она могла бы даже стать постоянной, со многими поколениями впереди, если бы Этель Клок ко времени прибытия канадцев не вышла из детородного возраста, а в последующих партиях оказались бы женщины.

Застрававшие в артефакте довольно быстро поняли, что Место Этели не что иное, как астрономическая обсерватория.

И сразу стало ясно, что должна была наблюдать эта обсерватория. Место Этели находилось на орбите на удалении примерно в тысячу астрономических единиц (это составляет примерно пять световых дней) от замечательной пары аст-

рономических объектов. Двойные звезды не представляют особого интереса. Но эта пара оказалась уникальной. Один из компонентов – стандартная звезда, хотя и относительно редкого типа, горячий пульсирующий сверхгигант молодого и неустойчивого класса Φ . Сам по себе он стоил небольшой научной премии – если, конечно, у людей появилась бы возможность сообщить результаты наблюдений, – но его компаньон оказался гораздо необычнее. Вокруг звезды типа Φ видно было наклонное кольцо из горячего газа; это свидетельствовало, что звезда находится еще в конечной стадии своего рождения. А компаньон весь состоял из газа, и газ был не очень горячим. Короче, это был огромный и почти прозрачный диск.

Чем больше люди наблюдали, тем все более странным казалось им увиденное. Звезды должны быть шарами. Они не должны быть дисками. Дiskoобразный компаньон трудно поддавался наблюдению, даже с помощью оптики хичи. Визуально он казался всего лишь неярким алым пятном в небе. Он был слишком холоден, чтобы сильно излучать. Инструменты хичи не могли сообщить его температуру, потому что хичи оказались непредусмотрительны: они не снабдили свои инструменты переходными таблицами к шкалам Кельвина, Цельсия или Фаренгейта. Клок оценила температуру этого спутника в пятьсот градусов Кельвина – это значительно ниже, чем на поверхности Венеры, например; холоднее, чем в древесном костре на Земле.

Постепенно выяснилось, что лучше всего наблюдать этот объект, когда он закрывает звезду класса Ф. Место Этели двигалось по своей орбите в противоположном направлении по сравнению с объектом, и потому затмения происходили чаще, чем при обычной стационарной орбите. Но все же и так они случались нечасто. Этель Клок наблюдала одно такое затмение одна, вскоре после своего прибытия. К следующему затмению вместе с ней оказались канадцы и Хорран, но это произошло больше чем через двадцать лет.

История Места Этели окончилась счастливо для его обитателей – ну, относительно счастливо. В конце концов люди научились направлять корабли хичи, куда им нужно. Вскоре после этого исследовательская группа, умеющая управлять кораблем, обнаружила пятерых застрывших и спасла их наконец.

Конечно, чуточку поздно. К этому времени Этель Клок шел семьдесят восьмой год и даже Хоррану было почти пятьдесят. Они даже не получили никакой научной премии. Корпорация «Врата» давно перестала выплачивать их, потому что самой Корпорации «Врата» больше не было.

Впрочем, даже если бы они прилетели раньше, все равно научная премия была бы невелика. К несчастью, эта двойная система оказалась не новым открытием. Она была очень хорошо знакома земным астрономам в связи со своими удивительными характеристиками. Звезда называлась Эпсилон Возничего, и особенности ее не были тайной. Земные астро-

номы с помощью своих инструментов наблюдали, как холодный диск компаньона прошел между Землей и звездой типа Ф в затмении 2000 года.

Прошло свыше пятидесяти лет между тем временем, когда первый старатель высадился в одной из «собираТЕЛЬских ловушек», и тем моментом, когда люди обнаружили последнюю из них. На них могло оказаться до восьми отдельных экипажей. Попадая туда, они не могли вернуться. В основном это были пищевые фабрики, или встроенные в корабль, или принимавшие пищу от расположенных поблизости автоматических установок, так что попадавшие туда люди не умирали, у них в достатке были также вода и воздух. Некоторые фабрики перестали действовать. В них находили покинутые корабли хичи и высохшие трупы.

Хичиологи считали, что эти «собираТЕЛЬские ловушки» служили определенной цели, может сразу нескольким целям. Хотя сами цели указать не могли. Они не были доступны для обитателей планет, а на самих планетах не оказывалось туннелей и вообще сокровищ. До артефактов с планеты можно было добраться только на космическом корабле.

Казалось, что это тест на разумность, оставленный исчезнувшими чужаками. Как будто хичи, уходя туда, куда они ушли, нарочно оставили ключ к себе. Но даже эти ключи отыскать было трудно. Ни одна разумная раса не смогла бы отыскать их, пока не начинала хотя бы примитивные меж-

планетные перелеты.

А самые большие призы были запрятаны еще тщательнее.

Точности ради следует указать, что не старатель с Врат совершил первый перелет к пищевой фабрике с возвратом. Полет Пат Боувер не в счет. Экспедиция, которая сделала возможным ликвидацию голода на Земле с помощью углеродно-водородно-кислородно-азотной (или CHON) пищи хичи, прилетела на земных химических ракетах, вылетев из центра Солнечной системы к ее краю.

И эта экспедиция совершила еще одно большое открытие. Оно было названо Небо Хичи. Самый большой из когда-либо обнаруженных артефактов хичи, более полумили в длину, вдвое больше океанского лайнера. Веретенообразный по форме (привычный образец хичи) и населенный. В нем оказались потомки группы австралопитеков, которых хичи захватили на поверхности Земли полмиллиона лет назад; в нем также оказался живой человек, потомок пары старателей, достигших Неба Хичи на своем корабле с Врат – и оставшихся там. А также записанные сознания (плохо записанные, потому что машинам, которые не были для этого предназначены, пришлось выполнять работу с человеческими сознаниями; когда создавались эти машины, людей еще не было) более двухсот старателей, не вернувшихся из своих полетов в один конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.